

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

У. Д. ГРИГОРЬЕВ И.

ДИНУАР

Григорьев Н.
V. D.
Динуар

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67638903
SelfPub; 2022*

Аннотация

На мрачных улицах Динаполиса исчезают за'ары. Полицейский департамент бессилён, или просто смотрит сквозь пальцы. Лишние вопросы даже копа заведут не туда.

Нищий в переулке и владелец веганской закуской, домохозяйка и босс мафии, подминающий под себя город. Таинственную башню возводят в трущобах, и воды Рэй-ривер отливают оттенком крови. Каждый день кто-то выходит из дома, чтобы пропасть навсегда.

Ленни Кравитц – частный детектив в мире антропоморфных динозавров. Грубый циник в подтяжках, всегда готовый к работе. Ваши проблемы – его проблемы, если вы сойдёте в цене.

Бывшая подружка сыщика пропала. По крайней мере, так утверждает её муж. Пухлый конверт с авансом, и Ленни отправляется туда, куда зарекся возвращаться. В прошлое. Друг детства, погибший на войне. Женщина, от которой отказался. Старые раны почти не болят, если не трогать.

Это жесткая история, лишённая всякой надежды. Как рваный блюз из-за окон со двора: стоит только напрячь слух. Это Динуар.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Об авторах	6
Пролом в стене	7
vol. one	8
Старый друг	14
Преступления без жертвы	25
Крыса в переулке	37
Каирн душ	49
Берлинская лазурь	72
Пропавшие судьбы	98
Неудобный персонаж	123
Райские Поля	146
Черный Веган	173
Перемена мест	187
vol. two	193
День мертвецов	193
Тени в переулке	217
Знакомые лица	238
Крыса в ящике	257
Fire in the Hole	268
Dead-end	295
Неаполь, у моря	316
Его электрический стул	336
Шкатулка с секретом	347

Дорога Дьявола	375
Зверь над городом	385
Мертвый груз	410
Горизонт событий	427
эпилог	453

V. D., Григорьев Н. Динуар

Об авторах

V. D.

Родился в городе Советске вскоре после того, как тот перестал быть Тильзитом. Много лет ходил в торговом флоте. Пенсионер. Главный источник вдохновения – неторопливые лесные прогулки в поисках грибов. По его собственным оценкам, неплохо засаливает огурцы. В юности увлекался палеонтологией. Любимые авторы: Стаут, Спиллейн, Хэммет. Обожает пунктуацию.

Григорьев Н.

Коренной сибиряк. По специальности – инженер-системотехник. Кандидат в мастера спорта по авиамоделированию. Предпочитаемое направление в литературе – темное фэнтези. Постоянный участник российских ролевых конвенгов. Близнецы.

При желании вы можете узнать больше о нашем творчестве (и серии «Динуар») в нашей группе VK

https://vk.com/the_plagueis_club

Пролом в стене

*Одни еще растут, другие находятся
в расцвете, третьи же разрушаются.
Погибают друг от друга, сталкиваясь
между собой.*

Missing. Так это называется на полицейском жаргоне. Пропавшая персона¹. По прошествии двадцати четырех часов вы имеете право заявить в полицию. Сделать вид, что всем не плевать. От трехсот тысяч до полумиллиона ежегодно обновляют статистику пропавших. Почти всех находят в первые три дня. Некоторых позже. В канаве, мусорном баке, расчлененными, скормленными аллигаторам, замурованными – мало ли как. Тогда делу меняют квалификацию, а бумаги отправляют этажом выше. Так missing превращается в Джона Доу². А потому вам необходимо то, что называют качественными детективными услугами. Если вы действительно хотите кого-то найти.

Частным сыщикам в этом городе всегда хватает работы.

¹ missing person

² неопознанное тело

vol. one

БЕЗНАДЕЖНЫЕ ДОЛГИ

07/29 Su

Змейка сигаретного дыма вилась в воздухе, пока не ударилась в оконное стекло. Ленни кинул на столик книжку-коробок, теперь пустую. На улице задавался день, и редкие кары бесшумно проносились мимо. Пока еще бледное солнце старалось изо всех сил, и вывеска с крыши отбрасывала на брусчатку легкую тень.

– Утро, Ленни! – бодро объявил мистер Берри, разбирая поднос. На небесно-синюю скатерть опустил фирменный завтрак.

– Здравствуй, Рэд.

– При первых проблесках зари?

– А?

– Ты снова с нами. Все-таки решил изменить жизнь к лучшему?

«Новая жизнь – новый ты» – слоган на плакате в багетной рамке. Довольный за'ар держит напоказ репу размером с младенца. Ленни выпустил еще одну змейку:

– Может и так, Рэд. Может, и так.

Улыбашка Рэдмонд. Круглый, как кочан, услужливый, будто подрабатывал швейцаром. Но что-то неладное было

в образе хозяина. Жутковатый изъян. Как если бы толстяк прятал за спиной нож и ждал момента. Наточенное лезвие за завязками цветного фартука. Невидимая, но осязаемая угроза. Как вкус металла на зубах. Стоит лишь отвлечься, и...

Тень вывески рябила на мостовой, буквы жались друг к другу, словно закадычные приятели. В сплюснутой бубликом «О» расплавил крылья силуэт бабочки. Логотип заведения, яркий задел на франшизу. Крылья едва подрагивали на желтых камнях, от чего казалось, что бабочка сейчас полетит. Такой вот фокус.

«Фокус это не фокус, – часто повторял Шилдс. – Фокус – это подготовка».

Ленни с трудом дожевал омлет: проклятый шпинат застревал в зубах, отравляя рот травяным привкусом. «Хочешь быть молодым и здоровым – питайся правильно» – сообщали миру все тот же за'ар вместе с репой. Ну-ну. Спроси Ленни, лучше сдохнуть старым и больным, чем жрать все это.

Он вспомнил фирменный салат Мамаши Марш. Горькие овощи, нарезанные вялой соломкой. Раньше этот город вдалбливал элементарную истину: если ты травоядный – страдай. Куда все делось?

Закусочная заполнялась. Жизнерадостные идиоты спешили утопить свою радость в минестроне. Теперь это называется завтрак. Сладкая Парочка на этот раз заявила около десяти. Он заказал цезарь с фалафелем, она – фиолетовую

смесь. Оба потребовали студенческой скидки. Мистер Берри благосклонно улыбнулся. Он не спорил, хотя вряд ли ребята протянули и пару лет в муниципальной школе. Надеюсь, вам понравился сервис. Расскажите о нас друзьям. Душка Рэдмонд, хорошо ли наточен твой нож?

Ленни раскрыл блокнот.

Группа компаний New Life, Travis Passage (подразделение Rose Corp.) и фирма «Элизиум»³ – святая троица этого мира. Их крестовый поход за здоровьем нации начался с благословенного штата Дин. Тренировочные лагеря, спортплощадки, организация занятий на свежем воздухе – дело рук этих проходимцев. В округе не найдешь столба, на котором ни красовалась бы листовка, предлагавшая отжаться или сожрать морковку. И отжаться еще.

Время едва плелось. По замершей улице монотонно проплывали одинокие за'ары, монотонный гул столовых приборов, бряцающих о фаянс, усыплял. Этот мир был похож на блюз с заунывной пластинки Шилдса. Как и любой другой. Ленни наконец выцепил языком упорный шпинат, и теперь вяло перемешивал толстой соломиной коктейль: темные комки бултыхались в болотной жиже.

– Ты книгу пишешь? – мистер Берри возник ниоткуда и начал собирать посуду. Заточенное лезвие, цветные завязки.

– А? – посетитель оторвался от созерцания болота в миниатюре: один комок разбился, второй медленно погружал-

³ собственно, объединенная овощная компания (UVCO)

ся на дно. Как и мы все.

– Ты у нас в третий, что ли, раз на этой неделе?

В лучшем случае – второй. Но кто считает?

– Допустим.

– И все строчишь в свой блокнот. – Рэдмонд кивком указал на столик. – Мне кажется, ты нашел свое место силы.

– А?

– Место, где писателю удобно работать. Обиталище муз.

Ну-ну.

«Так что ты будешь делать с толстяком? – выплыл из глубины внутренний голос. – Ведь вариантов всего два, верно? Либо он знает, что ты в некоторой степени не ты, и юродствует. Либо перепутал с кем-то еще. Многих встречал, кого можно перепутать с таким, как ты?»

Не особенно.

– Обиталище муз? Пожалуй.

Ленни покосился на кожаную книжку с выглядывавшим из кольцевых зажимов серебряным карандашом. Металлический уголок приставал к полям фетровой шляпы. Ослепительно белой, не подходившей к его грубому стилю.

– И какой жанр?

– Бульварный детектив, – брякнул он.

«Нет ничего более неловкого, чем начало любой истории», – так говорил Донни.

– Обожаю детективы! – мистер Берри обрадовался, как будто выиграл в лотерею.

Еще недавно не всякий сыщик взялся бы отыскать в Динаполисе желающего жевать свеклу по собственной воле. Ключевое слово – «недавно». Объединенная овощная компания опрокинула на мирных за'аров соединенную мощь навязчивой рекламы и государственной программы продовольственной помощи. Полгода спустя невзрачные кафешки, которыми был утыкан штат Дин, заполнились блюдами из «экологически чистых овощей и фруктов». Ленни знал об этом, потому что эти факты касались дела. «Или потому, что это написано в любой брошюре, – снова встрял голос. – Так какие планы на толстяка? Для приверженца своей диеты парень не слишком подтянут, не находишь?»

– Когда я был маленьким, дядя Ти брал меня на ярмарочные сеансы, – продолжал Толстяк, не подозревая, что на него уже строят планы. Ленни понадеялся, что «Дядя Ти» не кличка его сутенера. – Короткие немые комедии, где всё движется слишком быстро. Казалось, режиссер боялся, что зрителю наскучит сюжет. И бог свидетель, не зря! – Мистер Берри покачал головой, как если бы разочарование в старых комедиях до сих пор причиняло ему досаду. – С тех времен у меня крутится одна завязка... – он сделал торжественную паузу.

Врата ада распахнулись, и травоядные со всех концов штата бросились в забегаловки типа «Дыры в стене» получить свою порцию салата. Ажиотаж поднялся тот еще, и теперь меню едва ли не каждого второго кафе забито дерьмом,

как вокзальный сортир.

– Несколько ребят пытаются ограбить заведение вроде нашего. И больше их никто никогда не видит. Таинственное исчезновение...

Ленни медленно поднял голову и тяжело посмотрел на хозяина. Тот не стушевался.

– Скажу по секрету, нет ничего менее подозрительного, чем вегетарианское кафе.

Он действительно ломает комедию? Или это неудачный подбор слов? Не все ли равно. Последние недели выдались не из легких. Как и вся эта жизнь. Впрочем, Рэд вроде смиренный. А будет быковать, что ж, замараю паркет...

– Великолепная идея, Рэдмонд, – ровно ответил Ленни. – Впору писать роман.

– Или повесть в двух частях, – легко согласился мистер Берри, поменял пустой коробок на полный и выставил сырники из тофу. – За счет заведения.

Вот она, радость. На вкус лепешки были, как ничто. Чуть подслащенное, вязкое ничто.

– Знаешь, Ленни, – на полпути обернулся хозяин. – Ты здесь недавно, но кажется, мы знакомы целую жизнь.

– Может, и так, Рэд. – Ленни чиркнул спичкой и затянулся. – Может, и так.

Старый друг

07/13 Fr

Серый кабинет замер, словно был выполнен в карандаше. Казалось, можно различить отдельные штрихи грифеля. Уличный фонарь проходил сквозь английское стекло, чтобы оставить на столе полосы янтарного света. Черным прямоугольником по центру лежала тяжелая тень хозяина. Не хватало разве что молнии на заднем плане.

Милости просим – частный детектив Кравитц. Крепкий профессионал в подтяжках, всегда готовый к работе. Ваши проблемы – наши проблемы, за определенную цену, и все такое. Ленни нравился образ крутого сыщика. Он мог сидеть и сквозь дым с прищуром смотреть на клиента, просто чтобы насладиться моментом. Только не на этого.

Угрюмый, тяжелый, потный. Гость из прошлого, от которого мутит на душе. Он сидел на краешке стула, неудобно развернув туловище, и все талдычил о какой-то ерунде. На его стороне дымилась чашечка кофе. Черный и без сахара, или как там он его пил? Чего ради ты сюда приперся, приятель? Неужели припекло? Найди себе шавку с Холлидей-роуд, готовую рвать жопу за пару баксов. Твои проблемы никогда не станут моими. За любую цену.

Ленни отрешенно смотрел в сторону. Лампочки барного шкафа отражались в зеркальной стенке, придавая буты-

лям крепкий ржавый оттенок. Он было подумал, что неплохо плеснуть старому другу выпить, а потом вышвырнуть вон и не вспоминать сукина сына еще лет триста⁴, когда Джимми сипло добавил: «Это Лори».

Старые друзья, они такие. Каждый норовит выскочить из прошлого и повернуть оставленный в спине нож.

Он уже собирался домой, когда по рифленому стеклу постучали. Три уверенных стука. Нок. Нок. Нок. Джимми-Джимми, чертов бойскаут, ты всегда знал, чего хотел, а?

– Они не дергаются. Копы. Ты же в курсе, – упрямо повторял Ширес. Их разделял массивный стол, их разделяла едва ли не четверть жизни. – Перекладывают бумажки и кряхтят, будто мешками ворочают.

– Это Динаполис, здесь все время кто-то пропадает. – Лени с силой затушил сигарету в черную, под мрамор, пепельницу. – Окей. Допустим, ты себя не накручиваешь, я-то причем? Я не ищу пропавших, Джимми. Ни за'аров, ни куриц, ни-ко-го. Это хлопотно и затратно. А еще опасно. Это может быть чертовски опасно. Ведь никогда не знаешь, что именно ты найдешь. Арчи Холланду так руку сломали. Спиральный перелом лучевой кости. Видать, нашел не того. – Посетитель угрюмо посмотрел на выглядывающие из-под трексы⁵ тем-

⁴ это гипербола, за'ары столько не живут

⁵ трекса (иногда – трекс) – рубашка с коротким рукавом и кожаными вставками на плечах. Изготавливается преимущественно из льняной ткани. Популярна у реднеков и копов

ные бугры мышц: тебе-то сломают. Ленни проигнорировал взгляд. – Но обычно эта возня не дает результата.

– Хочешь сказать, быстрого?

– Я хочу сказать, того, при котором я не потеряю бизнес прежде, чем закончу разгребать дерьмо, – он кивнул на надпись, шедшую полукругом по рифленому стеклу.

«**Shields&Kravitz Investigations**». Впрочем, не было никакого Шилдса. Донни не вернулся из Залива. Ленни оставил там лучшую версию себя. А Джимми, что с него взять? Непробиваемый, как «Carbondale»⁶: если война и задела Ширеса, то не оставила следа в плотной, как ткань его костюмов, душе. Ничто не смогло бы оставить.

– Рано или поздно они найдут твою зазнобу, – добавил Ленни с новой сигаретой в зубах и огляделся в поисках спичек. – Возможно, даже живой. Просто дай им шанс, окей?

Старый друг поднес огонь, золотое пламя отразилось на поверхности его безжизненных глаз. Он угрюмо повторил сказанное. Затем еще раз, слово в слово, не повышая тона. Так мог говорить прибор.

Его знакомая ушла вечером и не вернулась. В последний раз ее видели рядом с веганской кафешкой «Дыра в стене», на углу Юнион и 17-ой. «Западный берег? В какую дыру ни забьешься, если ты травоядный, а?» – ввернул Кравитц, чтобы хоть как-то разбить монотонный ритм, и затянулся. Посетитель не позволил себя отвлечь: полиция ничего не пред-

⁶ фирма по производству сейфов

принимает, и бла-бла-бла. Где-то здесь Ленни подумал, что хорошо бы выпить да и послать ублюдка ко всем чертям. Сколько у Джимми таких «знакомых»... одной меньше, но кто считает? И тут Ширес наконец добрался до сути: «Это Лори».

Кравитц плюнул сигарету на пол.

Окурок кружился у самых глаз Ленни, мелкие камни простучали по стеклу: за окном лихач на бэйкере поднял в полуденное солнце притаившийся у обочины мусор. С противоположной стороны лохматилось полотно билборда: ветер клонил к закату поляну роз на выцветшем от жары виниле. «Новая жизнь – новый мир». И ниже мелким шрифтом: совместно с Travis Passage, туристическим бюро экстремальных путешествий (Rose Corp.) Это называется ирония. Сыщик криво ухмыльнулся картинке и отвернулся от окна. Лори...

В грошовых романах все начинается с женщины. Это клише. Третий детектив непременно сунется в пасть к дьяволу ради красивенькой мордашки. Ленни выпустил сигаретный дым: с разбегу. Даже лучший секс не стоит и фартинга, если в конце любовного туннеля ждет пуля. Улицы полны роскошных незнакомок, а жизнь одна. Ты рискнешь шкурой лишь за кого-то конкретного. Лори. Он ушел на войну, а она осталась...

Стукнула дверь, и кафешку покинул последний посетитель. До ланча здесь будет пусто, как на похоронах бродя-

ги. Мистер Берри снова станет переговариваться с невидимым поваром на кухне, а потом замрет над свежим номером «Шрайк»⁷. «Дыра», ты и есть дыра, что тут сказать.

– Всегда любил мясо, – жалобно сообщил мистер Смит. Ленни вздрогнул: он совершенно забыл про старикана. – Мясо, скачки и хороший бурбон. Кто бы мог подумать, что на восьмом десятке я застряну в подобном, с позволения сказать, заведении...

Кто бы мог подумать, что у хрыча раньше был вкус? Он никогда не заказывал. Просто сидел за столиком с невыносимой тоской во взгляде, будто хотел оказаться за горизонтом всего. Каждый день он обреченно обращался с чем-то к хозяину, но тот лишь отрицательно качал головой.

Работяги за стеклом пытались оттащить от входа массивный штендер. «Райские поля». Он был привязан на цепь толщиной в запястье, но парни не обращали внимания на всякие мелочи. Они дергали щит и глупо чесали затылки закругленными когтями. «Райские поля: свободная ферма экологически чистых овощей и фруктов», главный оплот «Элизиума» в Динополисе.

– Меняем снабжение, а? – Ленни указал за окно.

Поговаривали, что внутри Святой Троицы не все так гладко. Якобы Rose corp. начала оказывать давление на «Новую жизнь», а та, в свою очередь, теснит фермеров. Впрочем, дела у «Райских полей» не заладились по совершенно другой

⁷ «Shrike Evening Post» – ежедневная газетенка

причине.

– Реструктурируем бизнес, – отозвался от стойки хозяин. – Переходим на собственное производство.

– Будет еще вкуснее? – Кравитц понадеялся, что ему удалось сдержать иронию. Или хотя бы не заржать в голос.

– О, и намного!

Один из за'аров все-таки не выдержал и со всей дури рванул стенд. Цепь беззвучно лопнула, звенья брызнули во все стороны, едва не угодив в витрину. Оба парня свалились на мостовую, погребенные рекламным щитом.

Реструктуризация, как же. «Райские поля» сожгли во время недавнего налета. Ограбление века, не иначе. С четверга ньюсбои орали наперебой: «Ночь овощного террора!», «Услуга обществу», «Кому мешала веганская ферма?». Хохмачи. Кравитц примерно представлял содержание этих статей: они все ошибались. Он прикрыл глаза и откинулся под жарким солнцем. Лори...

Он любил скотч, она предпочитала виски. Отличная фраза для романа. Они были вместе еще до всего. Но он ушел на войну, а потом вернулся. И был год. Год, в который он собирал себя по кусочкам. Маленькие фрагменты гигантского паззла по имени Ленни Кравитц. В хорошие дни он находил десяток-другой деталей. В плохие – опрокидывал все с доски. И по новой. Врачи назвали это эксплуатационной недееспособностью. Как будто он пылесос, в котором что-то сломалось. Год терзающих ночных кошмаров, тревожных зву-

ков и вспышек ярости. Год, в который он не подпускал к себе никого. А потом все изменилось, не так ли? Джимми завалялся в своем плотном костюме, будто намылился в коммивояжеры. Последнее «прощай» перед бесконечной дорогой по просторам старой-доброй Америки? Вереницы враждебных честному коммерсанту городков ждали старину Ширеса, пока он долго смотрел на Ленни. А потом он сипло сказал: «Ты мне должен». И оба знали, что это значит. Старые долги утягивают в омут, как груз – мертвеца.

С улицы зашел мелкий жулик с высоким гребнем. Рэксфорд Джонс. Кравитц по привычке раскрыл блокнот.

– Еще раз, по порядку и ничего не упуская, окей? – сказал Кравитц, раскрывая блокнот. Полумрак офиса превращал в каракули резкий почерк на серой бумаге.

– Лори ушла в субботу, около девяти. С тех пор...

– Ушла откуда?

– Из дома.

Клиент выдавливал из себя реплики, понуро опустив башку. Выпяченный вперед лоб придавал ему сходство с бараном. Он всегда был таким: упертым, правильным какой-то своей, лишь ему доступной правотой.

– Адрес.

Ширес уставился на сыщика: «ой ли ты не знаешь», но все-таки назвал.

– Это в Стоуне⁸? – глупо уточнил Кравитц. И когда они забрались так высоко ?

Джимми посмотрел на него как на идиота: разумеется, это в Стоуне.

– Почему ты заявил только в понедельник?

– Мы поссорились.

– И часто вы ссорились? – Ленни оторвался от записей и пристально взглянул на старого друга.

– Эй-эй, ничего такого, – старый друг энергично замотал башкой.

Он ее не бил. Бойскаут-Джимми не поднял бы руку на женщину. Он мог вызвать авиацию на себя. Мгновение – и свистящие с небес болиды желто-красным заревом рвут в клочья и своих, и чужих, сминая кварталы песочных зданий... Это – пожалуйста, это по уставу. Но он бы не поднял руку на женщину. Или поднял? Ленни представил, как боковым ударом выбивает мелкие зубы Ширеса. Как волочет его тушу и выбрасывает из окна под изогнутый столб фонаря. Как осколки беззвучно сыплются на не отошедшую от дневного зноя мостовую. Как сам выпрыгивает следом в духоту ночи...

– Она ушла, дальше? – жестко прервал собственные фантазии Кравитц.

– Дальше – все.

⁸ Solestone – престижный район Динаполиса. Хуже Холмов, лучше всего остального

– Она могла просто уйти? К родственникам, знакомым, друзьям, любовнику? – он выделил последнее слово.

– Может, и могла. Но тогда бы полиция ее нашла, верно? Верно. По крайней мере – вероятно. Если бы не сомнительные заслуги легавых, этот город утонул бы в криминале намного глубже, чем утонул. Но где-то проходила граница их компетентности: лень, коррупция, апатия, пофигизм. К нему, например, из участка никто не обращался. И Ширес наверняка об этом знал. «Ты не нанять меня пришел, а проверить, – подумал Ленни. – И что бы ты сделал, окажись прав? Ты качаешься, Джимми? Ходишь на армейский бой по воскресеньям? А что это оттопыривает твой уродский пиджак, револьвер? Ну-ну». Собственный магнум сыщика ждал в кобуре под крышкой стола.

– Итак, она пошла в эту... – он сверился с записями, – «Дыру»? Угол Юнион и 17-ой?

– Не совсем. В полиции сказали, что последний раз ее видели недалеко оттуда.

– Кто видел? Во сколько?

– Не знаю.

– А кто знает?

– Полицейские?

Логично. Кравитц подцепил на коготь последнюю сигарету в пачке.

– Погоди-ка... – Только тут до сыщика начало доходить – Так она вегетарианка?

Ленни не любил травоядных . Он считал их слабыми, нерешительными и беззащитными. Их чудовищный культ тела – всего лишь компенсация по... Кравитц забыл, как звали того умника, о котором часто вспоминал Шилдс, и вообще не был до конца уверен, в чем там фишка. Ему просто нравилось слово.

– Ну да. Два года. Может, три.

– С чего вдруг?

Ширес глупо развел руками:

– Мода.

Ленни с трудом представил, как полусонная Лори пытается делать зарядку. Обычно по утрам она предпочитала другое... Он покосился на плотную фигуру напротив: видимо, не с ним.

– Окей. И как давно она посещает «Дыру в Стене»?

– Западный Мидтаун? Никак. Левый берег не самое престижное место. Ты знаешь Лори.

Он не знал. Не ее, не сейчас.

– Тогда по порядку. После ссоры с тобой, она перешла мост, чего обычно не делала, и с тех пор ее больше никто не видел, а?

– Да.

– Думаешь, на что это похоже?

– На что? – буркнул Ширес. Пот лоснился на лбу, несмотря на относительную прохладу офиса; оттопыренный пиджак неприятно целился в Ленни.

– Что ты убил ее, Джимми, – с необъяснимым злорадством объяснил Кравитц. – А теперь ломаешь комедию для легавых.

– Убил. И в подвале закопал, – бесцветным голосом откликнулся Джимми. Он смотрел на сыщика гадким взглядом исподлобья, словно испытывал его. – А к тебе пришел, потому что совесть замучила. Хочу, чтобы ты воздал мне за грехи, так?

«И ты станешь моим проводником в царство раскаяния», – закончил пассаж Ширеса голос в голове Ленни.

– Это же Лори, – настойчиво сказал гость. – Берешься?

И будто бы после добавил: «Ты ей должен». Или это снова был голос.

Кравитц оттянул подтяжки большими пальцами:

– Пятьдесят в день, плюс расходы. Аванс пять сотен. Безвозвратный.

Старый друг на секунду смешался, затем медленно полез за пазуху. Кравитц задержал дыхание. Кравитц был готов. Однако вместо ствола на серый свет кабинета появился пухлый конверт. Нервы ни к черту. Хорош бы он был, пристрели клиента, который потянулся за гонораром.

Джимми швырнул конверт на стол, как швыряют кость.

– Здесь намного больше. И все твое. Гарантия, что бизнес не сдохнет раньше времени. – В его исполнении это прозвучало как пожелание сдохнуть, то ли бизнесу, то ли его владельцу. – Просто найди ее, Кравитц. Забрось дрянную рабо-

тенку и сделай в своей жизни что-то хорошее.

За такие деньги парни с Холлидей-роуд прикончили бы родную мать.

Ленни показалось, что Ширес хочет добавить что-то еще, но тот поднялся и сутулясь направился к двери. Он так и не притронулся к кофе.

Интересно, когда он собирался рассказать, что это Лори? Одна моя знакомая пропала... Конечно, Джимми, столько лет не виделась, уже бегу! Как она выглядела? Особые приметы? Он думал, что, я не узнаю, кого ищу, пока не найду? Он вообще думал? Идиот. И что она в нем нашла...

Преступления без жертвы

07/16 Мо

– Огонь есть?

– Что?

– Прикурить!

Ленни по-хозяйски вывернул ручку электроплитки.

– Эй, Кравитц, что здесь такое! – женщина острым пальцем указала на черно-белый плакат «No Smoking», кнопкой пришипленный к стене.

– Отсюда не видно, – Ленни причмокивая раскурил сигарету и обернулся.

Капитан 9-го участка Элизабет Дросс выступала из капитанского кресла, как причальная мачта среди грозовых обла-

ков. Тонкая, как стилет, пронырливая, как ящерица. Служба не сделала ее краше.

– Курение убивает.

Еще один лозунг. Чокнувшись от первых успехов, Святая Троица пошла войной на табачников. Уверенность Овощных Сестер в том, что каждый за’ар в штате только и ждет, когда у него изо рта вытащат сигарету, поначалу умиляла. А теперь они добрались и до полиции.

– Свинец убивает. – Сыщик смачно затыкнулся. – Но разве так встречают друзей, а?

Друг Элизабет Дросс походил на деревенщину, который очень хотел казаться крутым. Бесцветная трекса с потертыми вставками была стянута подтяжками из коричневой кожи, скорее напоминавшими ремни кобуры. Из-за спины выглядывал краешек зацепленного за ремень чехла для блокнота. Солома на голове торчала во все стороны, ершистые баки спускались по измятому лицу недозволительно низко.

– Всё надеялась, сдохну раньше, чем тебя еще раз увижу. Но тут меня перебросили в кабинет, – она развела руками: – Облом.

– Это называется карма, Лиз.

Ленни подставил стул и плюхнулся напротив. Лицо сыщика при этом приняло идиотское выражение, которое он, по всей видимости, полагал радостной улыбкой. Его вид будто вопил: вот и я, детка! И детки разбежались кто куда.

Капитан критически осмотрела гостя:

– Тебе никто не говорил, что носить ремень с подтяжками – дурной вкус?

– Ты и еще половина Динаполиса каждый божий день как заведенные, – он оскалился, продемонстрировав тусклую фикса⁹, отчего стал похож на пирата. – О, что тут у нас? Мокруха. Мокруха. Мокруха первой степени. Покушения на убийство... хмм, целая стопка. Кто-то не умеет доводить работу до конца, а?

– Чего тебе, Кравитц? – устало спросила Дросс.

Ленни пожевал сигарету:

– Ты помнишь Джимми?

– Конечно. Тот самый Джимми, изнасилование монашки? У него нос был крюком. Его так и прозвали – Джимми Крюк. Или не нос... А может, Джимми Хопс, нападение и контрабанда бензина? Ему оторвали голову лет восемь назад? Буквально оторвали. Кровищи было! Арчи потом весь день выворачивало наизнанку. Мне кажется, после этого дела он и подружился с бутылкой¹⁰... Или Джимми Симос? – она указала на доску «most wanted», – ограбление банка и каннибализм.

Лиззи Дросс была очаровательной девушкой, а потом ее вышибли из Бюро. Одна из тех историй, которые рушат судьбы. И Ленни Кравитц в качестве героя второго плана. Го-

⁹ еще один пример отвратного вкуса

¹⁰ или его выворачивало как раз потому, что они с бутылкой уже были закадычными приятелями

ворили, он прикончил подозреваемого. Ее подозреваемого. Как там чинука звали? Териус? Тернус? Что-то вычурное. Агент Дросс не смогла опознать стрелявшего. Огромный ангар и освещение ни к черту, доложила она. Но все всё знали. Каким-то чудом она устроилась в полицию, но начинала с самых низов. Ленни так и не понял, почему она его не сдала.

– Итак? – капитан выжидательно посмотрела.

– Итак, – сыщик сжал в пальцах тлеющий фильтр и начал историю Ширеса.

Было около полуночи. Жар ночи продавливался через оконные рамы, или это Ленни забыл выключить конфорку. Одна из ламп в плафонном стекле с ленивым урчанием погасла, сделав кабинет еще более серым, чем он был.

– Вот черт, – выругалась Дросс.

– И что ты думаешь?

– Травоядная, – Лиззи облизала растресканные от жары губы. – А чего она, собственно, ждала от жизни?

Кажется, капитан полиции была не в восторге от новых реалий.

– Я серьезно, Лиз...

– Если серьезно, ты и сам все знаешь. Муж. Это почти всегда муж. Или любовник. Был случай, когда муж и любовник трахались друг с другом, и надумали замочить неверную женушку. Так что все равно муж.

Типичный подход и неспособность к нестандартному мышлению. Кто-то сомневался?

– Не катит. Джимми только что отвалил мне столько нала, что я мог бы прикупить кар.

– То-то я смотрю, у тебя все еще нет кара.

– Да, но теперь у меня его нет из принципа.

Полицейская криво улыбнулась.

– Лиз?

– Это Динаполис, Кравитц, здесь всегда кто-то исчезает.

Но жизнь продолжается. Чего ты хочешь?

– Исчезают? И много? – мгновенно отреагировал сыщик.

– Для кого как, – лениво протянула Дросс. Пожалуй, неестественно лениво.

– Лиииз?

– Возможно больше, чем могло бы.

– Травоядные? Мидтаун? Угол Юнион и 17-ой?

– Возможно. Кому какое дело. Это преступление без жертвы.

– Потому что нет трупов? – опешил Ленни. Он мял в зубах сигарету, но снова прорваться к плитке не решался. – Нет тела – нет дела, так? Ты ведь знаешь, что преступление без жертвы – это нарушение какого-нибудь дебильного положения, от которого никому никакого вреда, а?

– Это один взгляд на вопрос.

– Ага. Прямиком из офиса окружного прокурора. Если я сниму шлюху – это, возможно, нарушит закон времен отцов-основателей, но не повлечет...

– Бедная девушка! – сверкнула глазами Лиз. – Такого на-

терпеться! Только посмей, Кравитц, и я лично брошу тебя в тюрьму!

– Ха-ха.

Коп с чувством юмора – впору повеситься. И где только понабралась.

– Короче, Лиз, когда придет большой шмон, у тебя с твоей трактовкой возникнут серьезные проблемы.

– То-то тебя волнуют мои проблемы, Кравитц. – Она тонко улыбнулась. – Лучше беспокойся о своих.

– А?

– Под тебя роет налоговая.

Вот еще новости.

– А?

– Налоги, Кравитц, это такая штука, которую надо платить со всего дохода, а не с половины. Можешь уточнить в офисе прокурора.

– Тебе прекрасно известно, на что идет вторая половина, – огрызнулся детектив. Он хотел сожрать чертову сигарету. – Я не стану платить с того, чего у меня нет.

– Ты же знаешь, что ей это не нужно.

– Это нужно мне.

– Ладно, – капитан Дросс неожиданно смягчилась, и Лени пришло в голову, что форма ей совершенно не к лицу. – Сделаем так. Я пришлю тебе материалы дела. Всех дел об исчезновениях Стаут, Юнион, Десятая, и все такое.

– 17-ая.

– Ну да. И ты утонешь в бумагах, как крыса в дерьме.

– Ха-ха-ха, – хрипло прокаркал сыщик.

– Но, Кравитц, если что-то нароешь – все заслуги мои.

– С чего это прямо все?

Не то чтобы Ленни нуждался в благодарности полиции, ключах от города и прочей хрени, тут был важен скорее принцип.

– Ты мне должен, – жестко ответила Дросс.

Его долг – длиною в милю и чью-то карьеру, не оплаченный, ждущий ответа. Могла бы не напоминать, подруга.

– А теперь все. Я устала и хочу спать. Пошел вон, спокойной ночи, будь счастлив. И заплати чертовы налоги.

Зажужжав, над потолком погибла еще одна лампа.

– Я ее вспомнила, эту Лори. Вы были вместе, еще до всего, – с непонятной интонацией проговорила Элизабет Дросс, когда он уже взялся за ручку двери. – Никак не могла понять, почему вы расстались.

Почему мы расстались...

Под луной песок светится голубым. Мелкие песчинки сливаются в бесконечную дорожку, и кажется, что можно уйти за горизонт. И никогда не возвращаться. Два паренка яростно дерутся в ночи. Отчаянные, взъерошенные, упрямые. Детство не знает жалости. Ты просто зол, без причины. И ты знаешь, куда выпустить эту злость. Предместья¹¹ всегда

¹¹ район Динаполиса

были той еще клоакой. Съежившиеся лачуги, навечно приговоренные гнить в грязи. Без электричества, без водопровода, без надежды. Черный город. Жители рыли колодцы, едва огораживая бревнами. Под луной расстояние искажается, и маленький Ленни, пытаясь достать маленького Джимми, срывается в глубокую бездну. Скрежет когтей по камням и стремительно исчезающий голубой диск. Ледяной холод воды. Пустота.

Так почему же они расстались?

Юнион тянулась далеко на северо-запад, упираясь в Предместья там, где Рэй-ривер резко поворачивала налево. Ленни мог видеть залитую солнцем мостовую и стертые полосы тротуара, почти пустые. Заново облицованные, но уже обветшалые фасады смотрели друг на друга словно с досадой. Между аляповатой стеной с горшочками и грубой стилизацией под фахверк можно было разглядеть черный провал проулка. Будто дверь, ведущая из мира света в мир тьмы. Рядом с дверью все еще никого не было.

Кравитц глубоко затянулся и выдохнул облако дыма в практически пустой зал. Антитабачная кампания в самом разгаре, но старину Рэда не волнуют такие мелочи. Зато нервный посетитель в прикиде юриста неодобрительно покосился на него. Типичный травоед, дерганый и злобный, как ребенок. И откуда только сил хватает вести дела?

No Smoking, be happy – не так ли? Они назвали это «Программа Здоровая Инициатива». Добровольный отказ от си-

гарет, подстегиваемый законодательным запретом на курение в публичных местах. Вот только закон провалился. Табачное лобби показало Святой Троице почем фунт репы.

Ленни презирал вегетарианцев. Парни просто предают свой вид. Из сильных, свирепых потомков динозавров¹² превращаются в...

Дверь открылась, с авеню вошли двое. Мистер Толстопуз и мистер Черноватый. Первый был размером с утес, второй смахивал на его младшего кузена. Только черного. Кажется, парни ошиблись дверью на добрую милю.

– Моему другу бифштекс под соусом, – обронил товарищ утеса, обводя зал. Что и требовалось доказать. – И виски с фирменной дрянью для меня.

Белый костюм, рубашка с высоким воротом и шейный платок, заправленный внутрь, делали Толстопуза похожим на босса мафии, сбежавшего с комиксной страницы. Интересно, сколько стоит такой прикид?

– У нас вегетарианское заведение, – с достоинством ответил Рэд и дружелюбно улыбнулся. – Могу порекомендовать вино из одуванчика.

Ох, не твои это клиенты.

– Че?

– Только для травоядных, Билли, – амбал сокрушённо покачал головой. – Мы это уже обсуждали.

¹² почему детектив с Гулд-стрит исключает из списка динозавров тех, кто питался исключительно растительностью, – загадка

Билли носил в петлице что-то похожее на кроваво-красную розу¹³.

– То-то я смотрю, народу тут хрен заплакал, – флорист остановил взгляд на сыщике и глуповато ухмыльнулся.

Украшать себя цветами в Динаполисе – верный способ не вернуться с прогулки. Если, конечно, у тебя нет родственников из горных пород.

– Вегетарианство – это философия, сэр.

– Для нас мог и постараться.

Хозяин снова улыбнулся. На этот раз менее дружелюбно. Почуввав шухер, нервный юрист дернулся к выходу. Толстопуз остановил его взглядом: «Ты посиди, посиди, – словно ребенка, сказал он. – Жуй свою морковку». Парень не решился послушаться.

– Окей, тогда гони свой бургер, – потребовал Черноватый, заваливаясь за ближний столик. – И если можно поменьше всякого дерьма, лады?

– Наш рецепт неизменен. Булочка с семенами саговника, без добавления масла и дрожжей, картофельная котлета с тимьяном и чесноком, маринованный папоротник, вяленый томат, тофу и листья хвоща. Все это с унцией особого соуса, состав которого политика компании не позволяет мне озвучить, – без запинки оттарабанил мистер Берри. Иногда в Улыбашке Рэдмонде что-то щелкало, и он начинал талдычить, как чертова справочная служба. – Все ровно в таких

¹³ мы почти уверены, что это не роза

пропорциях, в которых и должно быть.

– Ну, – пожал плечами бугай, – надо жрать – будем жрать.

– К сожалению, в данный момент «Черный Веган» временно выведен из ассортимента. Задержки с поставками.

Задержка с поставками, реструктуризация, ну да.

Билли помрачнел. Толстопуз отвел владельца к стойке и глупо тыкал пальцем в сторону кореша, пока тот продолжал пялиться на Ленни. Сыщик зажег спичку о коготь и причмокивая закурил. «Особый соус» производили на все тех же «Райских полях». Бутылка аккурат в унцию, коричневая, будто заполнена дерьмом. Вот только связь между отсутствием бургера и «реструктуризацией» фермы была не сказать чтобы прямой: блюдо и без того редко появлялось в меню.

Кравитц отложил сигарету и начал рыться в блокноте. На шершавых страницах жили выполненные резкими штрихами портреты, и сейчас анфасы мелькали на бумаге, как в диком мультике. Ничего похожего на этих понторезов, okay. Сверившись с записями, сыщик принялся за работу. Когда-нибудь он сравнит эти рожи с делами, которые прислала Дросс.

–... передайте мистеру Ди... счет не будет погашен... – доносился ровный голос хозяина от стойки. На мистера Берри не произвели никакого впечатления габариты незваных гостей. Смельчак. Поднимись кипиш, стоит ли за него вписаться? – В... обстоятельствах... не смогу... исполнить обязательств...

Так оно и бывает, не правда? Однажды тебе просто откроют счет. Нехитрое дело. Суммы растут, и вскоре ты уже не можешь гасить проценты. Еще чуть-чуть и расфуфыренный мордovorot стучится на твой порог, чтобы взыскать свое. И они всегда находят способы заставить тебя платить.

Так почему же мы расстались?

Когда Джимми завалился в его берлогу, Ленни никак не мог взять в толк, о чем талдычит этот бойскаут. Лори? Два года в Заливе и еще год после всего, и что Лори? Они не расходились в нормальном смысле слова, тут и без слов было ясно. «Ты не можешь стоять у нас на пути», – заявил Ширес. Ну да. А потом он сказал: «Не будь эгоистом, Кравитц». Само собой. И наконец то ли прошептал, то ли прохрипел: «Ты мне должен». Прошлое пожирало Ленни, будто гигантский плотядный цветок¹⁴. Да, так все и было. В ту ночь бойскаут-Джимми не бросил маленького Ленни тонуть в колодеце. Он вытащил товарища, хрен его знает как. И Ленни ему должен. Даже тогда, выкашливая из себя воду на покрытом луной песке, маленький Ленни понимал, что по таким счетам просто так не рассчитаешься. И вот Ширес припирается к нему в своем уродском костюме и говорит: «Плати». И что ж, Лори? Просто Лори. Они даже не вместе. Еще одна девчушка, сколько их было? Тогда это на казалось чем-то особенным. Он просто бросил: «Забирай», и вернулся к своей

¹⁴ небольшая отсылка к тому, что уже случилось с героем, но еще не было сказано

бутылке.

Ленни вздрогнул и вынырнул из прошлого. У проулка все еще никого не было, понторезы куда-то потерялись. Мистер Берри как и прежде читал газету. За завязками его фартука, кажется, поблескивал нож.

Крыса в переулке

07/19 Th

Наколотая на штырь газета трепыхалась в неоновых отсветах бульвара, изломанная и драная, как знамя давно разгромленной армии. Динаполис задыхался в ночи, но звенящий бульвар Стаута и лаковые улочки Оушен Плейт¹⁵, несмотря ни на что, парадным светом били в небеса. Рядом – черные туннели проулков, словно вены с отравленной лизергином кровью, пронизывали тело города. В полночь западные районы превращаются в тыкву, стоит только свернуть не туда...

Вырвав арматуру, сыщик углубился в тревожную черноту проема. Бетонная щель, соединяющая Юнион с бурлящей жизнью, была заставлена контейнерами, гнилыми ящиками и прочей дрянью. Маленький Ленни вновь блуждал по канализационному лабиринту в поисках крыс. Финн давал 50 центов за сотню. Без дохлых и лишайных, и никак иначе. Шапки из них шил, что ли? Он представил, как Лори на сво-

¹⁵ квартал Динаполиса, известно маленькими магазинчиками и неприлично дорогими кафе

их каблучках выбирает, куда наступить, как жметя к стене, обходя зловонные баки. Юбка облегает бедра, сумочка прижата к груди. Он навсегда запомнил ее запах, холодный и колкий, как льдинка под языком. И выражение лица. Удивительно упорное. Она могла получить все, что хотела. А захотела получить его.

Улица воняла, как гигантский кальмар, выброшенный на берег Парк-пойнта. Смрад колыхался в воздухе: казалось, можно увидеть, как он медленно восходит к крышам. «Вряд ли обеспеченная дама выберет подобный маршрут, – вмешался внутренний голос. – Только если ее приведут сюда насильно».

«Shields&Kravitz Investigations» – не только дань памяти товарищу: была доля правды в этом названии. Кравитц обычно решал проблемы силой, нередко – магнумом, Шилдс предпочитал работать мозгами. Единственное место, где он все-таки взял оружие, – Электрическая 25-ая¹⁶. И то, кажется, так и не выстрелил. «Если я не смогу быть хитрее, пусть дьявол заберет меня», – часто повторял он. И был хитрее, пока дьявол не явился за ним в яростное пекло Залива.

К сожалению, специфика сыскной деятельности подразумевает необходимость думать, а это не та вещь, которая давалась детективу с Гулд-стрит слишком легко. Но иногда в его голове раздавался внутренний голос. Это был голос Дон-

¹⁶ вероятно, имеется в виду 25-я пехотная дивизия по прозвищу «Электрическая клубника»

ни. И Шилдс как правило оказывался прав. Ну... или просто язви́л не по делу: он и в жизни мог быть достаточно бесцеремонным. С друзьями.

Ленни подошел к вороху тряпья, совмещавшему бедолаге функции постели и дома. Работа частного сыщика преимущественно состоит в том, чтобы копаться в отбросах общества. Иногда – буквально.

– Хей, Вилли-как-там-тебя?

Нет ответа.

Патрульные привезли бумаги на двух полицейских карах, и, вероятно, все еще загружают коробки в офис. Чтобы развеяться после двухдневного захода в Стоун, Кравитц вытащил несколько дел наудачу. Легкая прогулка перед визитом, который так не хотелось совершать.

– Подъем, Вилли. Смотри, кто к тебе пришел! – он помахал водкой «White Lizard» с полярной ящеркой на этикетке, но жилец не отреагировал на гостью.

Имя Вилли всплывало в записях, как дерьмо в сточной яме. Бродяга в паре случаев мог что-то видеть. Но не видел. Или же не был в должной степени мотивирован. Предполагалась, что белое пойло решит проблему. Или штырь. Кравитц не чурался грязной работы.

– Иисус на кресте! – сыщик выплюнул сигарету и мощным пинком фермерского ботинка разметал зловонную кучу. Никого.

Для верности он потыкал ошметки арматурой. «На твоём

месте я бы этого не делал», – подал голос внутренний Донни. С глухим звуком из мрака выкатилась бутылка «Теда Купера». Недопитый виски трехлетней выдержки колебался, запертый в стекле.

– На купоны такого не купишь, – ухмыльнулся Кравитц. Со своей «White Lizard» он почувствовал себя глупо. – Деньги есть на все, кроме жилья, а?

Лори тоже любила «Купера». Ленни находил старину «Теда» слишком мягким. Когда-то у нее была своя бутылка в конторе и еще одна – в его берлоге. Может, и сейчас там стоит. Перед уходом в Залив, она подарила ему пряжку. Бронзовый прямоугольник с присевшим на горлышко бутылки драконом и подписью: «Тед Купер» – из глотки зверя. Много шуток было сказано на этот счет.

Сыщик провел пальцами по рельефной бронзе дракоши: окей, подождем.

Едва он отставил штырь, за контейнерами раздался скрежет, и на тусклый свет высунулась усатая морда. Крыса. Отожравшаяся, наглая. Всё верно: сколько ни беги, твоя траектория – круг. Если повезет – с диаметром чуть шире, чем у соседа. Приютский паренек, кому ты нужен? Прошлое воняет. Гнилым мясом, немытой промежностью и нечистотами.

Крыса смотрела на него странным, пронзительным взглядом, как если бы ожидала расплаты за весь свой род. За всех замученных и убитых, за годы охоты в подземном мире. Что ж, приятель, есть счета, которые нельзя погасить. И если

честно, не больно-то и хотелось. С чего ты взял, что тебе повезет больше, чем остальным? Ленни осмотрелся в поисках камня, и, словно почуяв неладное, грызун резко рванулся с места. Крыса – зверь умный. Сыщик вяло проводил ее взглядом. А потом нечто вырвалось из темноты.

Он вроде бы заметил, как тень отрывается от стены; два яростных янтарных глаза мелькнули в отражении металла. А потом нечто ударило со спины, плотно обвившись вокруг мощного торса детектива. Мелкие зубы попробовали прокусить шею. Оно что, пытается меня загрызть? По крайней мере, это не веган...

«А я предупреждал», – ехидно заметил внутренний Шилдс.

Ленни качнулся, больно двинувшись об угол контейнера. Он попытался отцепить тварь, но та, продвинувшись выше, только усилила захват. Намотанные на башку тряпки, неприятно врезались в щеку. Видимо, так должен выглядеть бой с мумией.

И тут в сыщика ударила волна вони. Из-под импровизированного капюшона несло, как из помойки. Он и позабыл запах истинного дна этого города. Его повело, и он шмякнулся навзничь, придавив противника весом. Противник неожиданно тонко пискнул, но хватки не ослаблял. Высоко в небе, запертом в границах проулка, в плотной дымке миазмов над черными крышами домов висел грязно-желтый диск луны.

«Отличная ночь, чтобы сдохнуть» – мелькнула шальная

мысль, а потом грудь разорвало болью. Острые когти вспороли льняную ткань и проникли глубоко в плоть. Это что-то новенькое. Ленни зарычал и нанес могучий удар затылком туда, где должно было находиться лицо напавшего. Он бил еще и еще, пока тот наконец не ослаб. Поднявшись на ноги, Кравитц великим усилием отодрал ублодка от спины и швырнул в стену. Подтяжки треснули, сразу обе, и взметнулись, как кнуты в замахе. Враг врезался боком с такой скоростью, что куски облицовки разлетелись по сторонам.

Несмотря на все, зверюге удалось приземлиться на ноги. Еще мгновение – и в его лапах оказался тот самый кусок арматуры.

– Пош-ш-шел проч-ч-чь, – прошипело существо. Оно было сверху донизу укутано в лохмотья, лишь глаза, страшные, с вертикальными зрачками глаза мерцали в темноте мистическим золотым огнем. Как пить-дать – мумия с обложки!

Никогда не знаешь, что именно ты найдешь, а?

– Ты верно Вилли? – догадался Кравитц. – Хочешь выпить?

Вилли-как-там-его бросил взгляд на «Теда Купера». Ленни носком подцепил бутылку, как мяч в соккере, и подкинул в руку.

– Хочешь? – он призывно потряс виски.

В ответ бродяга прошипел что-то невразумительное, и ткнул в сыщика штырем, как бьют пикой. Весь фокус в реакции. Ленни отклонился, ловко захватил арматуру под мышку

и, сблизившись с противником, врезал бутылкой по закутанной башке. Желтые капли брызнули во все стороны вместе с осколками. Чудище лишь довольно облизнулось. А затем в правую сторону лица врезался Тихоокеанский экспресс. И навалилась темнота.

Иногда фокус – просто черт знает что.

Вполне возможно, это был левый хук. Или небольшой грузовик. Ленни медленно приходил в себя, что-то умиротворяюще журчало над головой. Или даже большой грузовик. Он с трудом разлепил веко. Улицу перевернули вертикально, бесконечная стена уходила вверх, как шахта колодца. Узкий небосвод с крошками звезд встал по правую руку от него. Ночь ощущалась мягкой, как перина. Теплые камни, чуть-чуть покоя – много ли нужно уставшему детективу с Гулдрит?

«А ты не думал, что может журчать в подворотне посреди города?» – поинтересовался внутренний Шилдс. Действительно, что? Кравитц скосил глаз. В смрадном воздухе проулка, широко расставив ноги, над ним покачивалась мумия имени Вилли Как-его-там. И мумия ссала! Желтая струя пыталась достать сыщика, но бездомного водило, поэтому худшего до сих пор удавалось избежать.

«По всей видимости, он тебя метит, – задумчиво предположил Донни, – чтобы другие не забрали твою тушку, пока он ее не доест».

Теперь это стало очень личным.

Резким рывком Кравитц оттолкнулся и, успев ухватить врага за лодыжку, проскользнул назад по тротуару. «Архг?» – удивился враг, прежде чем шмякнуться в лужу собственной мочи. Не отпуская существо, сыщик крутанулся, вскочил на ноги и дал инерции работать за него. Вилли протащило фута три, подбородок гулко стучал по камням. Не мешкая, Ленни отодрал бездомного от поверхности и, прогнувшись, с великим усилием отправил противника по широкой дуге себе за спину.

На мгновение в дрожащих испарениях проулка на фоне тяжелой старой луны, нелепо размахнув руки, высоко над заваливающимся телом сыщика замерла фигура в грязно-сером тряпье. А потом с чудовищной скоростью обрушилась на мостовую.

Добро пожаловать в кэтч¹⁷, сукин ты сын!

Кравитц огляделся. Впереди – пустая Юнион, далеко позади огни Стаута сливаются в сплошной карамельный фон. Где-то гудит полицейская сирена, и ночь окутывает духотой мир. Нищий лежал в небольшом кратере перед ним. Куски базальта медленно ссыпались вовнутрь.

– всю рубашку, гнида, испортил, – ощупывая липкую ткань пожаловался Ленни в никуда. Хрен с ним, и не такое терпели. За годы охоты, не было места, в которое его не кусали. Открыв водку, он обильно полил раны: не хватало зара-

¹⁷ вид ирландской борьбы, от которой произошел реслинг. Получил широкое распространение на ярмарках

жения. Поваяло этанолом, адреналин заглушил боль. – Хоть на что-то сгодились.

Возможный свидетель валялся, как мешок гнилой картошки, разве что вонял значительно хуже. Кравитц добыл уцелевшую сигарету из смятой пачки «Lucky Shrike»¹⁸, хлопал по карманам в поисках огня. Явно не его день.

– Подъем, Златоглазка.

Он содрал капюшон с плешивой башки, наступил ботинком на горло и с высоты роста принялся медленно лить «White Lizard» прямо на жутковатую рожу, пока Вилли-кактам-его не захрипел и не дернулся. Простое дело: сломай крысе позвоночник и еще живой привяжи за хвост к шесту: когда соберешь партию, ни одна не успеет протухнуть. Финн не брал порченный товар. Сыщик сильнее надавил на глотку.

– Не рыпайся.

Чудище затрепыхалось. Ленни внимательно всматривался в уродливый профиль. Неумолимая близость смерти укрощала звериную ярость. Агрессивное животное уступало обитателю мусорного бака. Лицевые мышцы теряли напряжение, демонический янтарь в глазах медленно затухал. Безусловно, страх – лучший воспитатель нашего вида. Кравитц усвоил это, шарахаясь по трубам равнодушного города. Вот и существо прислушалось к доводам сапога.

– Ты видел их? – одну за одной сыщик ронял в лужу фотокарточки пропавших, но Вилли лишь бешено вращал туск-

¹⁸ сорокопут – символ штата Дин, Ленни курит сигареты местной марки

лым глазом.

– Ты их видел? – он еще сильнее надавил на глотку.

– Этого... – замотанная лапа схватила один портрет.

Кравитц рывком перевел бродягу в вертикальное положение и придавил к стене предплечьем, зажав трахею.

– А ее ты видел? – он достал фото Лори, взятое у Ширеса.

– Говори! – яростно рявкнул Кравитц.

– Ни женщин... ни детей. Второе правило, сэр, – пролепетало существо и вдруг расплакалось. Ленни убрал руку и несчастный сполз по стене.

– А другие жертвы?

– Жертвы? – беспомощно повторил бездомный. – Нету жертвы. Не-жертвы. Они сами уходят, сами бросаются в дыру. Их ведет судьба.

«Ну вот. Фатум, – вмешался Донни. – Превосходная ни-точка. Все происходит как бы само, и никто не виноват. Как там сказала твоя подруга? Преступления без жертвы». Где ты был, когда меня чуть не убили, чувак?

– Так сами или судьба?

– Пускай мы за́ры бравые, но есть один закон. Беги от черных веганов, как бешеный геккон, – неожиданно затянул нищий.

«О да, шанти¹⁹, обожаю», – развеселился внутренний Шилдс.

– Они хотя бы живы? – не отставал Ленни.

¹⁹ песни британских моряков

– Сегодня ты жив, завтра мертв.

Философ, бля.

– А тела? Куда ты деваешь тела?

«Жрет он их, разве не ясно? – не отставал друг. – И тебя бы сожрал». Порой, от него не было совершенно никакой пользы.

– Я? О, я тут ни при чем, сэр... – бездомный принялся вытирать слезы грязнущим рукавом. – Это все мистер Рэд и мистер Дракс. Они... всё они.

Вдалеке снова послышался вой сирены. Кравитц перекинул сигарету из одного угла рта в другой. Может быть, он и наткнулся на что-то интересное.

– И где же искать твоего мистера Рэда?

– Так в дыре же он и сидит, – жалобно ответил нищий.

В «Дыре» – прочухал детектив. Перипетии ночи сделали его не слишком сообразительным. Чувак из веганской столовки заправляет бандой похитителей? Взаправду готовят, что ли? Было бы забавно.

– А ты что, животное?

– Помогаю, – пожал плечами Вилли и вдруг, спохватившись, начал искать что-то в разбросанных тряпках. – Вот возьмите, сэр. – Он доверительно протянул круглый медальон размером с монетку. Красная медь в темноте казалась зловещей. – Без этого нельзя, без этого никак не пройти.

– А?

– Метка. Отдадите мне на той стороне.

– Непременно. А теперь, дружок, пройдемся-ка мы с самого начала...

Сирены ударили совсем рядом. Эхо отразилось от стен, взмыло вверх и разлетелось над крышами. Что за черт? противоположного конца проулка мерцали полицейские кары. Проклятье! Лет пять назад никто бы в подобной помойке не обратил внимания, сожги Ленни этого пьянчугу живьем.

– Придет судьба тебе и мне нырнуть в одну дыру, – нараспев завопил бродяга. – Мой брат окажется на дне, а ты падешь во тьму!

Ленни нервно закусил сигарету.

– Огонь есть?

– Ммм... что? – сбился бездомный.

– Прикурить.

Вилли комично развел руками. Копы приближались. Маленький Ленни во всю прыть удирал из сточного лабиринта туда, где песчаные кварталы восточного города раз за разом умирали в огне. «Call for fire! Call for fire now, fellows... requesting... confirm... requesting... confirm... now!» – где-то внутри черепной коробки тупо повторял Джимми, и радио отвечало ему треском.

– Ну и на хер тебя, – рывкнул Кравитц и наотмашь пнул бездомного в висок.

Когда он выбрался на Юнион, полицейские оказывали нищему первую помощь. Динаполис все так же задыхался в ночи.

Каирн душ

07/20 Fr

Стены трещали. Ночь ломилась сквозь доски, пропитывая коридор удушливой гнилью. Подошвы «вингов» оставляли глубокий след на расползающемся ворсе ковра. Безжизненный дом на отшибе на бесплодном поле рядом с забытой железнодорожной колеей. Желтая полоса под дверью едва светила в глухую темноту мира. Мертвые ставни, отравленная кадмием земля. И тишина.

Поместье Уэллрок приходило к Ленни в кошмарах. И куда только не забросит тебя жизнь.

– А, Кравитц... ты ж вроде сдох... – вяло удивился хозяин. Растрепанный за'ар в бархатном халате с вечным тамблером, на два пальца наполненным медной текилой. Еще один призрак прошлого, о котором мечтаешь забыть. – Нет, не ты... не здесь...

Его скрежещущий голос затухал в прелом дереве стен.

– И тебе здравствуй, Краун, – осторожно ответил детектив.

Альберт Алан Краун смотрел на мир затуманенным взглядом, будто бы только проснулся, или еще не ложился, а может, и вовсе спал. Он стоял, опираясь на стол, посреди комнаты, которую можно было сравнить с прибежищем разорившегося лорда.

– А... да, да... Как жизнь, друг? – словно бы вынырнул из своего морока сонный лорд.

– На том свете? Все лучше, чем у тебя.

– Не забирай в голову, – вяло отмахнулся Ал. – Это так, эхо разбитых снов...

Пыльные книги, тусклые лампы, тяжелые шторы, похожие на театральный занавес, из-под которых пробивается темнота. Ничего этого не было, когда Ленни покидал поместье вечность назад.

– Тебе привиделось, я хвост отбросил, или что?

Он был не в лучшей форме после встречи с бездомным Вилли, но не настолько.

– Наверное... быть может... не уверен.

– Нет уж, давай. Расскажи, каким образом я загнулся.

«Лучше не надо», – подал голос Шилдс из глубины.

– Бомбой накрыло...

Видимо, он перепутал меня с тобой.

– Или сожрали. Да, верно. Тебя сожрали крысы в каменном колодце Витватерсрэнда.

Банг. В самую душу. Несколько попаданий, коротких и точных, как удар боксера. Кроме «ватерсэнда»: сыщик и отдаленно не представлял, что это за дрянь²⁰. Зачем он так? Внутренний Донни молча пожал плечами. Впрочем, вряд ли

²⁰ как минимум, золоторудный район в ЮАР и жилой комплекс на Спиллейн-роуд. Как именно полусонный Краун умудрился выговорить «Витватерсрэнд» – загадка

Краун помнил детали его биографии. Вряд ли Краун помнил себя.

– Мне нужна помощь, – поспешил перевести разговор Ленни. Он и забыл, насколько тяжело приходилось с этим типом.

– Некоторым лучше не возвращаться, друг. Иногда лучше оставаться мертвецом... – не слушая, принялся рассуждать Ал. Он говорил путанно и невнятно, его голос обретал странную мелодичность, как если бы кто-то решил сыграть на камнедробилке вторую симфонию Венгера²¹, или типа того. Бордовый бархат лоснился под давящим светом ламп. Он не был сумасшедшим... наверное. Просто в компании Альберта Крауна мир становился вязким, как...

– ... будто ты комар, застрявший в меду, – неожиданно закончил его мысль хозяин. Или снова удачно попал невпопад.

– А?

– Тебе нужна помощь, – подытожил он таким тоном, словно эта идея только что пришла к нему в голову.

– Так сможешь?

– Без проблем. – Будничным жестом Краун взял со стола револьвер времен Гражданской войны и наставил бесконечно длинное дуло на сыщика. – Не благодари.

Мощный агрегат. Из тех, что проделает дыру с пол-Техаса в тебе и трех парнях в строю за тобой. Признаться, Ленни рассчитывал на помощь иного рода.

²¹ Вагнера. Очевидно, Ленни совершенно не разбирался в симфониях

Иногда ссорились. Если существует идеальная фраза, чтобы описать семейную жизнь Ширесов, пишите: *иногда ссорились*. Жители Стоуна не были рады потертому детективу. Еще один за'ар на пороге в мире, где каждый мудозвон хочет впарить тебе страховку и каждый счетчик пытается тебя посчитать²². Кравитц переходил от дома к дому. Дин-дон. Маленькие дворы с заборчиками, такими низкими, что не сдержат и лепреккона. Нок-нок. Викторианские двери с молоточками, с ромбиками из вогнутого стекла и газетной щелью аккурат на уровне паха. Дунь – и вся конструкция сложится, как карточный фокус.

Здравствуйте... Порой фокус это совсем не фокус. Здравствуйте, я... Серый айвори²³ в сереющей темноте вечера. Я частный детектив... Свет фонаря тонет в разреженном воздухе, едва касаясь вставок на трексе. Частный детектив Кравитц... Вежливые лица, настороженные взгляды, уклончивое молчание. Я расследую исчезновение вашей соседки, Лорелеи Ширес... Еще одна дверь, закрытая перед самым носом. Могу ли я задать... Сквозь ромбовидную прорезь остается видна искаженная перспектива холла. Видимо, нет...

Работа сыщика монотонна, как бормашина. Ты делаешь одно и то же, снова и снова, повторяешь еще и еще, пока

²² в оригинале: a census taker

²³ цвет слоновой кости, типичный выбор для обеспеченных кварталов Дино

не получаешь результат. Или *не* получаешь результат. К этому сложно привыкнуть. Отчаяние – вечный спутник частного сыска. Скорбный друг, готовый похлопать по плечу. Нок-нок. В какой-то момент Ленни почти всерьез прикинул, не пальнуть ли сквозь щель для газет.

«Иногда ссорились, – наконец выдал подтянутый мужчина в очках, – но ничего такого». «Джим обеспечивал ее образ жизни, – поделилась юная мисс. – То есть мистер Ширес». Ну да, ну да. «Странная она, – пробасил усатый старикан с выбритой макушкой. – Всегда собранная, как самурай. Слышали, эти парни всегда настороже, что их прикончат?»

– В смысле, опасалась за свою жизнь? – не понял детектив.

– В смысле, сама готова убить любого, кто ей встретится, – широко улыбнулся старик.

Кто бы подумал...

Увлечения, друзья, проблемы? Кто знает, не наше дело, тут так не принято. Разноголосье разносилось по пустым улицам, отдаваясь в ушах звонкой болью; напряженные фигуры в дорогих интерьерах мелькали на страницах блокнота.

«Иногда ссорились, – помятая дама выпирала из своего платья за штуку баксов, как будто оно было ей мало сразу во всех местах. Единственная, кто пропустил сыщика дальше крыльца. – Если вы понимаете, о чем я». Миниатюрная брюнетка с пышными формами, даже красивая. Когда-то. Двадцать лет спустя ее наряд смотрелся, как прошлогодняя елка на Рождество.

– Мутная история, милый, – она сделала приличный глоток джина, который мешала с приторной гадостью. Ленни осторожно пригубил свой.

– Потому что ссорились?

– Потому что мы так не делаем.

– А?

– Мы живем в Стоуне. Мы жрем в Стоуне и пьем в Стоуне, мы срем в Стоуне, работаем в Бронтсе или... – она ткнула пальцем в потолок, явно имея в виду Холмы, – и трахаемся между собой. Хочешь помоложе – можешь с садовником, служанкой, да хоть с продавцом пылесосов. В этом плане, да, выбор не ахти... Я хочу сказать, дать присунуть соседскому отпрыску – явно не лучшая из идей. Поверь. – Она влила в себя оставшийся джин и грустно развела руками. Увы.

«Не помню, чтобы жена забиралась западнее Рэй-ривер», – сказал Ширес.

– Мы не ездим куда попало. Оушен Плейт – в любое время. Левый берег? Увольте. И уж никто из нас не станет жрать в какой-то дыре²⁴.

Ее движения становились смелее. Ленни подумал, что если дама начнет приставать, он сразу же даст ей в челюсть.

– Попадаешь в Стоун – увязнешь в Стоуне, любил повторять мой суженый, ад на его могилу. – Она сильно икнула. – И еще: все, что происходит... А, не, это про Вегас, мил...

– Каирн душ, – однажды сообщил Донни. – Каирн – это

²⁴ в оригинале: watering hole

погребальная пирамидка из камней, которой индейцы при-
вязывали мертвых к земле.

Был декабрь, но зима и не думала наступать. Они разгля-
дывали карту Дино ради одного дельца: Соулстоун неровным
треугольником врезался в знаменитые Холмы.

– Ты заметил, что ребята почти что не бывают за преде-
лами этого клочка города? Сидят в своей помойке, как кры-
сы... ну, ты понял.

– А?

– У меня есть идея, – резко воодушевился Шилдс, хотя
«А?» Ленни было скорее «какого черта мы станем говорить
сейчас об этом?», нежели «что ты имеешь в виду?». – Смот-
ри, им никогда не стать настолько богатыми, чтобы их при-
няли на Холмах, но и всех денег тоже не потратить. В резуль-
тате среднестатистический житель Соулстоуна оказывается
заперт между тщетной надеждой на лучшее и страхом перед
тем, что осталось позади.

Он установил чайную кружку на бирдекель, хотя столеш-
ница выглядела так, будто пережила Иводзиму.

– Позади? – глупо переспросил Ленни.

– Они же почти все вылезли из нашего мира. Новые день-
ги. В таких обстоятельствах не слишком тянет смотреть на
старых себя. А в результате... – Он легко очертил пирамид-
ку, сделав район похожим на индейское захоронение. Ему
все давалось легко. – Словно великий волшебник привязал
их к этому месту...

– Да и куда нам идти? – продолжала гостеприимная дама. – Многие из нас выбрались из нищеты не для того, чтобы... – Она снова сильно икнула, а затем серьезным тоном добавила: – В некоторые места лучше не возвращаться, не правда ли?

07/20 Fr

В некоторые места не стоит соваться – это правда. Мертвый дом на отшибе под грозовым небом за черной оградой, будто бы из острых штырей. «Orphan Children» – надпись на полукруглом постаменте. Каменная, зловещая, страшная. Таким Ленни изобразил поместье Уэллрок в самом начале блокнота. И никогда туда не заглядывал.

Ты проведешь меня в царство раскаяния и печали – предрек Ширес и кинул толстую пачку денег. И Ленни направился туда, куда однажды зарекся возвращаться. Пришло время поднимать старые связи.

А в результате старые связи сыщика подняли на него револьвер. Любопытный поворот.

– Ты, блять, охренел?

– Эй, я помочь тебе хочу! – искренне возмутился Краун. Безусловно, в его отбитых мозгах была какая-то связь между тем, о чем он думал, и что происходило на самом деле. – Ты же попросил...

Парень окончательно сбрендил.

– Может быть, есть способ... помочь мне как-нибудь...

проще? – Ленни выбирал слова, как сапер – следующий провод: было не очевидно, каким именно смыслом отразится фраза в голове нового владельца Уэллрока.

– Куда тут проще, друг?

«И правда, проще некуда», – в очередной раз не к месту встрял Донни.

– Банг – и все твои проблемы станут совершенно несущественны. Линия твоих страданий оборвется в этом моменте, а все метания растворятся в пустоте.

Медленный скрипучий голос, бордовый бархат, бесконечное дуло вороненного металла, будто черный туннель, в конце которого ждет смерть. И этот туннель вглядывается в тебя.

– Это не будет больно. Закрой глаза.

Алан взвел курок. На секунду Ленни представил, что может разглядеть на другом конце бесконечности запертый в ячейке барабана патрон. Словно серебряную воду на дне колодца.

– Я не хочу, чтобы ты в меня стрелял, – глядя в мутные глаза хозяина, твердо сказал Кравитц.

Понадобилось несколько веков, чтобы за’ар с кольцом обдумал его заявление.

– Принимается, – нехотя проговорил он, и с видом оскорбленного величия добавил: – Тебе же хуже.

Все это походило на неудачный спектакль. Ленни однажды попал в театр. Ему не понравилось.

– Он ведь был не заряжен? – выдохнул сыщик, нервно оттянув подтяжки большими пальцами.

Вместо ответа Краун бахнул в потолок. Мощный кольт выпустил пламя, руку откинуло отдачей. Звук увяз в прогнившем дереве, и дом отозвался странным гудением. Все равно что стрелять в дохлого слона.

– Выпьешь? – он швырнул оружие в дебри стола и как ни в чем не бывало направился к барному шкафу.

Когда-то Ал был другим. Как и все мы. Несносный ребенок, один из шумной оравы, носившейся по протухшим коридорам поместья. Башкой он тронулся позже. Может, отбили в уличных драках. Боец из него был тот еще, но дрался он до конца. Про таких говорили «держит удар», но это не про Ала, куда там. Падал с первого тычка, но всегда вставал. Даже когда это казалось самоубийством. А может, мозги поплыли от каждодневной текилы? Пусть по сравнению с Арчи Холландом он и был почти трезвенник.

– Нравится, как я обустроил?

Они сидели все в той же проклятой комнате с книгами и дыркой в потолке. За'ар напротив медленно потягивал выпивку, Ленни нервно теребил сигарету. «Не кури, – обронил Краун, когда сыщик достал пачку «Шрайка». – Шторы провоняют». Эка, блин, ценность.

– Узнал место?

Здесь все изменилось, но... разумеется, Ленни узнал место.

– Именно в эту комнату сестричка Марш приводила на головомойку.

О да, святые кармелитки не давали спуска грехам.

– Она называла ее...

«Чистилищем» – проговорил Кравитц про себя.

– Чистилищем, – эхом повторил Краун.

Раньше в холле стоял старинный часовой шкаф с маятником, его звук был слышан везде. Тик-ток, тик-ток. Это сводило с ума, особенно бесконечными ночами. Тик-ток. Так отмеряют секунды вечности.

«Какое унылое детство», – лениво протянул Шилдс.

– Значит, Лори? – переспросил Ал, массируя оба виска одной рукой: с тамблером он так и не расстался. – Сколько уже прошло?

А потом, когда ты уже не ждешь, адский бой содрогает мир, от фундамента до фронтона. И твоя душа проваливается в пятки, а все здание вопит в унисон. Они прозвали эти чертовы часы Мистер Большой Банг. Кравитц помнил все, что маленький Ленни мучительно пытался забыть.

– Много.

Иногда сыщику казалось, что это тот же самый бокал, который Краун утащил в какой-то забегаловке лет двадцать назад.

– Ну... ты знаешь статистику, друг. Ты знаешь цифры.

Трое суток. Если *misper* не обнаруживают в первые трое суток, она уже вряд ли найдется. По крайней мере, в удовле-

творительном состоянии. Азы полицейской работы. Он начал с этих азов...

Телефонный диск медленно возвращался обратно. «Эббот Нортвест²⁵, это Пэм». Легкие щелчки, когда дырочки проходят очередную цифру. «Сант-Гуар, чем вам помочь?» Ленни говорил одно и то же. «Офис коронера, доктор Маллард у аппарата». Спрашивал, не попадала ли к ним Лори. «Хэйверлэнд Принц²⁶, Рита». Выдавал подробное описание по новенькой фотокарточке, которой снабдил его Джимми. «Армия Спасения». «Институт Широ²⁷». «Милосердие²⁸». И получал отрицательный ответ.

Каждый раз он называл ее полное имя. Лорелея Ширес. Будто закреплял в сознании то, что случилось давным-давно. И каждый раз имя давалось ему с трудом. Лорелея Ширес. Будто издевка. Его Лори вышла замуж за Джимми. Старые новости. Но каждый раз, когда Ленни произносил это вслух, что-то внутри царапало зазубренным лезвием по кишкам. Если гребаный бойскаут хотел придумать для него пытку, он бы не смог выбрать лучше.

– Самара Морган слушает, – вывел из раздумий деловой голос на том конце провода.

²⁵ Abbott Northwestern Hospital – обычный госпиталь, всем все равно

²⁶ похоронное бюро

²⁷ медицинский исследовательский центр, знаменитый экспериментами в области евгеники (крайне странный выбор для звонка)

²⁸ больничный комплекс «Милосердие»

– Я ищу женщину, Лорелея Ширес... – сыщик завел шарманку.

– Среди опознанных таких нет, – быстро ответила Самара. – Описание? Приметы?

Он повторил текст, слово в слово.

– Это может обрадовать, либо огорчить, по обстоятельствам. Миссис Ширес никогда не поступала в мое заведение.

Остальные сверялись с записями, хотя бы для приличия. Долго шебаршили страницами и тяжело вздыхали в трубку. Ленни смиренно ждал в надежде, что это не вчерашний кроссворд.

– Разве вам не надо заглянуть в бумаги, и все такое?

Приличия – это то, что отличает нас от зверей типа Вилли Выгребная Морда.

– В этом нет необходимости, – твердо уверила Самара. Она говорила быстро, четким поставленным голосом с правильным британским акцентом. – Я помню всех моих мертвецов.

«Я своих тоже», – горько подумал Ленни.

– Каждый заслуживает того, чтобы остаться в чьей-то памяти. Пусть и в последний день.

Она помнит *всех*, кого доставляли в ее морг, – наконец дошло до сыщика.

– Для розыска пропавших в некоторых случаях полезно обратиться к данным городского архива, – продолжила Самара. Она порцировала информацию, будто ждала, пока ее

законспектируют. Тебе бы лекции читать, леди Смерть.

– Если миссис Ширес поступит ко мне в будущем, я могу отправить вам сведения. У вас есть телетайп?

Конечно. А еще секретарша, консьерж и новенький бьюик. Или секретарша все же была?

– Пришлите телеграмму на Гулд-стрит... – Ленни назвал адрес офиса. – Л-о-р-е... – он принялся диктовать имя под запись.

– Шепчущая скала²⁹, я запомню, – перебила странная женщина, и Ленни вздрогнул, как от удара. – Удачи.

Шепчущая скала, все верно.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил сыщик. Кому-то было не все равно. Хотя бы раз.

А затем все вернулось на круг: гостиницы, аэропорты, вокзалы. Лорелея Ширес, Лорелея Ширес, Лорелея. Зазубренное лезвие наматывает кишки и протыкает селезенку. Старые раны почти не болят – если не трогать.

– Это разрывает на части, да? – снова угадал Краун.

– А?

Что? Женщины? Воспоминания? Джимми? Или этот блядский притон?

– Жизнь, – резко ответил хозяин и поднял бокал, будто для тоста.

«Orphan children» – федеральная программа помощи детям, попавшим в трудные обстоятельства. Говоря по-просто-

²⁹ Буквальный перевод имени с немецкого

му, сиротский приют. Когда Краун поднялся, чертова богадельня почти утонула в долгах. Он выкупил поместье за бесценок. Он снес ограду и приказал выдолбить из каменного постамента с табличкой унитаза. Он разогнал монашек сырымнатым кнутом. Он ненавидел это место сильнее, чем любой из его обитателей. Вот только почему он остался?

– Ее могли ограбить, убить, изнасиловать, расчленивать, закопать в подвале, скормить варанам...

Чуткий, чуткий Краун. Именно за это парню и доставалось в детстве. Вернее, и за это тоже. Кравитц с укором посмотрел на собеседника.

– Что? – тот выпучил глаза, отчего стал похожим на тряпичную куклу. – Я просто хочу, чтобы ты не исключал варианты.

– Я и не исключаю.

«Исключено», – отрезал подтянутый мужчина в очках. «Да что с нее брать?» – удивилась юная мисс. «Ограбление? Если она сама и ограбит. Перережет глотку отточенным, как бритва, когтем», – гнул самурайскую линию старик.

– Это вряд ли, милый. – Потертая дама смотрела на сыщика с однозначным посылом, разве что ноги не раздвигала. – Мы так не делаем.

– Как?

– Не носим кэша.

– А?

– Мы не храним наличность в доме. И уж тем более не

тащим ее с собой через весь город. Только если твоя зазноба пошла оплатить долг любовника или решила прогуляться по Стауту в жемчужном колье, что вряд ли.

«Чеки-банки-векселя... – будто детскую считалочку протараторил Донни, а потом серьезно добавил: – Следуй за деньгами³⁰».

– Поэтому нас и не грабят, дорогуша. С меня, например, сейчас кроме платья и снять-то нечего.

Дама выгнулась так, что это платье едва не снялось самостоятельно. По крайней мере, верхняя его часть. Ленни понял, что настало время валить.

– Так чем тебе может помочь простой за'ар вроде меня? – без всякого перехода спросил хозяин.

В юности «простой за'ар» всерьез увлекся оккультизмом, и это определило его жизнь. Так бывает, когда один шизик встречает другого шизика на их шизанутых вечеринках. Это называется полезные связи. Не успеешь моргнуть, и спустя каких-нибудь десять лет ты становишься самым молодым федеральным судьей в истории.

– Мне нужно отследить денежный след.

Услышав слово «денежный», его честь достопочтимый судья Краун полностью съехал с катушек.

– У меня нет денег, – пропищал он совершенно чужим голосом и огляделся, будто за ним явились маккартисты. – Я беден, я живу под мостом в мусорном баке и ловлю ра-

³⁰ очевидный анахронизм

диосигнал от проходящих мимо поездов! – он указал на обшарпанный приемник-чемоданчик с антеннкой и изобразил несчастье.

Смешнее всего – про поезд: составы по старой ветке не пускали со времен Гражданской. Возможно, именно тогда кто-то пассажиров и обронил тот треклятый кольт...

Ровно на этой мысли мир сдвинулся, пол начал уходить под ногами, невидимые стекла забились в истерике где-то над головой. Позади, казалось почти что за спиной сыщика, воздух разорвался ударами тысяч молоточков, и его самого будто окатило жаром разгоряченной машины. За прогнившими стенами вдоль скошенной линии оврага по мертвой отворотке, разгоняя мрак, летел локомотив. Ленни почти увидел, как дрожит во тьме свет фонаря на циферблате и черти швыряют уголь в так похожую на котел топку.

Будто этого не доставало, ожил молчаливый приемник. «Me and the Devil, – сквозь шелест помех продирался мелодичный голос, – was walkin' side by side...» Ничего такого – просто призрачный экспресс несется с того света, потому что Альберт Алан Краун так захотел.

– Значит, только чеками? – подытожил беседу сыщик.

– Почти всегда, – потертая дама вплеснула в себя очередной стакан джина. – Знаешь, милый, я ведь рассказываю элементарные вещи. Они известны практически всем.

– А?

– Я говорю, для твоего дела было бы лучше, обратись ты

к профессиональному детективу...

«Ха-ха. Она мне нравится», – где-то глубоко в сознании непрофессионального детектива рассмеялся Донни Шилдс. «Вот и трахни ее, – осклабился Кравитц. – А ты ж не можешь, ты, типа, помер». «Фи», – обиженно ответил друг и исчез.

– И где хранятся сбережения... миссис Ширес?

– На семейном счете, где же еще.

– А ты случайно не в курсе, в каком банке этот счет?

– Случайно в курсе, – она закусила губу, явно намекая, что с этой информацией расстанется уж точно вместе с одеждой. – А что?

Ленни тяжело вздохнул. Проза жизни. Очередная богатая клуша решила его поймать. Теперь буквально. Он напустил на себя особенно мрачный вид. Обычно для этого приходилось вспоминать какую-нибудь гадость из детства. Только не сегодня. Он презирал эту женщину и больше был не намерен это скрывать.

Мощный ящер грозно навис над вжавшейся в жаккардовый узор зарой. Едва сдерживаемая платьем грудь тяжело вздымалась, в широко распахнутых глазах отражался первобытный страх. Было неясно, закричит она от ужаса, или кончит прямо сейчас.

– Название. Живо, – яростно прорычал Кравитц.

– Это ничего не изменит... – не сдавалась клуша. – Ты все равно не получишь от них ни слова. Без нужных связей, они

не пустят тебя даже облизать порог.

Стало быть, нужные связи, это она и есть. Дрожащая, распластанная потаскушка из каменной индейской могилы. Чего-чего, а упорства дамочке не занимать.

Кравитц оскалился. Сытый вряд ли поймет голодного. Они могут думать, что выбрались из нищеты Дино, но настоящее дно города им не по зубам. Там бродят чудовища. Злобные, опасные, яростные. Такие, как Вилли-Златоглазка. Такие, как он сам. Сыщик всадил коготь в подушку, совсем рядом с головой жертвы, и медленно провел вниз. Цветастая ткань разошлась с угрожающим треском, выпуская наружу белые внутренности перины.

– Золотой Дом³¹, Фаррагут-роуд, – едва слышно выдохнула женщина, когда коготь замер, едва касаясь ее плеча. – Золотой Дом, и катись к дьяволу!

Приторный джин, похоть и отчаяние. Когда сыщик уходил, он чувствовал на себе ее взгляд.

– Мне не нужны твои деньги, – медленно проговорил Лени, едва оправившись от поезда. Приемник еще некоторое время шипел, словно эхо на ржавых рельсах.

– Которых у меня нет, – немедленно подхватил судья. – Я плачу налоги с каждого заработанного цента, – добавил он, словно обращаясь к невидимым маккартистам, которые, несомненно, прослушивали кабинет.

– Мне нужна услуга, – устало сказал Кравитц, и на всякий

³¹ неточность переводчика: Goldie's Home, буквально – Дом Голди

случай уточнил: – Только не так, как в прошлый раз.

– Внимательно.

– Надо взглянуть на бумаги одного банка...

– Всего-то? – немедленно оживился Краун. – Название?

Это была самая неприятная часть дела после непосредственного решения наведаться в поместье Уэллрок. Разумеется, Ленни так думал до того, как ему едва не прострелили грудь. И еще поезд...

– Золотой Дом.

Золотой Дом считался крайне надежным заведением.

– Золотой дом, – задумчиво повторил Краун.

И правда: какой идиот станет грабить банк, в котором хранит деньги мафия?

– Полагаю, старушка Голди не обрадуется, – пожал плечами судья. Только тут он поставил текилу на стол.

Альберт Алан Краун орудовал раритетной перьевой ручкой по бланку, словно живописец в припадке творчества. Он усердно макал кончик в чернила, разбрызгивая фиолетовые капли, и даже высунул язык от напряжения. Ленни осторожно заглянул через плечо.

Не стоило сюда соваться, увы.

Единственное, что было правильным в документе, – это адрес и название банка. В графе «номер дела» стояло загадочное «без двадцати три». Вместо аффидевита судья указал «ибо такова моя воля, суки!». Кроме того, обыск проводился с целью получить экзистенциальный опыт неустановленного

качества.

Совсем спятил, чертов мудака.

– Это неважно, – вновь прочитав мысли, отозвался владелец Уэллрока. – Никто не смотрит в эти фитюльки.

Он поставил свое знаменитое а.а.краун и подписался размашистой звездой, заключенной в полумесяце «Си».

– Лично тебе, – а.а.краун согнул листы и вручил сыщику.

– Не полиции?

Что он будет делать с этой хренью? Изображать копа? С тем же успехом он мог бы ввалиться в «Дыру», руководствуясь показаниями нищего ублюдка.

– Не получится, друг. Это волшебный ордер. Действителен только до конца дня.

То есть еще несколько часов. Можно успеть добраться до Дросс, но вряд ли удастся уломать ее наехать на Голди. Не с такой ахинеей вместо текста.

– Волшебный? Он, типа, светится в темноте?

– Это вряд ли. Но ровно в полночь – пфф... – Краун изобразил магический жест.

– Всполыхнет адским пламенем или обратится обратно в тыкву?

– Чары развеются, – грустно сказал судья, словно сожалел о краткосрочности своей власти. А затем ни к чему добавил: – Будет гроза.

– Дождь, хорошо бы... – рассеянно кивнул Ленни. Ладно, хрен с ним. Если правильно разыграть карты, даже дурацкий

ордер позволит ему завалиться в Золотой Дом. По крайней мере, шансы были.

– Я что-то говорил о дожде³²? – резко оборвал Краун и дернул шнур.

Театральные шторы на невероятно огромном окне разошлись, открывая печальный пейзаж поместья. Перекопанное поле заполняло видимое пространство, упираясь в чернеющий горизонт. Словно задник дешевого вестерна. В нависших облаках на самой границе обзора клубились молнии. Перед особняком одиноко стояли три пугала с тыквенными головами, в колпаках и с вырезанными хэллоуинскими лицами. Ленни разглядел их при входе. На каждом висела табличка с инкриминируемые деяниями и заверенным судьей приговором. Казненные овощи – словно ответ Святой Троице. Простите, парни, никто не превратит вас в карету.

– Ты ведь в курсе, что смертная казнь в штате Дин отменена в 17-ом году?

– В 11-ом. Ты к чему?

– К тому, что ты не можешь приговорить никого к казни, даже пугало. Я имею в виду, конечно, вряд ли кто впишется за права овощей, но...

Он хотел сказать: если ты провернешь такой трюк на настоящем процессе, то... С Ала бы случилось.

– Я – федеральный судья! – вспыхнул Краун. – Я могу все,

³² сухие грозы – частое явление в северных штатах

даже запретить восход солнца, *ex officio*³³!

Так называемые судьи третьей статьи по праву гордились своим статусом. Они назначались президентом по представлению сенатора. И да, такой сенатор в мистическом кругу Альберта Крауна нашелся. Никто не пожелал бы узнать, где они встретились и в каких позах общались. Пацан из приюта многое отдал, чтобы писать чушь в ордерах и говорить непонятные слова.

Шилдс вроде бы хотел что-то добавить, но промолчал.

– Не кипятись, Ал, – Кравитц примирительно поднял руки. – Я просто говорю, просто говорю...

Лучше бы вызвал дождь, раз все можешь.

– Я спокоен.

Как бомба. Тик-ток, тик-ток. Долгие годы ты лежишь в земле, черная, недвижимая, мертвая. Тик-ток. Ждешь своего часа, чтобы взорваться.

На секунду Ленни почудилось, что он слышит проклятый часовой шкаф.

– Ты что, оставил Мистера Банга?!

– С этим блокнотом ты сойдешь за журналиста, – неупад ответил судья.

– А?

– Все еще рисуешь?

– Иногда...

– Я сохранил твои картинки. Там, там... – он указал ку-

³³ в силу должности

да-то в потолок. Черные комнаты, проссанные доски, ветер. Череду образов на стенах, которыми он заполнял безнадежные дни. – Они напоминают, какими мы были... до всего.

Загнанными? Голодными? Злыми? Вот уж сокровенные моменты жизни.

– Зачем ты его купил?

– Картинки? – не понял Краун.

– Особняк. Уэллрок. Всю эту хрень.

Как же погано ему теперь, чтобы вспоминать их проклятое «тогда».

– Это дом, – тихо ответил судья и неожиданно рассмеялся безумным гортанным смехом.

– Это дом, друг, – повторил он спокойно. – Да и... куда еще мне податься?

Все верно. Запертым в каирне душ никогда не выбраться на волю.

К тому времени, как под раскатистый грохот вспышка молний озарила мертвое поле, Ленни уже покинул печальное поместье судьи.

Берлинская лазурь

07/20 Fr

Черные листья шептались над головой в застывшем воздухе. Редкие кары скользили бесформенными силуэтами по мостовой. Будто тени, которые спешат в преисподнюю. Ноч-

ной Соулстоун выглядел оставленным, как макет города на полигоне в ожидании ядерной вспышки. Бу-у-ух – и волны тьмы сметают респектабельные постройки. Бу-у-ух – и выставочные дворики растворяются в потоке чистой энергии, чтобы воссоединиться с Абсолютом. Расщепленный атом не знает жалости, что сближает его позицию с доктриной Кармелиток Милосердия Ведруны. Ленни нарисовал бы мамашу Марш верхом на ракете судного дня.

«Попадешь в Стоун, увязнешь в Стоуне», – сказала потертая дама. «Как комар в меду», – добавил сонный судья. Кравитц ждал в тених под низкими кронами, словно охотник у водополя; беззвучные молнии плясали над треугольниками крыш. Немая гроза. Краун-краун, сукин ты пес, если уж спустил жизнь в унитаз, нажми на слив, имей смелость. Сыщик затянулся: мерцающая точка в темноте как шанс для добычи. «Ты ж вроде бросил?» – глядя на мятую пачку спросил судья. На прощание парень снова решил вынырнуть в наш грешный мир. Бросишь тут с вами. Лучи фар скользили по неровным фасадам, теряясь где-то в ветвях; и листья отзывались им тревогой.

Золотой Дом не был золотым. Страшный куб из глухого бетона, больше похожий на тюремный блок. Кравитц затянулся. То, что Ширес держал семейный фонд в банке гангстеров, не значило ровным счетом ни черта. Те, у кого мозгов побольше, тащили сбережения к миссис Флэнаган. Потому что надежно. Даже налоговая предпочитала не совать-

ся в это змеиное гнездо.

Кравитц покосился на горе-ордер, он и сам посещал Золотой Дом совсем недавно. Безликое помещение с высоченными потолками. Швейцар устало отворил дверь. Мальчишка с половиной лица и без руки. Лаос, Залив, Острова. Еще одна победа на карте мира. «Ура!» – кричит хор луженых глоток. «Вперед и до конца!» – напутствует их сержант. Приятно думать, что кто-то помогает ветеранам встать на ноги. Пускай и мафия.

Сыщик по-свойски кивнул мальцу и прошел к стойке. Пусто, как в музее.

На высоте третьего этажа было окошко, из которого просматривался весь зал. Ленни распотрошил пухлый конверт Ширеса и разделил пачку на две примерно равные стопки. Кассир с невозмутимым видом ожидала окончания маневра. Того, кто, возможно, наблюдал сверху, звали Стегманн Моттс. Известный персонаж, если вы входи в преступный мир Динаполиса. «Энжела Дифайнс Шилдс», – Ленни пододвинул одну из пачек за стекло и продиктовал счет по памяти. Еще один его безнадежный долг.

Энжела Дифайнс Шилдс, вдова Донни. Тонкая высокая женщина с пронизывающим до костей взглядом. «Ей не нужны твои деньги», – сказала капитан Дросс. «Это нужно мне», – ответил детектив, и не соврал. Бог знает, взяла ли Ди со счета хотя бы пенни.

Последний раз они виделись под плачущей ивой у ручья.

На похоронах. На его могиле. Ее глаза, обычно бледные, как луна, в тот день стали черными, как небо перед рассветом³⁴. Кравитц затянулся, ветки задевали макушку. Почему мы встречаемся с теми, кто нам дорог, только когда неспособны? Он вспомнил вороненное дуло и отрешенный взгляд Крауна поверх прицела. Видимо, поэтому.

Кравитц стоял рядом с плакатом о пользе здоровой пищи и напряженно всматривался через улицу. Еле заметная дверь в стене Золотого Дома оставалась заперта, блики молний мелькали на лице сыщика. Что ж, подождем. Те, кто пользуется услугами старушки Голди, предпочитали оставаться в темноте.

Радостный за'ар с рисованной репой в тревожном освещении ночи выглядел скорее кровожадным, отчего казалось, что он демонстрирует миру не овощ, а отрезанную голову врага. Новая жизнь – новый ты, и все дела.

«Ты слишком держишься за жизнь», – сказал судья. Кто-то долго думал о смерти. Рано или поздно его честь соберется с духом, достанет древний кольт, приставит к башке и оборвет линию своих страданий. Под подбородок, чтобы наверняка. Ленни встречал тех, кто промахнулся. Жуткое зрелище.

– Она того стоит? – напоследок спросил судья.

– Кто, Лори?

³⁴ случаи изменения цвета глаз за'аров крайне редки. Считается, что это происходит вследствие психической травмы

– Твоя жизнь. Ты так за нее трясешься...

– А?

– Я говорю, что хорошего ты сделал за свое время?

Как минимум не свихнулся.

– Осуждаешь? – не понял Ленни.

– Кто я, чтобы судить.

Действительно, кто?

Дверь отворилась. Ленни затушил окурок в глаз улыбающемуся парню с плаката и быстрым шагом пересек черную полосу дороги.

Когда маленький пухлый за'ар наконец вышел из банка, ему в затылок уперся тяжелый ствол магнума. «Вау», – протянул маленький пухлый за'ар и неосторожно поправил шляпу.

– Ни шагу, – процедил Кравитц.

– Да я вроде и не шагал.

Ха-ха. Для того, кто привык ковыряться в цифрах, Стегманн Моттс обнаружил завидное хладнокровие.

– А что теперь? – с любопытством поинтересовался он.

– Теперь ты отопрешь дверь и пригласишь меня на огонек.

– Дай-ка подумать...

Несколько мгновений два силуэта неподвижно стояли у черной бетонной стены, а потом один равнодушно сказал:

– Нет, не стану.

«Интересный поворот», – ухмыльнулся невидимый Шил-

дс.

– У меня пушка, – напомнил сыщик.

– Рад за тебя, приятель.

Стегманн Моттс был похож на цварга³⁵. Коротышка в до-
нельзя широких брюках и шляпе с узкими, будто обгрызен-
ными, полями. При взгляде на банкира складывалось ощу-
щение, что у него крошечный член и геморрой в последней
стадии. Неповиновение подобного субъекта, мягко говоря,
обижало.

– Лучше застрелись, – весело предложил субъект. – От-
беги за угол и съешь пулю. Дуло под подбородок, чтобы на-
верняка.

«А у вас схожий взгляд на вещи», – раззадорился Донни.

– Если справишься за минуту, обещаю не мстить родным.

Да что за день! Ленни в бешенстве развернул Мотт-
са к себе. В мерцании молний тщедушный клерк должен
был узреть свирепого ящера. Бугры мышц, звериный оскал.
Мощный торс растягивает трексу, будто пытается высвобод-
диться из-под ткани.

– А, Кравитц, это ты... – разочарованно протянул Стег-
манн и скорчил кислую рожу. В нем было что-то от мокрой
крысы.

– Что-нибудь не так, а?

– Ну... Ты слишком тупой, чтобы оценить мой совет. Это
печально. Так что... начинай палить из... что там у тебя? 29-

³⁵ разновидность низкорослых за'аров

ый³⁶? Компенсируешь?

Сыщик не стал бы пытаться мокрую крысу посреди улицы, да еще в Стоуне. Сбежаться на шум – не сбегутся, но копов вызовут.

– Знаешь, начни с колен. Один выстрел – буду всю жизнь инвалидом. И мне дадут прозвище... что-нибудь тривиальное. Стен Две Ноги, например. Второе колено – и тут уже понадобится каталка. Потом локти, чтобы я не смог крутить колесики моего модного кресла. Хмм, или начни с локтей. Выбор за тобой.

На этих словах дверь самостоятельно отворилась, и из Золотого Дома вышел паренек в аккуратном строгом костюме. Как будто его одевала мамочка. Тот самый однорукий швейцар с половиной лица. Паренек замер и несколько секунд пытался въехать в происходящее. Ленни практически видел, как мысли движутся по тому месту, которое когда-то называлось лбом.

Оценив обстановку, однорукий потянулся за оружием. Не лучший выбор.

– Не надо, Джонни, – покачал головой Стегманн.

«Верно, Джонни, не надо», – мысленно поддержал сыщик.

Но парень был отмечен загадочным упорством дебила. Совсем как Ширес в Заливе. Возможно, именно с этим выражением парнишка удерживал стратегическую высоту, ко-

³⁶ для справки: револьвер Ленни – вороненная версия Smith & Wesson 28-ой или 29-ой модели

гда остальные смылись. А потом от него оторвало несколько ценных кусков.

Недолго думая, Ленни одним слитным движением оказался возле швейцара и тихо ударил точно в челюсть: все честно – в целую часть. Парень рухнул на тротуар.

– Нехорошо получилось, – прокомментировал Стегманн. – Как-никак, ветеран.

– А? Я сам служил! – Ленни махнул стволом в сторону двери. – Проходи.

Внутреннее помещение банка предстало темным узким коридором со множеством одинаковых дверей. И за каждой мог оказаться какой-нибудь дебил-доходяга.

– Кто-нибудь еще?

– Только Петер, – с живостью отозвался клерк. – Он должен сидеть вон за тем столиком, – толстый палец легко указал в темноту, где, как подразумевалось, никого не было. Сам Ленни не мог разобрать дальше собственного носа.

– И где он?

Они осторожно продвигались. Пахло деньгами, подмышками и моющим средством. Кто-то воспринял выражение «отмывать деньги» слишком буквально.

– Почему мне знать? Может быть, пошел отлить. Может быть, заметил тебя и дал деру. Станем ли мы обвинять его в этом? В смысле, ты ж себя видел...

Стегманн Моттс последовательно выражал презрение к собственной участи.

– И кто такой Петер?

– Просто парень. Ты его не знаешь. Он у нас типа швейцара.

– Швейцара? – переспросил Кравитц. Они уже почти добрались до предполагаемого местонахождения стола. – А Джонни тогда?..

– Внук.

– Твой?

– Боже упаси! Миссис Флэнаган, конечно. Старушка с него пылинки отряхает, после того как он вернулся не совсем целым.

Сыщик почувствовал, как второй раз за вечер пол ускользает из-под ног.

– Но, – жизнерадостно продолжил банкир, – не бери в голову: тебя убьют совершенно не за это!

И еще раз – ха. Вот уж действительно денек.

Они подошли к тому, что могло быть рабочим местом Петера. Моттс уселся на стол и начал весело болтать ногами. Поблизости действительно никого не было.

– Мне нужно взглянуть на парочку бумаг из... – начал Кравитц.

– Обожаю Де Хэвилленд, – перебил бесстрашный счетовод. – Ее роль в «Каждому свое» – подлинный шедевр. Какая игра, какие оттенки драмы! Некоторые предпочитают Джоан... но нет, нет, это просто смешно!

Единственная Джоан, которую мог бы предпочесть сы-

щик, это бывшая подружка Холланда. Та еще сука.

– А?

– Ну же, Ленни, скажи, что тебе нравится Фонтейн, и мы как следует поспорим! – продолжил нести чушь коротышка. – Потому что разговоры о кино – это единственное, чего ты добьешься этим поздним визитом.

Как же он бесит. Хуже любой Дросс. Кравитц выразительно посмотрел на свой кулак.

– Можешь меня бить, Ленни. Можешь меня убить. Серьезно, ни в чем себе не отказывай. Того, что сделает со мной миссис Флэнаган, тебе все равно не дано.

– А?

– Моральные принципы не позволяют.

Смешно.

– Мои моральные принципы давно размыты.

– А у нее их нет. Чуешь разницу?

«Ты не получишь от них ни слова», – сказала клуша, едва не выползая из платья. Сыщик вздохнул. Каждый шаг в этом проклятом деле давался с большим трудом. Дросс закидала бумагами, нищий едва не обоссал. Где это видано, чтобы бродяги мочились на честных за'аров? Краун чуть не проделал в груди сквозное отверстие, размером с Польшу, а теперь и этот бумагомарака артачится... Вдруг что-то шевельнулось возле безразмерной штанины Стегманна. Неужто пресловутый Петер ныкается под столом?

– Это не то, о чем ты думаешь, – предупредил реакцию

сыщика коротышка.

– И что же это? – Кравитц небрежно направил револьвер на звук.

– Это Освальд.

– Ну так скажи Освальду, пусть выходит.

– Эй, Освальд, приятель, вылезай, – нехотя позвал банкир.

Из тусклого мрака тут же вынырнула любопытная головка. Насыщенно синяя, как ночное море под вспышкой молний. Геккошка³⁷. У Лори был такой же, только песочный. На вкус Ленни, они слишком жизнерадостные. Зверек легко вскарабкался по брюкам и уселся рядом с хозяином.

– Что еще за хрень?

– Это геккон, – обиженно ответил Стегманн. – Эрл кошта³⁸, берлинская лазурь, очень общительный.

Освальд улыбнулся и приветливо вытянул вперед лапку, словно здоровался.

– Не при посторонних, – строго сказал Моттс. – Мы это обсуждали.

Освальд недоверчиво посмотрел на сыщика.

И чего это я посторонний?

– Знаешь, они удивительные создания...

– Хей, Стегманн, смотри что у меня тут. – Надо быстро заткнуть парня прежде, чем он унесется в дебри гекконове-

³⁷ излюбленные домашние питомцы за'аров, размеры выведенных видов могут достигать полутора футов в длину

³⁸ порода и окрас соответственно

дения. – Держу пари, вам с лазеревым коштой понравится, – Кравитц протянул сложенные листы банкиру.

Его крапленый козырь в этой идиотской игре.

– И что это? – Когда коротышка развернул ордер, его настроение резко ухудшилось. Ленни понадеялся, что в темноте тот не станет вчитываться в бумагу. «В эти фитюльки никто не смотрит», – заверял судья. Сейчас и проверим.

– Ты, что ли, теперь коп? – раздраженно спросил клерк.

– Я – нет, но вот мои друзья – копы. И если ты не хочешь объяснять старушке Голди, чего это у нее с утра полный Дом легавых...

– Где ты найдешь идиотов, которые сунутся к...

В ответ Кравитц улыбнулся во все зубы и ликующе всплеснул руками: эй, это ж я, чувак! Освальд зажмурился от удовольствия, вероятно решив, что улыбка предназначена ему.

– А да, ты ж отбитый... И друзья у тебя такие же.

Иногда слухи о твоих тесных связях с фараонами бывают полезны.

– А потом ваши постоянные клиенты задумаются, стоит ли связываться с парнями, которым устроили шмон из-за какой-то ерунды. Как там говорится? – Сыщик прищелкнул пальцами для эффекта: так иногда делал Донни. – Ущерб бизнесу?

Некоторое время счетовод скорбно вглядывался в коридор. На его лице отражался мыслительный процесс, глубо-

кий и напряженный.

– Хрен с тобой, пошли. – Он подставил руку геккону и прыгнул со стола. – Ты все равно покойник.

Ничего себе, ордер-то действительно волшебный!

– И кто же меня прикончит? – еще больше раззадорился детектив. – Дорогая миссис Флэнаган, недавно я показал несколько частных бумаг одному типу. Не могли бы вы дать мне бойцов, чтобы пристрелить мерзавца...

– Не льсти себе, – оборвал банкир. – Убить тебя не так сложно, как ты думаешь.

Ленни только оскалился: парни в Заливе говорили то же самое.

– В сущности, чек – это не что иное, как разрешение третьему лицу снять с определенного счета оговоренное количество денег. Следовательно, на нем имеются номер самого счета, отпечатанный типографским способом, сумма и подпись владельца.

Молнии мельтешили в узких окнах под потолком, отчего казалось, что свет носится по лабиринту стеллажей, словно пытается найти выход. Стегманн Моттс работал при единственной лампе, сгорбленной, как старатель в штольне. Он выдергивал переплетенные тома с полок и быстро просматривал страницы. Лазоревый геккошка следил за хозяином, вертикально пристроившись на стене, всем своим видом насмехаясь над гравитацией.

– Когда в банк приходит чек, кассир убеждается, что подпись подлинная, и заносит в книгу учета выданную сумму и имя лица, получившего ее.

Он мне что, лекцию прочесть вздумал? «Или просто тянет время, – отозвался Шилдс. – Интересно для чего?»

Как только Стегманн принял решение, то сразу переменялся. Его движения стали отрывистыми, а голос обрел профессиональную четкость. Коротышка даже будто подрос. Для большего эффекта он достал бейдж «Дж. Стегманн Моттс, младший банковский служащий» и лихо нацепил рядом с карманом. Младший, ага.

Они прошли несколько коридоров, пока не оказались в зале, похожем на заброшенный архив. Тысячи истертых корешков тарацились в безнадежный мрак, в котором клубились мириады тусклых пылинок. Ленни тоскливо присвистнул.

– Таким образом, мы имеем двойной учет: запись остается в кассовой книге и на балансе счета лица, выдавшего чек. В первом случае можно посмотреть списания за конкретный день. Во втором – операции по конкретному счету с подшитыми чеками.

Последние полчаса Стегманн двигался по залу, как четвертной джек³⁹ на полозьях. Таскал папки, сверялся с записями и по новой. Все это время он не затыкался ни на секунду.

³⁹ quarter-jack – мы не знаем, что это за хрень

– У ФРС двенадцать округов. Эти цифры означают...

– Да знаю я, как работает банковская система! – не выдержал Кравитц.

– Прости, я думал, что имею дело с узколобым деревенщиной, который предпочитает решать проблемы кулаками. А ты, оказывается, интеллеktуал.

Нет, он точно намерен сдохнуть!

– Вот, нашел.

– А?

– Лорелея Ширес. – Пухлый палец легко скользил по серой бумаге. – Последний чек выписан пятого июля сего года. Овощная лавка или что-то вроде этого.

– Хмм...

– Ну что, доволен? Стоило столько мучиться, чтобы узнать так мало?

Значит, нищий соврал: Лори не было в «Дыре». Или она не заплатила. Или ее увели силой. Попробуй добраться через пол-Дино без гроша. Или у нее все-таки был кэш? Или что? «Пусть роет дальше», – распорядился Донни из пустоты.

– Где она бывала? Что-то подозрительное?

– Да ни хрена, обычные покупки. Тряпки-шляпки, макияж и так далее. Сам посмотри...

Кравитц наклонился над банкиром. Мощная тень легла на зернистые листы, полностью поглотив силуэт маленького за'ара.

– «Дыра в стене», кафе на углу Юнион и 17-ой. Сможешь

узнать, расплачивалась ли она там?

В фигуре Моттса отчетливо ощущалось напряжение. Кажется, кто-то вот-вот выкинет глупость. Ну дерзай...

– Нет. То есть не расплачивалась. По крайней мере, «Дыра» никогда не предъявляет чеков.

– Не понял. Разве тебе не надо где-то проверить?

Стегманн оскалил мелкие зубы.

– Погоди...

До сыщика начало доходить: веганская кафешка в принципе не предъявляет чеков.

– Вот именно.

Ленни изумленно обвел архив, крысеныш только в одном случае мог утверждать наверняка.

– Ты их читаешь?

– Ну да.

– То есть просто берешь папки и читаешь?

– Обычно в хронологическом порядке, – не без удовольствия ответил Стегманн.

– На хрена?

– Это информация. Буквально банк данных. Мало кто понимает истинную ценность подобного места. Да, мой хороший? – Моттс с нежностью погладил Освальда, к этому времени перебравшегося под лампу. Геккошка зажмурился и вроде бы даже заурчал. – Например, некий детектив с Гулд-стрит имеет привычку переводить половину гонораров на счет третьего лица. Сейчас мы не будем разбираться в при-

чинах.

Некий детектив напрягся.

– Если допустить, что он честен в своих расчетах, можно не только определить его точный заработок (а заработок у него хреновый). Кто-нибудь поумнее спросил бы, платит ли детектив налоги со всей суммы или только с половины?

– Лучше заткнись, – процедил Кравитц.

– Знаешь, мне кажется, я единственный за’ар в городе, который точно знает, сколько ты торчишь казначейству.

Кравитц выразительно направил магнум.

– Я просто показываю, как это работает, – клерк примирительно поднял руки. Освальд с любопытством следил за происходящим из-под лампы.

– Разумеется, такой фокус редко прокатывает с публикой из Старого города, но вот ребята из Стоуна или Холмов...

Чьи платежи почти полностью проходят по безналу... «Фокус – это подготовка», – процитировал Донни сам себя. У этого заморыша в карманах целые жизни...

– А. Смит, – мрачно сказал сыщик и продиктовал данные. – Твой клиент?

Мистер Смит пропал 27 октября. Последний раз видели в «Дыре». Заказал фирменное блюдо. Согласно двум свидетелям, расплатился чеком.

– Знаю-знаю, – закивал Моттс, как будто речь шла о старом знакомом. – Скачки. Очень неудачно. Но, как я говорил ранее, никто не приходит к нам из «Дыры».

– Хмм...

– Момент! – Коротышка неожиданно исчез среди стеллажей.

Возможно, им не нужны деньги? Возможно, они кормят своим дерьмом за так? Действительно, что за псих станет оплачивать сэндвич с редькой? А потом федеральная программа Как-ее-там компенсирует убытки? Но тогда зачем старикан выписал чек?

Когда сыщик решил, что заморыш наконец додумался дать деру, Стегманн вернулся со стопкой особо пухлых и пыльных томов.

– Корпоративные клиенты... О, извини, ты ж все знаешь, – банкир аккуратно разложил записи и начал сверять.

Клиенты? Ну да. Кривая ирония. Владельцы «Дыры в стене» тоже были парни с мозгами. Из всех банков Динаполиса они выбрали самый надежный. Что тут скажешь? Не верь никому.

– Смотри.

Строгие столбцы чисел под пухлым пальцем, почти равные графы. Все было точно, как на уроке математики.

– Какая поразительная ахиня, – восхитился Стегманн Моттс. – И не стыдно же...

– А?

На взгляд Ленни, строчки были чище некуда.

– Так не бывает. Я не говорю даже о том, что овощи – продукт сезонный. То бишь общая сумма за месяц должна

колебаться в зависимости от времен года. Но то, что они делают, это же просто чушь.

– А?

– Ошибка новичка, – начал объяснять Моттс. – Фальсифицировать системные данные не так просто. Нет, в целом, разработать внутренне непротиворечивую модель и тупо придерживаться ее логики может каждый. Однако проблема в том, что реальная модель крайне противоречива, ввиду большого количества неконтролируемых переменных. На выходе мы получаем полностью искусственную конструкцию. Разница, как между зоопарком и дикой природой. – Ленни отключился где-то на «непротиворечивой модели». – Короче, хочешь сделать как надо, обратись к профессионалу.

«Дело пошло бы лучше, обратись ты к профессиональному сыщику», – съязвила потертая дама.

– Смотри, здесь, здесь и здесь. – Палец жестко врезался в бумагу. – Они проводят переводы как есть, а потом просто докидывают необходимую для ровного значения сумму.

– На хрена?

– Потому что они идиоты, – просто ответил младший банковский служащий. – Первый же аудит разорвет этих бедолаг, как крокодил потомство.

Ну и сравнение.

– Особо умиляет бардак имени 7-го июля, – продолжал распаляться банкир.

День, когда исчезла Лори.

– М?

– Ну, тут же до слез. Банковская операция в десять центов.

– Чего?

– Самое смешное – за поворотом. – Он раскрыл еще какую-то книжку. – В тот же день транспортная компания «Pacific path», которая работает с «Дырой», получает полную оплату, как за обычную доставку.

– Они привезли что-то ценой в дайм на грузовике?

– Вот именно. Через два дня UVCO «Элизиум» переводит на счета своего внутреннего подразделения «Райские поля», основного поставщика кафе, 5000 долларов.

– Имеешь в виду, парни заплатили сами себе?

– Как видишь.

Ленни не знал, чему удивляться больше. Что клубок начал потихоньку разматываться, или тому, что канцелярская крыса нарыла все это за полчаса, в темноте, под дулом магнума. А ведь парень мог просто удрать.

«Старые привычки неистребимы, – лениво ответил Донни. – Дай счетоводу несколько конторских книг, и вуаля».

– Это я заберу, – Кравитц указал оружием на разложенные записи.

– Сомневаюсь, – мрачно ответил банкир. – Петер!

Мгновение – и, разметав ряды папок, из стеллажа вырвались невозможно длинные руки. Сыщика тут же сжало в непроницаемых объятьях. Так маленькие девочки обнимают плюшевых медвежат. Где-то сбоку синим росчерком по сте-

не взметнулся геккон. Кравитц влетел спиной в полки, грудная клетка страшно захрустела, подтяжки тут же оборвались. Он буквально чувствовал, как ребра покрываются сетью трещин. Кто-то типа швейцара? Ну-ну. Немного дольше – и кости проломаются, проткнув легкие, и он задохнется от крови. Еще одна мертвая игрушка на свалке жизни. Да хрен вам в зад!

«В ситуации рукопашного боя вы должны действовать нестандартно», – давал установку сержант. Что бы ни решил, сделай это быстро – учила улица. Кравитц что было мочи оттолкнулся от пола и, объединив усилия с невидимым Петером, резко подался назад. Стеллаж задрожал и повалился на врага. Тиски разжались, снизу донесся протяжный стон. Сыщик оглянулся: из-под завала торчали длинные руки с растопыренными пальцами. Как умирающий под руинами после бомбежки. Он по-особому захватил ладонь и всем телом крутанулся вокруг конечности. С приятным звуком предплечье вышло из сустава, как из шарнира. Стон сменился пронзительным визгом. Загадай желание, сука⁴⁰!

А потом совсем рядом передернули затвор.

Кравитц рванул на четвереньках по скошенному стеллажу. Выстрел! Он несся не разбирая пути, руки больно врезались в металл, пятки сверкали в отблесках молний. Выстрел! Выстрел! Будто скаковой варан, который несмотря ни на что решил победить. Интересно, поставил бы на меня ми-

⁴⁰ возможно, это восклицание Ленни отсылает нас к косточкам желаний

стер Смит?

Добравшись до поворота, Ленни эффектным кувырком ушел вправо; две пули легли туда, где могла быть его голова. Проклятье! Стрелял Стегманн немногим хуже, чем считал. Это ведь Стегманн? Сыщик осторожно высунулся из-за угла.

В зловещей пляске молний младший банковский служащий выглядел до неприличия внушительно. Его движения были уверены и неторопливы, узкие поля прикрывали сосредоточенное лицо. Дж. Стегманн Моттс неумолимо надвигался через клубящееся в грозовом свете облако пыли, его тень медленно плыла впереди. Короткий вальтер профессионально прижат к туловищу, от дула поднимается легкий дымок. Он был похож на гангстера из нуара. Собственный револьвер сыщика валялся слишком далеко, чтобы достать.

Заметив движение, банкир сделал несколько выстрелов. «Банг-банг» – сказал ствол, выплюнув пламя. «Чмок-чмок» – ответили пули, врезавшись в пыльные тома, так близко к Ленни.

Парень был крут, кто ж поспорит. Но вот беда: жизнь не кино. И если палить без разбора из вальтера ППК с магазином на восемь патронов, то очень скоро... Стегманн произвел очередной бессмысленный выстрел, и пистолет встал на затворную задержку. Так-то, дружок!

Кравитц вышел из-за укрытия и не торопясь направился к своему магнуму. Кто бы мог подумать, что счетовода подведет счет? Хочешь изображать крутого – пожалуйста. Но ес-

ли ты чертов штафирка, бессмысленно поднимать ствол на того, кто прошел через Залив. Такова правда жизни. Ленни бросил штафирке победную ухмылку и едва заметил, как короткая обойма выскальзывает из рукояти, а вторая мгновенно занимает пустоту. Парень перезарядил оружие, будто тренировался всю жизнь.

Невероятным прыжком сыщик сиганул за гору поваленных папок. Банг-банг-банг. Он больно приземлился на спину, бок нестерпимо обожгло. Чехол для блокнота, по всей видимости, слетел с ремня. Зараза! Искать его потом в этом ворохе бумаг.

«А ты уверен, что у тебя будет это самое потом?» – вмешался Дон.

Вдруг что-то яркое показалось наверху. Ленни присмотрелся. С высоты пятнадцати футов, над завалами архива, с потолка, озорно приоткрыв ротик, свешивался геккон. Малютка словно говорил законам физики: смотрите, как я умею. Кругом война, а этому типу хоть бы хны!

Кравитц прикинул: единственный шанс – добраться до лестницы. А там либо устроить засаду, либо свалить – по обстоятельствам. Он примерно помнил направление и надеялся на удачу. Кто бы мог подумать в начале вечера, что он станет удирать от цварга в обгрызенной шляпе?

Детектив с Гулд-стрит мысленно досчитал до трех, набрал побольше воздуха и бросился через зал. «Банг! Банг!» – вспышки выстрелов смешивались с мерцанием молний, ед-

кий порох заполнял грудь. «Банг! Банг!» – мелкими фонтанчиками взрывались картонные папки. Банг – затишье, а затем – банг-банг-банг! В темноте замаячило пятно сгорбленной лампы. Как маленькое солнце в глухой и холодной галактике. Где-то позади продолжал скулить невидимый Петер.

Ленни бросил тело вправо и тут же налетел бедром на что-то, что могло быть куском скалы. Адская боль мгновенно заполнила бытие от висков до пальцев на ногах. Сыщик несколько раз перевернулся и врезался ничком в пол. БАМС! До спасительной двери оставалось не больше сорока футов.

Он полз, и каждое движение отдавалось мучительной волной по всему телу. Он полз, и когти омерзительно скрежетали о каменные плиты пола. Он полз, а потом чья-то плотная тень легла поверх его истерзанной плоти.

– Перевернись, – сказал Дж. Стегманн Моттс. – Не хочу стрелять в спину.

Ну прямо герой вестерна, как пить дать!

На безумную секунду Ленни подумал не послать ли банкира в жопу: тогда крысеныш навсегда останется крысой. «Черт с ним, уважь коротышку, – вмешался внутренний Донни. – Не подыхать же, как твари, с пулей в затылке». Как твари совсем не хотелось.

Невероятным усилием сыщик переместился на спину. Моттс целился в него с унынием профессионала. С тем же выражением он мог изучать конторские книги.

– Знаешь, что забавно, – сказал Стегманн. – Начальная скорость пули, выпущенной из вальтера ППК, 1010 футов в секунду. А скорость звука на 115 футов больше. Таким образом, ты успеешь услышать выстрел, который тебя прикончит.

Ага, обхохочешься. Гребаный клерк продолжал читать свои лекции, будто мир – это конченные болваны. Ленни хотел сказать что-нибудь едкое, а потом заметил движение сбоку. Прежде чем банкир все-таки выстрелил, Кравитц в немыслимом по реакции прыжке ушел в сторону, будто пытался схватить спасительный билет в жизнь. Возможно, именно так первобытные ящеры бросались на свои жертвы.

Еще одна пуля мимо цели.

– Бьешься до конца. Впечатляет для армейского.

А ты, блять, что, гребаный морпех?!

Сыщик полулежал, забившись в углу, и с тяжелым свистом выпускал воздух.

– Последние слова?

– Я этим не горжусь, – скорее прохрипел, чем сказал Кравитц, и вытянул перед собой сжатые в горсть ладони.

В израненных пальцах на фоне клубящейся тьмы архива трепетал комок берлинской лазури, пронзительно яркий для такого мрачного места. Ленни мог чувствовать его пульс.

– Я этим не горжусь, – повторил детектив с Гулд-стрит.

Малютка Освальд в его руках по-доброму улыбался, будто выглядывал из норки. Кажется, для него это была просто

веселая забава.

– Успеешь выстрелить прежде, чем я сверну ему шею?

Словно плюшевая игрушка, которую пока не задушили в объятиях.

Стегманн посмотрел на сыщика с таким чудовищным презрением, что тот содрогнулся от неожиданности. Так могли бы смотреть на крокодила, пожирающего потомство, другие крокодилы, если бы у них были чувства.

– И проверять не стану, – резко ответил Моттс, убирая ствол. Золоченая вставка рукояти блеснула и пропала в полях пиджака. – Оставь в покое Освальда и вали.

Ну и кто теперь крыса?

– Магнум.

– Да господи-боже... – банкир бросил на пол его оружие и подтолкнул ногой.

«Что хорошего ты сделал в своей жизни?» – спросил судья.

– Бумаги.

Что-нибудь, когда-нибудь, может быть...

– Там, забирай. Могу и вальтер отдать. От отца достался.

– Без надобности, – процедил Ленни, поднимая чехол для блокнота. Вряд ли парень шамальнет мне в спину.

Он старался не встречаться с цваргом глазами. Стегманн наоборот впился в него взглядом, будто хотел запомнить малейшую черточку.

«Каждый заслуживает, чтобы остаться в чьей-нибудь па-

мяти. Пусть и в последний раз», – сказала Самара Морган.

– И да, Ленни, – когда сыщик уже был в дверях, окликнул Моттс. Неужели все-таки пустит пулю? Но банкир беззвучно открывал и закрывал рот и в итоге лишь покачал головой. «Даже у него не хватает слов для тебя», – безжалостно подытожил Донни.

Когда Кравитц покидал Золотой Дом, он сжал чертовы папки со стыда. Выстрели Стегманн, и его бы запомнили именно таким. Высоко на окошке малютка Освальд провожал сыщика улыбкой.

Пропавшие судьбы

07/26 Th

Комната колыхалась в табачной завесе. Лампы беспомощно тонули в плотном дыму, придавая обстановке атмосферу черно-белого фильма. Берлога Ленни на 12-ом этаже кондоминиума по Уэстлейк-стрит напоминала оставленный штаб Бюро. Заявления, бланки отчетов, допросные листы, дактилоскопические таблицы и черт знает что еще. Имена и даты, выдавленные в сером картоне, будто на могильной плите. Чьи-то жалкие жизни, зафиксированные полицейским бюрократом. Пропавшие судьбы.

«Once a thief, always a thief⁴¹» – говаривала Мамаша Марш, как следует приложившись к бутылке. Вряд ли. Все,

⁴¹ единожды украв, навсегда становишься вором

кого знал Ленни, на своем веку что-то да сперли, но это не сделало их кем-то. Все, кроме Донни.

– Святая Троица съест тебя с говном, Кравитц. Дать тебе тонер?

Любителям иронии в Динаполисе нужны страховка и телефон хорошего дантиста. Если, конечно, они не дослужились до капитана.

Когда Ленни решил, что Лиз уже не придет, звонок все-таки раздался. Капитан Дросс замерла на пороге: в форме она напоминала почтальона.

– Ты выглядишь, будто всю неделю выживал в джунглях Лаоса, – она сделала эффектную паузу. – И не выжил.

– И я рад тебя видеть, – жизнерадостно оскалился сыщик, сигарета в зубах приветливо приподнялась.

– У тебя десны кровят. И что с лицом?

– Это карфагский оттенок кожи, – обиженно ответил Кравитц, пропуская гостью.

Внешним видом сыщик напоминал убитого на ринге боксера, труп которого пытались сжечь. Что из мешанины ссадин, подпалин, синяков и кровоподтеков давало «карфагский» оттенок – загадка.

– Ну да, краше в морг везут.

«Хэйверлэнд Принц, Рита. Чем вам помочь?»

– Совсем как в Бюро, – прикрывшись перчаткой от дыма, сказала Дросс. – И что у меня там не сложилось...

В табачном тумане над тяжелым столом в дальнем конце

комнаты покачивалась доска расследований. Вырезки, фотокарточки, торопливые заметки и нечеткие в тусклом мараеве наброски карандашом соединялись плотными нитями в маршруты, по которым жертвы шли к неминуемой участи. Все маршруты вели к «Дыре».

– Святая Троица съест тебя с говном, Кравитц. Хочешь, дам тебе тонер?

Ленни называл свой метод «уход в дело». Ты проверяешь зацепки, одну за одной. Каждый день – до упора, пока не спутаешь портрет подозреваемого с собственной рожей. Утром встаешь – и по новой. И тут либо щелкнет в мозгу, и пазл срастется, либо загнешься, как скаковой варан, извини. Отключишься на пятый день без сна, и твой труп оберет жестокий нищий⁴².

Ничего, так тоже можно работать. Если привыкнешь, что периодически бьют по башке.

Дросс распахнула окно, и в комнату ворвался жар ночи. Ленни показалось, что он стоит под тепловой пушкой.

– Ты все-таки нашел себе проститутку, Кравитц? – она подцепила скомканную у ротангового кресла тряпку форменной туфлей. Та самая трекса: страшные пятна и рваные дыры на груди.

– А?

Лиззи осторожно держала ткань за краешек, так держатдохлую крысу.

⁴² а может, обоссyt...

– Мне стоит об этом знать?

– Нет, – отрезал сыщик. Глаза вонючего Вилли вспыхнули янтарным пламенем в черноте проулка. – Лучше смотри сюда.

– Удиви меня.

Ленни начинал с нуля. Парадоксально, дела Лори не оказались в бумагах. Копы. «Полицейский департамент не выдает гражданским информацию по текущим расследованиям», – оттарабанил патрульный. Сыщик оценил взглядом гору коробок. А на этих в полицейском департаменте уже забили?

Такова жизнь. Каждый день кто-то выходит из дома, чтобы никогда не вернуться. Еще одна пропащая душа на улицах бездушного города. Мир, в котором лучшее, на что ты можешь надеяться, – это безымянная могила за счет округа. И последний взгляд Самары Морган.

Лори не исключение.

«Вы, юноша, определенно первый, кто интересуется этой особой», – сказал доктор Маллард. Сыщику показалось, что старик тыкнул в него пальцем на своей стороне провода.

«Меня об этом никто не спрашивал, извините», – сообщил мелодичный голос Пэм.

«Такого запроса не поступало», – четко ответила Самара.

«Копы ни хрена не делают. Только бумажки перекладывают и кряхтят», – жаловался тогда Ширес. Окей, дружок, а сам-то почему не обзвонил? Привык в своем Стоуне, что

за тебя носятся другие? Или тебе пофиг на нее? Раз так, не проще ли было нанять шавку с Холлидей? Сэкономил бы пару баксов. «Или ты и есть эта шавка», – криво ухмыльнулся внутренний Шилдс.

– Воистину лицо зла! – Лиззи оторвала портрет с доски. Чванливый мистер Берри смотрел на нее с блокнотного листа, как жаба, которой пернули в пруд. – Не думал о карьере художника?

– Ага. Комиксов. Будем обсуждать мои планы на жизнь?

– Разве это жизнь, Кравитц? – Она вернула Рэдмонда на место и постучала ноготком по силуэту со знаком вопроса, который был подписан «мистер Дракс». – Второй главарь подполья? Серьезно?

– Старый знакомый?

– Виллан... Виллен... Виллентретенмерт Дракс... – Она с трудом произнесла имя. – На звук, как пособник нацистов. – А?

– Он же просто Вилли. Местная достопримечательность. Неделю назад был найден избитым до полусмерти в переулке рядом с Юнион и 10-ой.

Внутри Ленни что-то провалилось на дно колодца.

– Ребята говорят, его будто бульдозером давили. Но парень крепкий – вроде выкарабкается. Помимо прочего, Дракс был опрошен несколько раз по two zero seven Adam⁴³.

⁴³ 207A – попытка киднеппинга в системе полицейских кодов, Дросс очевидно что-то напутала

Я точно не должна ничего знать? – капитан заломила бровь и кивнула в сторону рубашки.

Получается, что босс злодеев – убогий нищий. Так себе начало.

«Не стоит делать поспешных выводов», – мягко укорил Донни.

– За эту чушь медаль мне явно не светит, – Дросс облизала растресканные губы. – Так что я пойду. Как проспишься – звони.

– Не делай поспешных выводов, Лиз, – просительно улыбнулся Кравитц, продемонстрировав фикса. Избитый и уставший, он сам был похож на нищего.

«Джим обеспечивал ее», – говорила юная мисс. Он был шишкой в Бронксе, платил налоги и голосовал за Трейси⁴⁴. Одним словом – чертов бойскаут⁴⁵.

«То, что я тебе сказала, известно каждому», – рассмеялась озабоченная дама и предложила обратиться к кому-то более сведущему в его профессии. Она права: каждому, кто живет в Стоуне и окрестностях. Почему Ширес не поделился с ним этой информацией? И не набрал ни одного телефона? Кравитц три дня названивал по номеру с визитки, Джимми ни разу не ответил. Будто бы умер. «Или на полпути в Канаду», – заметил внутренний Шилдс.

⁴⁴ Ричард Трейси, 35-й президент Диамерики. Слоган его кампании: «Надежность».

⁴⁵ это два слова

– Никогда не поверю, что ты притащилась в такую даль, чтобы сказать, какой я идиот.

– Никогда бы не поверила, что ты такой идиот, если бы не увидела все это, – парировала Лиззи, но, вместо того чтобы уйти, уселась в ротанговое кресло.

Когда приходишь в Соулстоун или Холмы, тебя встречает благопристойная Америка. Но колючие улыбки едва ли лучше оскала. Шлюхи в золоченных клетках не перестают быть шлюхами. Просто стареют немногим дольше.

Ленни стоял перед крепким домом на Стэнтнор-стрит, над которым как будто нависла скорбная тень. Черные окна наглухо закрыты плотными шторами, и ветер сдувает мусор на лужайку. Здесь жила Лори. Пока не исчезла. Кажется, здесь давно никто не живет. Дин-дон. Никакого Джими, простите. Дин-дон. Он уехал в Канаду по паспорту кузена, который не вернулся из Залива. Дин-дон. Силуэты крон плавают на грязном крыльце. Сыщик огляделся и с силой врезался плечом в дверь. Будто в скалу. Надежность.

– Краа-а-авитц, я жду! – капризно протянула Лизи Дросс. Ленни очнулся и посмотрел на доску расследований с гребанным Драксом на вершине. Настало время объяснить капитану полиции, насколько некомпетентны ее ребята.

Misper – так это называют на жаргоне. Missing person – словно нелепый псевдоним фокусника. Только в Динаполисе с полторы тысячи за’аров за год пополняют статистику пропавших. Из тех, на кого хоть кому-нибудь не плевать. Пол-

сотни из них не найдут ни в первые сутки, ни в следующие несколько лет. Из ста семнадцати сгинувших за намытыми витринами кафе в последние восемь лет не удалось обнаружить никого.

– И еще. Если кого-то в последний раз видели, скажем, в Дракенсберге⁴⁶, это не значит...

– Что его не похитили коварные вегане, – ехидно продолжила Лиз, подбирая под себя ноги.

А что не так? За'ары переходят в травоядные, чтобы бесить других за'аров. Их отвратительные зеленые флаги реют на маршах капустной недели. В их жилах течет смузи. Еще недавно их совали мордой в унитаз или сбрасывали с Горбатого моста в воду. Очевидно, они озлобились. Очевидно, они жаждали реванша.

– Ты и половины не знаешь, – Ленни зажег сигарету. – Многие из пропавших не имели разумных причин находиться в районе Юнион и 17-ой. Сколько-то точно были нетравоядные. От слова совсем.

– Поддались моде? Решили подумать об организме? Хочешь быть здоровым – жуй брюкву.

– Вот мистер Смит. – Ленни указал на старичка с тоскливым взглядом. Его глаза получились у сыщика как живые. – Снимал каморку на Спиллейн-стрит⁴⁷. Однажды он выходит из дома и пересекает пол-города, чтобы посетить самое мод-

⁴⁶ один из районов Динаполиса

⁴⁷ Спиллейн-роуд; очевидно, сыщик оговорился

ное заведение Динаполиса!

– Он просто фанат салата из лебеды. Тебе не понять.

– Возможно. Однако в нашем мире он заказывает «Черный Веган». Без гарнира. Без напитков. Без любимого салата. Каково?

– Следовательно... – Лиз сделала еще одну эффектную паузу. – Он фанат гамбургеров, да?

Сыщик оттянул подтяжки большими пальцами и устало посмотрел в окно. Она всегда так выбешивала или только последнюю пару лет? Гигантский тривижн на выезде с Уэстлейк демонстрировал дождливую улицу. «Есть и другие места, кроме этого. Travis Passage». Обычно парни специализировались на экстремальном отдыхе. Недельный тур в Антарктиду – их последняя задумка. По такой жаре – самое то. Детектив повел взглядом дальше, будто хотел увидеть «другие места», которых, разумеется, не было. Только темные квадраты крыш скорбной чередой шли на север, сливаясь с линией горизонта. Мрачная Рэнсонс Тауэр в излучине Рэй-ривер высилась, как королева городской застройки. Казалось, готическое здание светится мистическим черным светом.

– Мистер Смит расплатился чеком. Об этом говорят два свидетеля, все в твоих бумагах. Однако мистер Рэдмонд Кактам-его Берри...

– Дуглас, – она провела ногтем по отчету.

–... этот чек не обналичил. Он вообще не имеет привычки

обналичивать чеки. Впрочем, отрицать присутствие мистера Смита не стал. Был и ушел. А потом пропал. Установлено, что из 47 случаев за последний год 15 произошли рядом с «Дырой в Стене». – Кравитц с силой затушил окурок в ладонь. – А теперь скажи, где я неправ?

Лиззи вертела в руках рисунок, на котором гигантский плотоядный цветок заглатывает фигурку за'ара, подозрительно похожего на детектива с Гулд-стрит. Прощальный презент мистера Хопса. Тот назвал его «Sweet a fan dune poig», что бы оно ни значило.

– Зря не пошел в художники, – наконец ответила она. – А от меня ты что хочешь?

– Ну как... – Ленни подъехал к ней на кресле и протянул тамблер с «Мадам Вастрой» на два пальца. – Пришли своих парней из 11-го⁴⁸. Раскрути полицейскую машину.

– Основания?

– Ну...

Краун не искал оснований. Он просто подписал бумаги. «И чуть не застрелил», – весело поддакнул Донни. Туше.

Когда часы показали полночь, Ленни вытащил из кармана несчастный ордер. Размашистый почерк на изломанных листах. Что-то про «экзистенциальный опыт» и «его волю». Он долго смотрел на бумагу, но обещанные чары не пропа-

⁴⁸ по нашим прикидкам, в Динаполисе 8 полицейских участков и одно управление шерифа округа. Департамент присваивает номера в хронологическом порядке, номера закрывшихся участков выводятся из обращения

дали. Он стоял как дурак в паре кварталов от Фаррагут-роуд, и молнии гуляли по скатам крыш за спиной. Ничего. «Интересно, на что я рассчитывал? – с кривой улыбкой подумал Кравитц. – Парень явно спятил, причем давно». А потом строчки начали таять, словно их стирали, буква за буквой. Практическая магия и немного исчезающих чернил. Вот тебе и тыква.

«Ты в курсе, что в оригинале сказки голуби вырвали глаза сестрам Золушки на ее свадьбе? – спросил судья. – Пернатые крысы».

Так какие у меня основания? Ну-ка прикинем.

– На Левом берегу действует преступная сеть, если еще не дошло. – Эх, копы-копы. Был бы Ленни потупее, сам бы пошел в легавые. – Эти твари проворачивают минимум по похищению в месяц. Сто с хреном жертв набежало. Безопасность граждан под угрозой, и все такое.

Три года назад в «Шрайк» был материал «Кафе с говорящим названием» об исчезновениях в веганской закуской. Автор Томми Пес или как там его. Статья уверенно расположилась между заголовками типа «Рептилии прошлого – трансгендеры?» и «Война в Заливе – происки инопланетян». По иронии судьбы сам репортер⁴⁹ куда-то запропастился.

– Каждое утро в Динаполисе кто-то выходит из дома, чтобы никогда не вернуться, – пожала плечами Лиз. – Чего уж говорить о вечерах.

⁴⁹ нам почему-то кажется, что Томми Волк все-таки был журналистом

– И ты подалась в философы?

– А этого я помню. – Капитан глотком осушила виски и ткнула в бледное фото. – Рексфорд Джонс. Бил подружку, приторговывал лизергинкой. Или она его? Жертва, безусловная жертва социального уклада общества. Небось лежит сейчас в неглубокой могиле на съезде с 61-ого с обломанным пером в груди. Ты вообще отчеты читаешь?

Мистер Джонс жил в подвале у родителей и подружки ввиду такого обстоятельства не имел. Он мог бы быть веганом, если б не барыжил дурью. Чего не отнять у травоедов, так это пропаганду здоровья. Мое тело – храм, и все такое. Кравитц отлично делал свою работу.

– В 8:30 после полудни вошел в заведение «Дыра в стене», заказал гамбургер и витаминный коктейль. 20 минут просидел за столиком у всех на виду, в 8:50 направился к выходу, но не вышел. Так написано в отчете. Его вели твои ребятам из наружки. Ну?

Детектив откинулся в кресле и расплылся в победоносной улыбке.

– Ты прав, это настоящий заговор! – зловещим тоном подхватила Дросс. Ох, не понравился Ленни этот тон. – И старик Смит специально топал полдня, чтобы оказаться в лапах твоей банды. Гурман, что с него взять. – Улыбка сползла с лица сыщика, как будто ее растопило зноем; сигарета в зубах опала. – Если в «Дыре» кто и пропадает, то только по собственной инициативе. Рекс, например, имел все резоны

слиться из города. Но тогда твоя ненаглядная просто сбежала от муженька-придурка. Либо она жертва обстоятельств. Как и мистер Смит, который случайно оказался где не следовало. И еще три сотни плотоядных твоего списка.

«Скачки. Очень неудачно», – сказал крысеныш Моттс про старикана.

– Ну, это твоя версия, – Ленни и не думал сдаваться.

– Это единственная версия, если принять за правду всю чушь, которую ты нагородил, – Дросс строго нависала над сыщиком.

– Тогда проверим? Возможно, завтра парни найдут очередную жертву, – закинул удочку Кравитц.

– С чего вдруг?

– Так... предчувствие... Ну что, испортим гадам жизнь?

Лиззи Дросс долго молчала. Тугие нити ломались на блеклой поверхности доски. В стороне от общей картины замерла женщина. Ее изобразили в пояс, чуть с поворотом, будто поймали в движении. Строгая, резко устремленная вперед. И при этом удивительно хрупкая. По крайней мере, такой она осталась для него. Лори.

От Ширеса Ленни досталось несколько карточек: выхоленная, уверенная в себе женщина холодно смотрела с фотобумаги. Это была не его Лори. Они виделись года четыре назад. Чего уж, они переспали. А потом она сказала, чтобы он к ней не подходил. И забыл все, что было. И вообще ничего не было. И чтобы он не смел. И что-то еще. Обе Лори

разительно отличались от той, которая была с ним когда-то.
«Джимми обеспечивал ее», – сказала юная мисс и ядовито улыбнулась.

Он еще раз посмотрел на фото... Иногда ему казалось, что он ищет другую женщину. Что настоящая Лори осталась дрожать в табачном дыму этой самой квартиры по Уэстлейк, сжимая в руке нелепый проспект. Коснись ее, и она разобьется на осколки. Как сон наяву.

– Да, Лори, помню, – уставившись на фото, сказал судья. – Классная девка, да. Я б ее вздрючил.

– А?

– Интересно, где она сейчас?

– Она пропала, я ее ищу... – медленно проговорил сыщик. Это случилось после того, как он с четверть часа пересказывал Крауну суть дела.

– Ну... ты, это, позвони, когда найдешь.

Чертов дурак.

– Я не втяну ребят в твою авантюру, Кравитц, – не отрываясь от листка, медленно проговорила капитан Дросс.

Можно подвести варана к реке⁵⁰...

– Как скажешь, – спокойно согласился Ленни. – А что сама, прикроешь по старой дружбе?

Она обернулась. Острые скулы отчетливо выступали на сосредоточенном лице; тонкие губы изогнулись в странной усмешке. Она смотрела на Ленни сверху вниз с каким-то

⁵⁰ но нельзя заставить его пить (за'арская мудрость)

особенным, не понятным ему выражением и наконец с усилием, словно заставляя себя, сказала:

– Прикрою.

– Заметано, – Ленни широко улыбнулся и быстрым движением поднялся с кресла. Они оказались неуместно близко. Цитрусовый аромат ее духов пробился сквозь сигаретную мглу комнаты. Тепло ее тела чувствовалось через плотную ткань мундира, несмотря на жаркую ночь. Она была чуть пониже Ленни, но на фоне его мощной фигуры выглядела маленькой и хрупкой. Усмешка Лиззи превратилась в неловкую улыбку, и она сделала шаг назад.

– Слушай, Лиз...

– Да?

– Тебе бы привести себя в порядок. Шмотки эти скинь, и все такое.

– Прямо здесь? – брови женщины непроизвольно взметнулись.

– Зачем здесь? Когда на дело двинем, – терпеливо объяснил сыщик. – С тебя станется завалиться в форме.

– Это у грабителей «дело», а у нас операция под прикрытием, Кравитц. – Возникшее было напряжение ушло, как духота после грозы. – И... погоди минуту, а что не так с моей формой? – Она поправила мундир и вопросительно наклонила голову.

– Если планируешь вторжение в Лаос – ничего.

– Ну знаешь, словом и убить можно!

– Только не лаосца.

– Тебе не угодишь, – она плеснула еще «Мадам Вастры» и отошла к окну.

Далеко внизу под кривыми фонарями замерли темные линии каров, тривижн все так же демонстрировал дождливую улицу. Вдруг призма сдвинулась, изображение поменялось. Теперь поле роз уходило в закатное солнце. «Есть другие места, кроме этого». Сомнительное предложение. Кто как, а Ленни продал бы душу, чтобы оказаться там, где идет дождь.

«Бойся своих желаний», – сказал судья.

– И когда?

– Завтра. С утра топаем в кафешку и ждем что будет.

– Уже сегодня. Незатейливый план.

– Чем проще, тем лучше – золотое правило, Лиз. Золотое правило.

– Только одно но.

– А?

– Никакого оружия.

– То есть? Эта банда...

– Никакого оружия, – ледяным тоном повторила капитан Дросс.

Ну да. Он же гипотетически стрелял в подозреваемого из магнума. В ее подозреваемого...

В пустом ангаре выстрел раздается особенно громко. Сразу чувствуешь себя значительным. Красные лампы тревожно мерцают, и черная кровь лужей расплзается из-под тела.

Неестественно медленно; густая, будто кисель. Чертов ублюдок все кривлялся, точно кукла на веревочке. Так и подох, раскорячившись по-кукольному, с дымящей дыркой между удивленных бровей.

– Не понимаю, зачем тебе вообще пушка? – Лиззи легко провела по плечу. Из рукавов трексы перекрученными канатами тянулись темные мышцы. Мелкие шрамы покрывали почти все руки. Казалось, он мог разрывать на части сталь.

– Кого ты боишься встретить? Билли Конса?

– А еще Джо Луиса и Фло Паттерса⁵¹, – криво улыбнулся Ленни. Удар левой от полудурка-нищего, и Тихоокеанский экспресс врезается тебе в голову. – Как тут объяснить...

В некоторых местах жизнь определяет расстояние между тобой и твоим врагом. И, может статься, скоро они сунутся в одно из таких.

– Никак.

31 фут. Максимальная дистанция, которую может покрыть за'ар, пока противник среагирует, достанет ствол и нажмет на крючок.

– Чтоб тебя, женщина!

– Да или нет?

Последняя вещь, о которой ты должен думать, когда ублюдки решат проломить тебе череп, это где именно ты оставил свой револьвер.

– Да! – наконец сдался Кравитц. Хрен с ним: все равно

⁵¹ или Вилли Дракса

верный магнум остался в ледяных лапах Хопса, а в огневую мощь «Курносого Дика⁵²» он не верил.

– Вот и славно. – Она влила в себя остаток виски. – Проводи до кара.

Бежевая краска, цветы в горшках и занавески с гребаными рюшечками: общий коридор кондоминиума был похож на таунхаус старушки в пригородном тупичке. «Тут у тебя мило», – сказала Лиз, обхватывая его под руку. Ну почти. «КРАВИТЦ СУКА ГАНИ БАБЛО ТВОЮ МАТЬ!» – гласило выведенное на доске объявлений послание. Кравитц хмыкнул и зарылся в карманах.

– Огонь есть?

Ниже быстрый почерк подписал несносным желтым мелом, под цвет мочи на снегу: «07/23 misery back door fatboy venny \$20». Неужто сумма долга?

– Вот еще.

Он потянулся в сторону, где на подлокотнике дивана дымилась пепельница, но Лиззи ловким движением выхватила сигарету прямо изо рта и припечатала каблучком, как если бы давила таракана.

– Весь вечер хотела это сделать.

Ленни печально посмотрел на пустую пачку «Лаки Шрайк». Схематичная птичка замерла в закатном круге, с ее клюва капала алая кровь. Кап-кап.

⁵² в colt detective special верят только грабители придорожных закусовых; год от года этих парней становится все меньше

– Это была последняя.

– Курение убивает.

Но сорокопут делает это мучительнее⁵³.

Лиззи закончила с сигаретой и снова ухватила сыщика под руку.

«Найди то, что любишь, – сказал ему бродяга в Большом городе, – и позволь этому себя прикончить».

– А кого будут похищать твои вегане? – когда они оказались в лифте, спросила Лиз. – Если опять какой-нибудь ба-рыга...

– Меня.

Дверцы захлопнулись, и кабина с толчком начала спуск.

Ленни почти добрался до двери сортира, когда кто-то за-ехал ему по плечу.

– Ба, да это же чувак, который меня ухлопал!

На фоне заполненного зала почти вплотную к нему сто-ял Мертвец. Невысокий, сутулый, хилый, будто сошедший с обратной стороны плаката о пользе фитнеса. На его левом запястье был повязан нелепый платок темно-синего цвета. Интересно для чего? Мертвец приветливо махал ладонью. Сыщик отшатнулся.

– Герой в белой шляпе! Теперь мой черед, бро! Понял, не? – он сложил пальцы пистолетом и сипло протянул «ба-

⁵³ «Курение убивает, но сорокопут...» – слоган «Лаки Шрайк» в пику антита-бачной кампании. В чем тут смысл, честно говоря, мы не понимаем

а-анг».

Ленни замутило. В их последнюю встречу⁵⁴ Мертвец лежал, распластавшись на полу. И он был мертв.

– Я рад, что встретил тебя здесь, бро! Ты просто ожившая реклама активити!

«Ожившая», ну кто бы говорил. Сыщику показалось, что он попятился, но по всей видимости, тело так и не сдвинулось с места.

– Я хочу сказать, такие штуки... – парень потянулся ощупать трицепс, как сотню лет назад это делала Лиз. Его ногти были глубоко острижены, словно перестали расти. Как у покойника. – В лагере накачался? Или на ночных тренировках? Я вот мечтаю записаться, да все никак...

В ушах зашумело, желудок проваливался в пятки вслед за сознанием. Мертвец все еще говорил, но сыщик лишь видел, как шевелятся тонкие губы.

«Грохнись Джимми в колодец, нырнул бы ты за ним, а?» – не к месту мелькнуло в голове. А затем Ленни снова сорвался в узкий туннель, и луна уплывала от него по черному-черному небу. «Ты в курсе, что убивая других, ты убиваешь себя?» – донеслось до сыщика откуда-то сверху.

– А?

Иисус на кресте, да что это...

– «Конкордия Вселенной», Хэймос Бронс.

⁵⁴ как минимум в предпоследнюю: два дня назад Ленни наткнулся на него возле Парк-авеню. Или не два. Мы запутались

– А?

– Наша библия, чувак.

– Чья?

– Активити. Такие вещи надо знать, факт!

– Я... не... слишком люблю... теорию, – Ленни наконец смог выдать что-то осмысленное.

– Терри, отстань от гостя. Его пристрастие природно, – появился спасительный мистер Берри. – Пойдем, я угощу тебя прекрасным сэндвичем из мультизлакового хлеба.

Вытащи свой нож, Рэдмонд, черкани ублюдка по горлу!

– Отпадное заведение, Рэд, без вопросов. Но хлеб... хлеб... Ну ты че? – удивился ублюдок, удаляясь в глубину зала под руку с хозяином. – Ты ведь в курсе, что мякиш забивает кишечник? Пытка хлебом и водой вовсе не про то, что чувак скопытится от голода...

Ленни ворвался в сортир, сбросил шляпу и блеванул над первым же писсуаром. Его рвало. Он кашлял, хрипел, переводил дух, и его снова рвало. До рези в животе, до тянущей боли под яйцами. Еще минут десять он стоял согнувшись, наблюдая, как с песочного санфаянса стекает болотная жижа. Ему вспомнились узкие пляжи Парк-пойнта, когда после урагана их забрасывает озерной требухой. А потом вонь наконец ударила в ноздри, и он шарахнулся назад, больно врезавшись в кабинку.

Он долго умывался. Забудь об этом. Холодные капли стекали за ворот трексы. Просто выкини это из головы. За две-

рю раздавались бряцанье посуды и смех. Где-то там бродит его мертвец. Думай о чем угодно. Ну и рожа у тебя приятель. Глянь только на себя. Сам будто бы подох, а? И как ты дошел до такой жизни...

Маршрут, который проделал интеллект Ленни от злачного переулка до заговора травоедов, еще недавно вызывал у него гордость. «А теперь ты блюешь над писсуаром в веганской тошниловке», – вставил внутренний голос, уже не похожий на голос Донни.

– Все умирают. Даже призраки в голове, – мрачно сказал Ширес. Он сидел, как тогда, в офисе, но был промокшим до нитки, будто бы сам свалился в колодец. Вокруг него клубилась чернота, холодная и пустая.

– Да пошел ты! – огрызнулся Кравитц. Примерно последнее, чего ему не доставало, это галлюцинация с этим мудакком в главной роли.

– Девчонка из полиции была права. Даже с бумагами Стегманна твой пасьянс не слишком сходился.

Были еще заметки Алхимика с узким столбцом у самого края: «Зелье Особое, 1 пт».

– Да, – отозвалось из глубины, – «Райские поля», я и забыл.

Райские поля горели – Ленни был там. Вырываясь из чердачных дыр, языки огня тянулись к чернильному небу, словно пытались сожрать ночь.

– И что сделал ты?

– Достал записи.

Красные тетради и тяжелый том с обугленным полумесяцем уголком.

– Всего-то? У нас бы был весь архив Добринского, если бы кто-то не полез наперед старикана.

– Нет никаких нас! – рывкнул Кравитц и вздрогнул, когда эхо отразилось от кафельных плит.

– Не кипятись, – едва ли не прошипел Ширес. – Ты на меня гнешь спину, с-сука.

С облипшей башку челкой фантом напоминал Гитлера.

– Да пошел ты! – со злостью повторил сыщик.

Он закрыл дверь в кабинку, расстегнул штаны и представил, что это тот самый колодец и он мочится на Джимми сверху. Где-то там, в темноте сливного колена, ему даже удалось разглядеть нелепо барахтающуюся фигурку.

– Итак, ты построил свое расследование на мутной строчке про пинту зелья? – Ширес невозмутимо пустил струйку воды изо рта. – Seriously?

– Я построил его на фактах.

– Просвети.

Ленни тяжело вздохнул. Он ведь точь-в-точь как в жизни: то есть не отстанет.

– За'ары пропадали в «Дыре». Это факт. При этом Смит и Рекс заказывали «фирменное блюдо» – так утверждают свидетели и «наружка», что отражено в протоколах.

– А копы никогда не врут... И Стегманн Моттс, который

просто подал тебе расследование на тарелочке...

Над въездом в Динаполис стоило поставить билборд: «Не верь никому».

– Но ты поверил?

– Показания не связанных друг с другом источников сходились. Это называется анализ информации, тебе не понять.

– Куда там...

Толстая пачка, мятый конверт. Крафтовая бумага вспучивается, словно купюры вот-вот вырвутся наружу. Он взял их, а теперь отчитывается перед засевающим в голове призраком. За все надо платить, даже за деньги.

Ленни снова вздохнул.

– В «день икс» кафе принимает доставку с «Райских полей», за которую платит банковским переводом ровно в дайм.

– Это же бред.

– И одновременно факт.

– Седьмого июля, когда Лори видели...

– Мою жену Лорелею... – перебил Ширес.

– ... на углу Юнион и 17-ой, был тот же транш.

– И они всегда переводят по десять центов?

– Нет. Когда план доставки совпадает с исчезновением, то ничего подозрительного в бумагах. Видимо, все укладывается в общую сумму. Но это уже не отследишь.

– Подозрительного? У них вся отчетность – сплошная липа. Если верить твоему приятелю Моттсу... И как налоговая

их не прихлопнет?

– И еще. Всякий раз, как кто-то отправляется на последний обед, «Элизиум» отваливает «Райским полям» по пять кусков. Теперь доволен?

Ленни стряхнул и еще раз посмотрел в слив. Мистер Бойскаут все также бултыхался на поверхности.

– А что же «Черный веган»? – непринужденно поинтересовался Джимми, промокнув лоб платком.

«Черный Веган». Круглый, пухлый, красивый, как успешный юрист из Бронкса. Булочка с саговником выставленная на белоснежном фаянсе, которую начиняют красочные хвощи и томаты. Не сочный, не жирный, чуть подслащенный «райским» составом. Заменитель жизни. За несколько дней до того, как жертва собиралась покинуть мир, урод-алхимик делал в одном из узких столбцов своего журнала короткую запись: «Зелье Особое, 1 шт».

– И?

– И так уж вышло, что единственным блюдом меню, в котором используют соус с приставкой «особый» был «Черный веган».

– Гениально! Ты мог бы зарабатывать на этом, – Ширес буквально сочился ядом.

– Но ведь все получилось. Ну, почти.

– Повезло, – ответил бойскаут. – Тебе всегда везло.

Ну да, счастья полная жизнь, по мне же видно.

Ленни смачно плюнул в канализацию. А ведь там действи-

тельно что-то было. Говорят, в эти отверстия могут пролезать змеи или крысы. Хрен вам! Это Джимми, всратый му-
дак, барахтается в сточных водах. И гигантский Ленни воз-
вышается над ним, затмевая весь его крохотный мир.

А чего я вообще слушаю этого ушлепка?

– Ну все, бывай, – сказал Ленни и дернул шнур. Водяной шторм ударил в санфаянсовую чашу, заглушив прощальный крик старого друга.

Надо было сразу так сделать.

В чем-то он, может, и прав. Чертов бургер не особо уклады-
вался в схему. «Пусть все мы за’ры brave, но есть один закон», – драл глотку бродяга Вилли. Да, Златоглазка, безус-
ловно, в теме. Но был и другой, более любопытный персо-
наж.

Дело в том, что среди 117-ти пропавших на углу Юнион и 17-ой, никто не заметил одного, который нашелся.

Неудобный персонаж

07/23 Мо

Наконец лампочка моргнула, и с черного хода высунулся
детина в стремном васильковом комбинезоне.

– Мистер Хопс согласился вас принять, – объявил он и с усилием довел дверь так, чтобы Ленни поместился в про-
свет.

«милосердие, – гласила лаконичная табличка, – ВХОДА

НЕТ».

– А мог не согласиться?

– Мог, – мрачно подтвердил детина. – Мистер Хопс все мог. Но двадцатку я не вернул.

Куда ж денешься, толстый ты боров? Привык щемить беззащитных фриков, а?

Узкий коридор тянулся в обе стороны. Выкрашенные в блевотный оттенок бежевого стены закруглялись к потолку, и Ленни представил, что он внутри ленточного червя, въевшегося в прогнившее тело здания. Угрюмый больничный комплекс доживал в старых кварталах⁵⁵ свои последние дни. Жара и влажность разрушали его снаружи, а паразит пожирал изнутри. Примерно так Ленни и представлял себе милосердие.

– Не думайте дурного, для пансионариев у нас условия.

Их называют *пансионариями*. Окей.

– В этом блоке никто и не бывает почти. Разве инспектор заглянет. Составляет смету всего ремонта и вся. На моей памяти... – Боров задумался, будто сверялся с ежедневником внутри себя, – трижды составляли. А толку. Ничего, скоро сносить.

Что ж, милосердию тут не место. Даже такому.

Наутро после Золотого Дома в дверь постучали. Офицер с пушком вместо усов неуверенно протянул отчет. «Вы занимаетесь происшестввиями в кафе», – полуспросил он. Мерз-

⁵⁵ программа реконструкции Старого города – еще одно детище Rose corp.

кий это был пушок. И еще форма: будто парень мечтал захватить Лаос вместе с Лиз. «Исчезновениями», – нервно уточнил Кравитц. – «А что вы скажете о странном появлении?»

Внезапно свет над ними погас, оставив лишь очертания тел. Силуэт Ленни инстинктивно потянулся к магнуму. Силуэт Борова неизвестно откуда извлек фонарик и отработанным движением щелкнул кнопкой. Маленький Ленни снова входил в канализационный туннель навстречу тревожной черноте.

«Ты проведешь меня в царство отчаяния и печали» – сказал Ширес. Вот только пока сыщик преодолевал этот маршрут в одиночку.

– Ну и я еще, – невозмутимо продолжил Боров, загадочно выбирая временные формы. – Я тут иногда бывал, да. Помогал бедным бедолагам. Жизнь у них все-таки не сахар. Вы не подумайте, у них будут всякие условия, но все же. Свиданья устраиваю, еду нормальную приносил. Ну и для себя немного... Жить-то надо? – Дитина помолчал и с тоскливой интонацией уже совершенно не к месту добавил: – Наверное.

Он обернулся к посетителю, луч заметался, и Кравитц едва не напоролся на провожатого.

– Простите, тут осторожнее надо. Осторожнее. Всегдашний ремонт. Вообще, «Милосердие» – пристойное учреждение, вы не подумайте.

Ага, пристойное.

О «странном появлении» в отчете было сказано скупо.

Ночью седьмого июля (в тот же день, когда исчезла Лори) патрульные остановили пьяного за'ара недалеко от «Дыры». Пьяный «проявлял признаки агрессии» и «оказал сопротивление при задержании», и вследствие такого поведения был доставлен в 13-ый участок. «Я почему обратил внимание на этот случай, – набирал обороты Пушок. Его щеки зарделись, отчего лицо стало напоминать незрелый персик. – В такое время там не должно быть этого патруля. Да еще и из «Чертовой дюжины»⁵⁶. Вообще никакого патруля. Я дважды проверял».

Кравитц прикинул варианты. Западный Мидтаун – не слишком благодатное место. Конечно, не Предместья, где тебе трижды смажут по роже, прежде чем успеешь дойти до угла, но все ж. Пьянь, голытьба, мелкие жулики, шастающие по подворотням в поисках шанса – есть с кого стрясти монету. Особенно если ты коп. Ленни не любил копов.

– Теперича о правилах. К мистеру Хопсу нельзя обращаться, пока он сам не заговорит. Это важно. Нельзя садиться в его присутствии, если он сам этого не предложит. А шляпы у вас и так нет.

– Ну да, ну да.

В участке задержанный сообщил столько интересного, что был немедленно определен в более специфическое заведение. В лечебницу для душевнобольных.

⁵⁶ Западный Мидтаун – территория 11-го участка под руководством капитана Дросс

– Мистер Хопс не любит такого тона, – строго объявил Боров, снова качнув фонарем, и силуэт Ленни с ходу запнулся за что-то, что могло быть мешком цемента.

– Твою же мать!

– Вот, – детина произнес свое «вот», как если бы имелась прямая связь между этим событием и тоном сыщика.

Похоже, в дурке и персонал немного с приветом. Печать профессии.

– Вам сюда, – васильковый отворил не заметную в темноте дверцу, и Ленни на несколько мгновений ослеп.

Безбожно яркий свет лил с потолка, придавая бетонному коробу нереальную четкость. Щербатый пол, голые стены, металлическая мебель. И свет, свет, свет, яркий ледяной свет, будто в момент творения. Или в анатомическом театре. Казалось, можно рассмотреть ворсинки на ткани или молекулы кератина на ногтях. Как там говорится, дьявол – в деталях?

– Был я слеп, да теперь прозрел, – раздался насмешливый голос.

Если мистер Хопс и спятил, то на психа был не похож. Все эти беггары в ермолках из фольги и офисные неврастеники с головами в мокрых полотенцах⁵⁷ – ничего общего. Впрочем, как знать: выжить на улицах Дино и не рехнуться – стоит недешево.

⁵⁷ как известно, чтобы инопланетяне не прочли ваши мысли, следует обмотать голову мокрой тканью

Мистер Хопс сидел за металлическим столом, как мог бы сидеть главный врач. Огромное зеркало в стене отражало его аристократический профиль. Его белая роба смотрелась костюмом-тройкой, он был похож на Санни ди Вилью⁵⁸, возратившегося с совета Пяти Семей. Только без федоры.

– Бенни, вам не кажется, что на третий день цвет становится матовым? – пациент «Милосердия» поднялся.

Васильковий санитар приблизился к свежеразкрашенному куску стены. Выбор оттенка и качество работы с большим трудом позволяли отличить его от угнетающего бетона.

– Несомненно, мистер Хопс. Определенный матовый оттенок появляется, да.

– Спасибо, Бенни, – мистер Хопс поблагодарил Борова, как благодарят прислугу, и протянул руку: – Тони Хопс.

Очевидно, Тони умел устанавливать дисциплину в замкнутых сообществах.

– Частный детектив Кравитц, – почему-то официально представился частный детектив. Рукопожатие больного оказалось жестким и властным.

– Вы никогда не наблюдали, как сохнет краска, детектив? Совру, если назову это зрелище интригующим, но... во всем скрыт свой урок, как говорят в воскресной школе.

Если бить достаточно долго, рано или поздно тебе ответят – так говорят на улицах Динаполиса. Ленни с внутренним злорадством плюхнулся на стул.

⁵⁸ один из мафиозных донов Нью-Йорка

– Прошу, – запоздало предложил пансионарий. Отражение Бенни виновато улыбнулось.

Имя: Тони Хопс. Место проживания: ледяной ад. Род занятий: уборщик. Цель прибытия в город: отмщение неустановленному лицу, об убийстве которого прочел в газете. Также заявил, что вышел в наш мир из дыры и собирается вступить в крысиную стаю. Кроме этого у пансионария была назначена встреча с Тобáсом Рэнсонсом⁵⁹. Удивительно, но из этого бреда причиной загреметь в дурку оказался первый ответ. Дело в том, что в этом мире с Тони Хопсом случилось одно незначительное происшествие. Восемь лет назад кто-то оторвал ему голову.

– Итак, вы жаждали нашей встречи, частный детектив Кравитц. И вот я есмь.

И правда, вот есмь. Внезапно все мысли сыщика исчезли, как травоядные в «Дыре». Новый персонаж одним своим видом сбивал с толку. Ленни попытался перехватить инициативу.

– Вы соглашаетесь встретиться с каждым, кто этого «жаждет»?

– Ищущий да обрящет. К тому же, здесь мало развлечений. Чем могу?

Развлечений? Типа, я – клоун?

– Смелее, детектив, – покровительственно улыбнулся мистер Хопс.

⁵⁹ генеральный директор Rose Corp.

– Я по поводу вашего... ареста и того, как вы попали в это... заведение.

«Психушку, – поправил Донни. – И нечего с ним церемониться. Иначе этот парень сожрет тебя не задумываясь».

– Психиатрическую клинику. Таково его наименование. Бенни, вы же подписали на табличке, что это Безумный Корпус?

– Разумеется, мистер Хопс.

Жирный врунишка.

– Итак... – Ленни попытался удержать нить.

– Коринфская медь, – неожиданно сообщил пансионарий.

– Простите?

– Оттенок вашей шкурки⁶⁰. Коринфская медь, – любезно пояснил Хопс.

– Я запомню⁶¹... Но лучше вернемся к теме. Вы оказались здесь после того как утром 7-го вас остановил патруль на Юнион, так?

– Это упрощенный ход событий.

– Что же случилось?

– Мое поведение неверно интерпретировали.

– Хотите поделиться вашей версией событий?

– Не особо.

Сказать, что Ленни не понравился мистер Хопс, значит четверговать истину. Гребаный псих был расслаблен и одно-

⁶⁰ цветовая градация за'аров разнообразна

⁶¹ он не запомнил

временно неподвижен, как если бы скульптор надумал изобразить Праздность. И каждая черточка этой Праздности насмеялась над незадачливым детективом ехидным снисходительным смехом.

«Будь проще, сыграй в его игру», – посоветовал Шилдс. Сам бы попробовал.

– Хмм... – как можно проще сказал Ленни. – В таком случае, зачем вы согласились на встречу?

– Потому что это весело? Государственная психиатрия определила состояние моего рассудка как не позволяющее адекватно взаимодействовать с действительностью. Возможно, я получаю необычайное удовольствие, наблюдая, как дешевые пинкертонеры шныряют туда-сюда. Туда-сюда. Туда-сюда. Туда-сюда, – пальцы Хопса отбили нехитрый ритм по столу.

«Тик-так. Тик-так. Тик-так» – стучали приютские часы. Бенни напрягся. На лице дешевого пинкертонера заиграли желваки.

– Шучу-шучу. Видели бы вы свою рожу. А имя ему скотч. Стоило перебраться в одной забегаловке с моим другом Бенджамином, за'аром больших свершений... Можете считать меня жертвой обстоятельств.

– В «Дыре»?

– В некотором роде. Дыра, настоящая дыра, – Тони Хопс самодовольно улыбнулся, а затем с особым выражением добавил: – Вряд ли в вегетарианской закускойной подают алко-

гольные напитки.

Вправду, чего это я? Ленни бухнул о стол блокнот и, скорее чтобы отвлечься, принялся делать пометки.

– То есть вы там бывали?

– Где?

– В «Дыре», на углу Юнион и 17-ой?

– Элегантный инструмент. – Тонкий палец указал на серебряный карандаш. – Этаким и убить можно.

Чем угодно можно убить.

– Если потребуется. Так все же кафе...

– Принять меня за травоядного? – Хопс облизнул губы, как будто употреблял травоядных сырыми и без соли. – Право. Если бы я настолько глубоко не уважал частный сыск, то сказал бы, что вы все ближе и ближе к тому, чтобы перейти из посетителей в постояльцы этого милого *приюта*.

Карандаш с резким звуком прорезал страницу. Ленни впился в надменное лицо постояльца.

«Не заводись», – крикнул Донни.

– Мы встречались?

– А вы бы не запомнили нашу встречу?

Хопс насмеялся. Хопс издевался. Хопс намекал на вещи, о которых не мог иметь никакого представления. Возможно, за несколько недель этот разговор был его единственной забавой. А возможно... что? Веганский заговор заманил сыщика в ловушку? Поддельный офицер Пушок, поддельный отчет? Это называется паранойя.

– Я сторонник логики, мистер Хопс. Я убежден, что даже в нетрезвом виде, мы говорим что-то, что имеем в виду, просто... – Ленни попытался быть особенно любезным, но ему не хватило слов. Он хотел сказать, что когда нажрешься в хлам несешь весь тот бред, который у тебя в башке, только сметаешь все в кашу. А после добавить немного мата.

– Искаженно?

– Ну да.

– И вам хотелось бы услышать, чего я там наплел парням из 13-го?

– Ага.

– Если угостите сигаретой, – скульптура Праздности ожила и изящно указала на нагрудный карман трексы.

– Здесь можно курить?

– И кто мне запретит? Бенни! Благодарю.

Отработанным жестом Боров добыл из ниоткуда спичку и зажег ее об окрашенный участок стены. На матовой поверхности осталась характерная бороздка. Ленни уже закурил фильтр, но санитар, позаботившись о пациенте, вернулся на свое место.

– Какого?!

– Здесь не курят, – строго объявил Боров.

– А... э... – Ленни почувствовал себя лохом, которого разводят в подворотне. Ну на хер. Васильковый урод свое получит. Он выплюнул сигарету, едва не угодив в рожу пансионаря. Тот не шелохнулся.

«Он тебя провоцирует, – задумчиво сказал Донни. – Понять бы зачем».

– Все до банальности просто. – Тони Хопс с наслаждением втянул горький дым. – Я всего лишь прошвырнулся по Стауту в теплой компании. На моей памяти, в «Картахене» подавали безупречные напитки. Но перемены, неумолимые перемены.

Он демонстративно вздохнул.

– Так плохо?

– Нет ничего печальней провинциального стриптиза.

– Хмм...

– Впрочем, когда по прошествии стольких лет возвращаешься в родные пенаты, готов довольствоваться малым.

– И откуда же вы вернулись?

Ленни делал вид, что строчит в блокноте.

– Кетчикан, Аляска, – отчеканил название пансионарий. – Звучит, как бог преисподней на языке Атабаски⁶². Если бы в преисподней было холодно. Диалектический принцип предполагает место, которое возникло в ответ на огненную геенну. Вот это оно и есть. – Он стряхнул пепел прямо на стол. Бледные крупинки покатались по залитому слепящим светом металлу. – Мелкий городишко у самой границы вечности, натуральный морозильник. И каждому, кто туда попал, хочется выкарабкаться обратно. Мой приятель Бенджамин

⁶² если кому интересно, это слово из языка тлингитов. Но не станем нервировать пансионария

не даст соврать. Но, увы, края этой ямы отвесны. – Он сделал еще одну затяжку, вызывающую, как наряд шлюхи. – Моя подруга Бриджет – заядлая театралка – считала, что рождена для большего. Никогда не забуду, как она пыталась устроить школьную постановку «Сиротки Энни». – Его губы растянулись в самодовольной улыбке. – И вот представьте, эта возвышенная душа трахнула проводника грузовых составов, только бы свалить из той клоаки. И как вы думаете, детектив? На следующее же утро проводника раздавило при сцепке. Бум, – Хопс ударил в ладоши, и Ленни от неожиданности вздрогнул, – и кровь пятнами Роршаха лежит на снегу. Розовое мясо примерзло к рельсам, кишки почти ощущаются на вкус. Сцепляющий вагоны от вагонов да пожнет тление.

Кравитц готов был поклясться, что при упоминании кишок пансионарий снова облизнулся.

– Зачем же вы жили в таком месте?

Вены на мощной шее сыщика набухли, отчего он стал напоминать готового к атаке быка.

– Исключительно из слабости духа. И, может быть, тела. Велика вероятность, что мой компаньон надумал подвергнуть меня декапитации.

– А?

– Оторвать голову.

О! И кто бы мог обвинить его в этом?

– А что за компаньон?

К этому моменту Ленни был уверен, что попусту тратит

время.

– Желтоглазый уродец Вилли. Настоящая машина смерти. Быть не может! Тот самый? Да иди ж.

– Могучий воин, но... К сожалению, был слишком дружен с бутылкой. Готов поклясться, этот парень напивался до такого состояния, что алкоголь буквально выходил из него с потом. Казалось, стоит поднести спичку, и... пуф.

– Момент-момент. Хотите сказать, что вас напугал до усрачки нищий? – сладко протянул сыщик. – Сколько лет в бегах? Страху-то натерпелись.

Лицо пансионария померкло. Васильковый детина недовольно показался в зеркале.

– Блаженны нищие духом, да... Восемь лет, частный детектив Кравитц, восемь долгих лет меняют почти все в этом мире. Согласен, сейчас это может сойти за бред, но в свое время моим компаньоном детей пугали.

Внешность обманчива. Манеры ничего не стоят. Безумец с повадками аристократа оказался обычным шизом. Ныкаться от бомжа в какой-то яме? Это ж насколько надо чокнуться?

– Так уж и детей?

– Поспрашивайте о его бое с Билли Консом на подпольном тотализаторе. Дрались без перчаток, по правилам старинны Годффри.

Если парень боксировал на таком уровне, это объясняло

Тихоокеанский экспресс⁶³. Ленни произвольно потер скулу.

– И сколько он продержался?

– Конса вынесли в четвертом.

– Да ну.

– Все так, – Хопс легко откинулся на стуле, погружаясь в прошлое. – В общем, мне предъявили счет, по которому я, увы, не мог заплатить. А Вилли, знаете, никогда не был тем за'аром, который... если вы понимаете, о чем я. Помню, как просто бродил по городу и, кажется, на Горбатом увидел рекламный щит: Travis Passage, «Путешествие за край мира». Тогда они только открылись. – Отсюда Тобас Рэнсонс, сообразил Ленни. – Выбрал городок похолоднее, где боксерам попросту не выжить. Температурная среда: всего пару дней, и они не в состоянии пошевелиться. А их чучела выставляют в ледяном музее.

Кравитц оторвался от блокнота.

– Шучу-шучу. Но в целом им там действительно несладко. Вам известна теория о кровообращении бойцовских видов⁶⁴?

– Неизвестна. Итак, вы вернулись. Почему именно сейчас?

⁶³ Тихоокеанский экспресс – довольно медленный поезд. Он берет старт в Анкоридже и проходит длинный путь по побережью до самого Лос-Анджелеса. Чего Ленни прицепился к этому маршруту, мы без понятия

⁶⁴ в мире за'аров широкое видовое разнообразие

– Будете смеяться, но во всем виновата пресса. В «Shrike Evening Post» сообщили, что бездомного по имени Вилли обнаружили избитым в переулке. К новости любезно прикрепили карточку пострадавшего.

– Дешевая газетенка.

– Что есть, – согласился мистер Хопс. – Я был искренне тронут его схимой. А потом подумал, если он бездомный, у него и без меня проблем хватает.

– И вы решили вернуться.

– Разумеется. Мне трудно испытывать страх перед бездомными.

Спорный вопрос. Но все с грехом пополам сходилось. Как пазл, в который вдавили пару лишних деталей.

– Согласно записям полицейского управления, вы официально числитесь мертвым. Ваше тело было опознано и захоронено. Что с этим?

– Полноте, труп без головы? Конечно, опознан. Если решите сбежать от кого-то, кто отметелил Конса, постарайтесь раздобыть такой же.

Интересное замечание, но хрен там. Ленни стоял на его могиле. Жаркий ветер стелил к черной земле яркие цветы. Кто-то приходил на нее все эти годы. Кто-то ухаживал за ней. Кто-то помнил. И либо ты из тех мудаков, у которых начисто отбиты все чувства, либо...

«Ты погляди на него, какие чувства», – протянул Донни из глубины.

– Вы вернулись седьмого числа и решили пройтись по барам Юнион, так? Вы что-нибудь видели, такое...

Лори исчезла вечером, этот мозгоклюй был там утром. И все же.

– Только стриптиз. Безвкусный как черный веган.

Что?!

– Что вы сказали? – Кравитц впился взглядом в мистера Хопса.

– Так, выражение. Один мой... знакомый... в общем, неважно.

На самом интересном месте душевнобольной вдруг потерял всякий интерес к беседе и теперь, склонив голову, внимательно изучал частного сыщика, как будто собирался поставить тому диагноз. Ленни пожалел, что не нарвал букета с надгробия, чтобы швырнуть в эту самодовольную рожу.

– Черный веган, – медленно проговорил сыщик, чувствуя себя не меньшим психом, чем местные пансионарии.

– Вы мне надоели, – издевательски ответил местный пансионарий.

«Да, пусть мы за’ры brave, но есть один закон...» – тянул нищий, словно пиратскую песню. Тогда Ленни представил вегетарианца, грязного, как уголь Бруксайда.

– Я чувствую вашу ярость, – задумчиво сообщил Тони Хопс. – Едва сдерживаемую, туманящую рассудок ярость. Что это было, детектив? Папочка использовал вас как грушу? Одноклассники макали физиономией в унитаз? Какой

травмирующий опыт вы представляете, когда выпускаете дьявола наружу?

Маленький Ленни снова проваливался в каменный желоб, «requesting... confirm... requesting... confirm...» – хрипела рация Джимми из глубины, и песочная луна сгорала в яростном пламени.

– Чье лицо вы видите вместо моего?

Ленни посмотрел через стол. Гордый нос с горбинкой, неприятно вытянутый череп, чересчур высокий лоб. В ярком свете детектив мог увидеть трещины на губах и начинающиеся морщинки под бледными, холодными глазами. Это был арктический холод. Кто же ты, мистер Хопс? В конец поехавший пациент, или?..

– Боюсь, за всей нашей беседой, вы упускаете главное, частный детектив Кравитц. – Тони поманил его рукой: – Ближе. Ближе, я не кусаюсь, – и, когда посетитель наклонился почти вплотную, едва подавляя улыбку, спросил: – Ты так и не понял, Ленни, что я – сумасшедший?

В одно мгновение Ленни сгрёб Хопса и впечатал в стену. Сумасшедший или нет, сыщик не называл своего имени.

– Не знаю, псих ты или нет, но тебе сейчас никто не поможет, – яростной скороговоркой проговорил Кравитц.

Если бить достаточно долго, рано или поздно тебе ответят.

– Назад! – рывкнул он на дернувшегo было прислужника. – Или тресну его башку о бетон, как арбуз. А потом я

займусь тобой.

Бенни заскрипел челюстью, но остановился.

– А теперь говори! Откуда ты, тварь? Что творится в гребаной «Дыре»? Че за хрень с этим Вилли? Причем здесь проклятый бургер? И кто. Тебе. Сказал. Мое. Имя?!

Тони Хопс не изменил выражения лица. Тони Хопс даже не моргнул. Тони Хопс плотно прижимал что-то острое к горлу частного сыщика. Ленни покосился на зеркало. Отраженный пациент «Милосердия» уверенно упирал серебряный карандаш в яремную вену буйного детектива. Есть места, где всё определяется расстоянием между тобой и твоим врагом.

– Продолжите в том же духе, частный детектив Кравитц, и последнее, что увидите в жизни, это ваша кровь на моем прекрасном лице, – тихо сказал Тони Хопс. Ленни навсегда запомнил пряный запах изо рта и его спокойное дыхание.

«Убить тебя не так сложно, как ты думаешь», – заметил Моттс.

– А это мы, пожалуй, реквизируем.

Жесткие пальцы уверенно пролезли за пояс и вытащили магнум.

– Бенни!

Санитар схватил опешившего детектива за шею и, словно куклу, оттащил от пансионария. Раздался протяжный писк непонятно чего откуда-то совсем рядом. Ленни понадеялся, что этот звук издал не он сам.

– Ну что ты скалишься, как цепной пес?

Хопс держал револьвер (его револьвер!), плотно прижав к животу. Черное дуло снова смотрело сыщику в сердце. За бурным водоворотом ярости, ненависти и страха мелькнула мысль, что выстрели сумасшедший сейчас, пуля наверняка пройдет навывлет и угодит в жирного борова. Вот только вряд ли Хопса беспокоят такие мелочи.

– Бенни?

Каменные тиски сжались, и Кравитц провалился в темноту.

– Это не он, – сообщил санитар, уставившись на белый прибор, напоминавший пухлую ракетку для пинг-понга.

Лучшее, что можно сделать, когда ты наконец очнулся, – не подать виду.

– Вот и славно.

Ленни лежал распластавшись на столе, таком похожем на анатомический. Мощные лампы нещадно слепили ото всюду. Очень скоро он попадет в настоящий морг, где его грудную клетку вскроет острый скальпель Самары Морган. Таким она его и запомнит: с серебряным стержнем в шее, будто вервольфа. Проигравшим.

Мистер Хопс медленно надвигался. Его лицо приобрело плотоядное выражение, как если бы пансионарий собирался сожрать незадачливого посетителя, причем целиком, в трек-

се и ботинках⁶⁵. А потом протяжный писк повторился.

– И какого черта оно пищит?

– Это... не совсем он... – неуверенно ответил Боров и снова уставился в устройство. – В любом случае, обстоятельства складываются в нашу пользу... только я не уверен, в чем она...

– Der Za'ersch denkt, Gott lenkt⁶⁶, как было сказано мне однажды, – задумчиво ответил Хопс. Во всем его облике отобразилась борьба порывов. В конце концов пациент «Милосердия» словно бы прислушался к внутреннему голосу и отступил от стола.

– Должно быть, близкая родня, – громила потряс прибор. – Отец, мать.

– Что дьяволу молитва⁶⁷. Счастливчик Ленни у нас сирота. Загрел в приют в четыре, изможденный, как Христос на кресте.

Счастливчик Ленни сбился на вдохе.

– Дети?

– Увы. Вы одиноки в этом мире, детектив Кравитц, – весело обратился Хопс к очнувшемуся, – как затопленный храм в сердце озера. Дернетесь, и я нашпигую вас свинцом. Стреляю на звук. Блокнот?

Бенни послушно зашелестел страницами.

⁶⁵ это преувеличение: за'ары не едят за'аров; по крайней мере, с ботинками

⁶⁶ за'ар думает, Бог – ведет

⁶⁷ полезно, как дьяволу молитва (народная за'арская поговорка)

– И что там у нас?

– Тыквы... сэр, – с некоторым недоверием к себе ответил санитар.

– Какой вздор! – возмутился пансионарий. – Совсем умом двинулись после поезда. Дайте-ка сюда. Хмм... Действительно, тыквы...

На мертвом поле поместья Уэллрок в синих оттенках ночи замерли распятые судьей пугала с хэллоуинскими лицами. Их черты расплзались от зноя, в черных глазницах отражался надвигающийся шторм.

– Что кресты на голгофе, – задумчиво проговорил Хопс. – Вам бы в иератисты⁶⁸, детектив. Что тут еще?

– Он ищет тех, кто прошел через пропильтон.

– О, Лори, какая встреча! *Cherchez la femme*, как говорится.

Ленни напрягся.

– И как успехи, детектив? Думаете, она сбежала от вас по *коридору*? Божественная ирония, если посмотреть на картину в целом.

– Как же второе правило, сэр?

– К черту правила, друг мой. Мы здесь в нарушение любых правил. А миссис Кравитц, полагаю, ничем не хуже нас с вами. Невозможная особа.

Ленни перестал что-либо понимать.

– Хмм, и старина Рэдмонд!

⁶⁸ иератист – художник, пишущий картины на библейские сюжеты

– Лик сатаны, – хмыкнул Боров, разглядывая надменную рожу толстяка.

– Обратите внимание, Бенни, мир меняется, а этот ублюдок – как физическая константа. Он словно якорь в водовороте хаоса. Хотя на мой взгляд, работе не хватает глубины.

Критиков развелось.

– Позвольте и мне, частный детектив Кравитц, оставить прощальный презент в вашей галерее образов. – Хопс убрал револьвер и начал быстро водить серебряным карандашом по бумаге. – Я назову его «Suite et fin d'un noir⁶⁹».

Это уже слишком. Частный детектив Кравитц рванулся на волю. Никто, никто не смеет рисовать в моем блокноте! В ответ васильковый гигант лениво шлепнул его по ребрам, пригвоздив обратно к столу. Из сыщика мгновенно вышел весь воздух. Ощущение было такое, будто сверху положили слона. Ленни ненавидел слонов.

– Итак, коль уж вы снова с нами, я, пожалуй, отвечу на ваш вопрос, – пансионарий элегантно движением опустил предательский карандаш в нагрудный карман посетителя. – Вы столько пережили, что заслужили хотя бы косточку. Так вот, – он причмокнул губами, – «Черный Веган» не более чем каприз ума. Шутка гения. Ностальгическая отсылка. Насмешка над надменностью, которая возомнила себя в праве контролировать естественный порядок...

Быть может за несколько мгновений до смерти, задыхаясь

⁶⁹ окончание нуара

на анатомическом столе, в самом дальнем уголке сознания Ленни внезапно уловил отзвук. «Безвкусный как черный веган» – неизмеримо давно он уже слышал эти же самые слова в таком же самом порядке. На ярмарке Донни или в приюте, от сестер Ведруны или заезжего парня из Республики Техас... Как ни старался, он не мог вспомнить, где именно. А Хопс все не затыкался.

–... Я бы назвал его генератором случайных чисел, со временем ставшим доброй традицией. Лично я бы использовал гостию⁷⁰. Впрочем, что есть. – Он снова облизнулся. – А теперь позвольте *мне* проявить *милосердие*.

Он сделал нетерпеливый жест, и мощные руки поволокли безвольную тушку, на ходу всунув ей за пазуху блокнот.

Последнее, что почувствовал сыщик, это как его выбрасывают в темноту коридора. Маленький Ленни снова проваливался в каменный колодец Предместий.

– Кажется, он приземлился на мешок цемента, сэр – равнодушно сообщил Боров, но частный детектив Кравитц этого уже не услышал.

Райские Поля

[Suits only]

07/24 Tu

Когда ночь разорвал первый «БУМ», Ленни пришел к вы-

⁷⁰ от лат. *hostia* – «жертва». Возможно, многие догадались, что мистер Хопс христианин

воду, что на этот раз внутренний голос завел его в задницу.

Темные фигурки скользили по залитому ночью полю, взяв ферму полукольцом, словно огромный обсидиановый серп. Время жатвы. Хрустальный диск луны замер над сельским пейзажем, разрубленный напополам горизонтом. Колосья стелились волнами, словно океан, и в мягком свете казалось, что стихия вот-вот восстанет и захлестнет копошащихся за'аров. Обсидиан – коготь дьявола. Пигмеи делали из него ножи, а потом вскрывали глотки на алтарях, и теплая кровь пропитывала монолиты. «У старины Демпса обширные знакомства», – усмехнулся про себя сыщик.

Джекки Демпс, герой трех войн. «Пурпурное сердце», две «Серебряных звезды» и, черт возьми, «Морской крест». Судя по досье, настоящая машина смерти. Но однажды что-то случилось с ветераном. Синапсы в его контуженной башке перемкнуло. Он сказал: «Хватит» и посвятил жизнь культивированию экологически чистых корнеплодов. Позднее из подобных ферм выросла Объединенная Овощная компания. В то время у них был нахальный слоган: «Вы живы благодаря нам»⁷¹.

«Elysium: независимая территория, данная Богом и защищенная Конституцией» – утверждал указатель в ночи. «Интересно, – отрешенно подумал Ленни, – почему главные визиты этого дела происходят обязательно ночью? Будто бездарный драматург зациклился на дешевом эффекте, выпи-

⁷¹ кажется, не только у них

сывая сцены романа⁷². А я, стало быть, главный герой, или как?» Насыпная дорога шла серпантинном, и главный герой с трудом управлялся с разболтанной подвеской прокатного кара. «Теперь у меня нет тачки из принципа», – ответил он Лиз той ночью, и не соврал: сыщик не доверял технике. Все, что способно ломаться, – ломается, он усвоил это с юности. А после того, как взорвали Кэссиди⁷³, и вовсе пересел на трамвай. Фотографии вплавленной в обшивку кожи тогда облетели всю страну. Подкожный жир отлично горит, вы не знали?

Задолго до въездной арки в свете фар начали проступать перекошенные таблички: «Danger explosives in area no trespassing keep out», «Loose rabid attack rooster», «Turn back now», и особо приглянувшаяся Ленни: «Nuclear radiation personnel in protective suits only». Радиация, ну да.

Черные «булкары» с покатыми крышами остались брошены у границы пшеничного поля. Охрана внешнего периметра была нейтрализована. Странные за'ары безмятежно лежали в мягкой траве. Огромные, как поваленный баобаб⁷⁴. Их лица были молоды, почти невинны. Окоченевшие руки сжимали автоматические винтовки армейского образца. Сыщик подергал одну – намертво. «Нейтрализация» – военный термин. Это значит, что тебе стреляют в голову и ты не успева-

⁷² шел бы ты, Ленни... в Лаос

⁷³ Штефан «Шериф» Кэссиди – один из криминальных боссов Динаполиса 50-ых. Сгорел заживо в собственном каре

⁷⁴ не такими они были и большими

ещь понять откуда.

Облокотившись о пузатую дверцу, Кравитц бережно разглаживал сигарету. Немногие фермы позволяют себе наемников. Он прикинул, но не смог назвать ни одной. Обсидиановый серп неряшливо прорезал пшеницу. В очертаниях силуэтов угадывались острые кромки шляп и плавные линии пиджаков. Они что, все в костюмах? Кажется, кто-то понял строчку «suits only» слишком буквально. Бьюики источали такой жар, что Ленни попытался прикурить от капота. А потом кто-то наступил на противопехотную мину. БУМ. Кто-то закричал. Фигурки рванули к дому. Ленни забросил себя за кары быстрее, чем сообразил, что происходит. Подтяжки затрещали, но в этот раз выдержали. «БУМ! БУМ! БУМ!» – билось в ночи, и не было понятно, где эхо, а где новые взрывы. Война отыскала старину Демпса даже в зарослях лебеды.

Нападавшие начали беспорядочно палить. Мягкие вспышки мерцали на залитом луной горизонте, как праздничные хлопушки. С крыши разразились ответные очереди. Это пулемет? Это пулемет! Браунинг, мать его, такое ни с чем не спутать! Кажется, в этот раз внутренний Донни завел сыщика не туда. Или наоборот – туда. В любом случае, Кравитц не привык отступать.

Издали это походило на детскую игру, будто ребятня штурмует песчаную крепость. Вооруженная ребятня в нелепых костюмах. Фигурки наконец добрались до главного здания и хаотично рассыпались вдоль стен. Кто-то суетился с

дверью, кто-то проверял окна, кто-то орал во всю глотку ненужные приказы. Дилетанты. Ленни спокойно обогнул эту катавасию по флангу. Вряд ли работяги день за днем чапали по минам. Всего пара минут, и он нашел что искал: вытопанную в стороне от театра боевых действий тропинку. Криво ухмыльнувшись, сыщик двинулся к дому. На крыше едва дымился покинутый пулемет.

[Smoking Kills]

Финишная прямая. Так это и происходит в больших расследованиях. Первый «костюм» Ленни вырубил за амбаром. Ты начинаешь с того, что роешь во всех направлениях: безрезультатно, безнадежно, тупо. Черная тень, увлеченно изучавшая гравий. Зато когда нащупал правильный путь, тебя уже не остановить. Тычок кулака в основание шеи, и противник опадает на траву. Все складывается как бы само собой. Ленни подобрал револьвер, «десятка» S&W ощущалась в руках игрушкой. Нападение на ферму лишь подтверждало нечистую игру Демпса.

В карманах парня не оказалось ничего, кроме запасного мунклипа и зажигалки. Moon clip⁷⁵ – какое подходящее слово для этой ночи. Сыщик прикурил, с наслаждением выпустив дым в жаркий воздух. И получил в ухо. Хук бросил его обратно на дорожку к амбару. Мелкие камни впились в спину, в голове зазвенело. Проклятье! Черный силуэт при-

⁷⁵ moon clip (буквально – лунная скоба) – приспособление для быстрой перезарядки револьвера

нял нелепую позу: широко расставил ноги и целился из револьверчика, как если бы позировал для афиши. Нереально огромный диск луны замер у него за спиной, будто задник в дешевом телесериале. Поля шляпы серебрились на свету.

Черный силуэт что-то прокричал. Дилетанты.

«Кто так целится? Зачем вообще целиться? Стреляй! Хотя нет, это же он в меня: не стреляй, парень, не стреляй...» Сыщик попытался встать: получилось только на четвереньки. Крики продолжились. Со стороны крыльца послышался приглушенный треск: кажется, идиоты выбили дверь. Ленни поднялся на колени.

Интересно, что это за хмыри? Конкурирующая банда? Или просто парни, которых достала «Здоровая Инициатива» с ее нелепыми «Keep calm and don't smoke» и «Smoking kills»? Бойцы табачного лобби? Или старушка Флэнаган решила выяснить, что за хрень выросла у нее под боком?

«Я не с ними, я ж с сигаретой!» – сыщик попробовал урезонить нападавшего, но вместо слов лишь разразился глухим кашлем.

– Все понял? – донеслось наконец сквозь тянущий свист в ушах.

Кравитц не понял ни черта:

– Ага.

– Вот и ладушки.

Не сводя прицела, силуэт начал приближаться. Ленни окрестил его «Номером 2». В ночи он казался жутковатым

близнецом первого: безликий костюм, черный, как тень в темноте. Отработанным движением Второй Номер полез за пояс. Резать, что ли, будет? Шанса узнать ответ, увы, не представилось. Из дома, совсем близко, раздалось хлопанье крыльев, а следом – глухой лай шотгана. «Двойка» замешкался. Ленни было плевать, держи Демпс для охраны хоть взвод вооруженных фламинго: возможность есть возможность. Раз – и сыщик нанес удар мыском тяжелого «редвинга» точно в промежность. Парень сложился, но тут же откатился назад, вернулся на ноги и даже встал в стойку. Стойка выдала в нем боксера. Впрочем, оружия с ним уже не было.

– Ты сам выбрал, белобрысый, – сообщил боец и ринулся в атаку.

Он мог быть хорошим боксером. Или плохим. Иногда такие отличия не столь существенны.

Внезапно Ленни с легкостью, которую сложно было в нем угадать, оттолкнулся от стены и нанес круговой удар ногой в лицо оппонента. Этому в армейке не учат. Парень зашатался, пошел по дуге, точно пьяный, и... провалился под землю.

Что за?!

Опасаясь очередного подвоха, Ленни обшарил местность. Тьфу. Снизу смотрел едва обнесенный камнями зев колодца. Жизнь не лишена иронии⁷⁶. Он затянулся чудом удержавшейся во рту сигаретой. Зев ждал. «Ну, хоть освежишься, а?» – бросил Ленни и отошел от провала. Что-то хрустнуло

⁷⁶ это еще не ирония, Ленни

позади, и он обернулся. Почти вовремя.

Мистер Костюм выглядел дороже своих собратьев и предпочитал беретту. Рабочий ствол: в царапинах и пахнет порохом. А еще – смотрит Ленни прямо в лицо. Скольких ты сегодня прикончил, приятель?

– Из всех, кого я здесь встретил, ты больше всего напоминаешь фермера, – сообщил Мистер Костюм со скрипучим южным акцентом. Он мог бы жить в Ривер Стэйте или Техасе. – Беда в том, что тебя тут быть не должно. Так откуда ты взялся, деревенщина?

– Из Лаоса?

– Хмм... – ответ ненадолго ввел владельца беретты в ступор.

– Может, я тогда пойду. А? – попытал удачу деревенщина. – Это ваши местные терки. Я вообще не веган, и все такое. – Он просительно улыбнулся пиратской фиксой.

– Пойдешь, пойдешь. Да не туда, куда думаешь. – Мужик осмотрелся. – Где твоя тачка, здоровяк? Не пешком же ты притопал, верно? – Слова про тачку он произнес с пошловатым оттенком, как если бы собирался трахнуть незадачливого деревенщину прямо в салоне.

От такой мысли Кравитц непроизвольно мотанул башкой, но вышло, как будто он указывает направление.

– Повернись-ка, руки за спину, шагай. – Пистолет качнулся в сторону предполагаемой стоянки кара.

Он что, хочет взять «языка»? Думает, я охренеть как мно-

го знаю про выращивание спаржи? Или действительно того... самого... С другой стороны, если я нужен живым, то стрелять в меня он вряд ли станет. По крайней мере, по жизненно важным органам.

Доверившись весьма сомнительному заключению, Ленни рванулся вперед. Он успел сделать шаг или два, а потом Мистер Костюм ловко ухватил его за подтяжки. Задние пуговицы не выдержали, но легче от этого не стало: техасец держал сыщика, как скакового варана за узду. Ленни упирался и пыхтел, широкие лямки впились в накладки на плечах: хоть какая-то польза⁷⁷. Он почти вырвался, когда грубая кожа обвилась вокруг шеи.

Этот мерзавец душит меня моими же подтяжками! Тварь! Мерзавец и тварь уперся коленом в спину и сильнее затянул петлю. Лунный пейзаж начал стремительно сереть, цвета покидали мир сыщика вместе с воздухом. «Последнее, что вы увидите в жизни, это ваша кровь на моем прекрасном лице», – жарко шептал Тони Хопс. А теперь он и этого не увидит. «Убить тебя не так сложно, как ты думаешь», – вторил крысеныш Стегманн. Карандаш. Серебряный кончик у горла. Ленни судорожно полез в карман, но там ничего не оказалось. Ключи, монета, перочинный нож, ну!

К черту. Краски окончательно пропали. Мир заворачи-

⁷⁷ функциональность верхних элементов трексы и по сей день вызывает широкую полемику. Кажется, Ленни нашел по крайней мере одну ситуацию, в которой они оказались безусловно полезны

вался в черный тоннель, и с каждой секундой его диаметр уменьшался. В решающий миг безумная идея пришла сама. Детектив судорожно схватил сигарету, резко выгнулся и удачным движением вогнал окурок в ноздрию противника. Smoking kills, салага! Что-то зашипело над самым ухом. Ленни представил, как тлеют и сворачиваются волоски в носу. Дикси-бой страшно закашлялся и отпрянул, однако уже в следующий момент навел беретту: Кравитц услышал, как шелкнул взведенный курок.

Но когда раздался выстрел, сыщика нигде не было видно.

[Noise in the Night]

Фокус – это подготовка. Но не всегда. Кравитц стоял в вертикальном срубе, глубоко под землей, уперев руки и ноги в стенки. Интересно, как эта сцена выглядела для техасца? Вот единственный настоящий фермер уматывает от тебя враскорячку, нелепые подтяжки хлещут по воздуху. Ты стреляешь – вспышка – и цель исчезает, как иллюзионист под навесом.

Все, что нужно было Ленни, чтобы убраться с линии огня, – сделать два шага и... провалиться в колодець⁷⁸.

Он пролетел футов двадцать, пока не удалось затормозить. На десять футов больше, чем он рассчитывал, и на двадцать – чем простил бы ребенок в его душе. Гадство! Впрочем, если не забивать голову, здесь не так страшно, как он запомнил. Гулкая темнота внизу, свист в ушах и темный круг

⁷⁸ вот это – ирония

небес над головой. И сырость. Как в могиле.

«Здесь не так страшно», – повторил сыщик про себя, и маленький Ленни съежился на самых задворках его сознания.

План был прост, как гвоздь. Зацепиться повыше и, когда Мистер Костюм сунется, резко дернуть того за галстук. Или за грудки. Или с диким криком «У-у-э-э!» выпрыгнуть наружу. Это называется эффект неожиданности. Вот только Ленни оказался намного ниже, а техасец и не думал проверять, как у него дела. Все стали такие осторожные – просто ужас. Оставалось затаиться и ждать. И он ждал.

В ответ на программу «Здоровая инициатива» табачное лобби предложило запретить употребление овощных блюд за пределами вегетарианских заведений. Публичное поедание сои оскорбляет чувства истинных за'аров – сказали они. Обе стороны снова увязли в болоте исков, из которого не вылезли и поныне. Спор за здоровье нации постепенно выходил на силовой уровень. Поговаривали, что кое-где активисты физкультуры нападали на сигаретные лотки. И вот теперь клоуны в костюмах штурмуют главный оплот веган в штате Дин. После заварушки в «Золотом доме», не хотелось бы переходить дорогу и этим парням.

Странная тишина подкралась к сыщику со всех сторон. Тишина гудела, как если бы ее выдувало сквозняком от самого дна. Наверху была ночь, которой он не видел. Лунный свет мягко стелился по колодезному провалу, будто по замерзшему воздуху. Будто воздух стал люком, которым при-

творили выход назад.

Ленни все сидел в колодце. Призраки прошлого не тревожили его. Маленький Джимми не бегал по залитой голубой краской дорожке, ледяной ужас не перехватывал дыхания, далекие небеса не исчезали в пустоте. Он просто ждал. Ждал и слушал, как пшеница гнется под ветром, и листья шуршат о стены, и тусклые хлопки револьверов, и битое стекло под ногами, и треск древесины под глухими ударами подошв. словно отзвуки иной реальности, словно потусторонний шум. И шум утопал в ночи, а Ленни оставался в тишине.

Так продолжалось вечность или, быть может, одно мгновение, а потом рука сыщика соскользнула на влажном срубе. Он едва не сорвался в бездну, и бездна ответила ему жадным возгласом. Где-то там, наверное, плавал неудачливый Второй Номер. Или ушел ко дну, утянутый подводным ключом. Время выбиратья отсюда. Впиваясь в мягкую древесину когтями, Ленни медленно продвигался вверх.

Небо становилось ближе, подземная прохлада сменялась жарой, будто сыщик выползал из могилы в адское пекло. «Снова ирония», – усмехнулся про себя Кравитц, и больно получил по голове. Это сверху швырнули что-то тяжелое. Он замер, готовый к безнадежному прыжку, но ничего не произошло. А потом ничего не произошло снова. И еще раз. Да сколько можно!

Ленни вырвался из колодца, как ныряльщик из морской толщи. Ферма ударила в него звуком со всех сторон. Ферма

стреляла, взрывалась и стрекотала: глупые за'ары продолжали свой детский штурм.

Ленни достал сигарету и огляделся в поисках техасца. Вместо него вдоль дома неслись два безликих костюма. № 3 и № 4, если сохранять общий счет. Парни размахивали своими «вессонами» и что-то кричали. И не стреляли. «Повезло», – успела промелькнуть мысль, а потом «костюмы» открыли огонь. Прямо на бегу. Дилетанты. Ошеломленный новым миром, Кравитц не успел среагировать: тупо стоял и смотрел, как черные дула выплевывают огненные вспышки. Появившийся было звук напрочь исчез, и время снова перестало иметь значение: он стоял, «костюмы» бежали, барабаны нехотя сдвигались на очередной ход, револьверы лениво плевали желтые снопы искр. Кажется, он видел, как блестящие снаряды несутся, несутся к нему, оставляя золотистое возмущение в воздухе. Это называется трассировка. Несколько пуль прошли прямо перед лицом. Он мог бы их просто смахнуть. Он мог бы поймать пулю зубами. Тусклая фикса ударилась бы в теплую медь. А потом дверь заднего хода вспучилась, и бежавших накрыло волной из дерева и металла. Время вернулось. Ленни шарахнуло наземь так, что внутренности болтанулись о стенки желудка, но сигареты он не выпустил.

Когда он очнулся, из проема валил дым, как от сигнального костра. Один из «костюмов», тяжело сопя, пытался подняться. Ленни рванул к нему и врезал коленом в висок. И

только тогда заметил № 4. Беднягу пригвоздило к земле чем-то, похожим на косяк. Белая палка наискось торчала у него из спины, точно древко штандарта. Конечности продолжали подергиваться, как бывает у насекомого, нанизанного на зубочистку. Ленни передернуло. Кем бы ни был клоун, он такого не заслужил. Никто не заслужил. Нетвердой походкой Кравитц направился в дымящийся проем. Дело есть дело, и его следовало завершить.

[Better World]

Позднее Ленни все думал, как разработка забегаловки для травоядных могла завести его в зону военных действий. «Ваш бургер не что иное, как шутка гения», – улыбался мистер Хопс. «Один окажется на дне, другой падет во тьму!» – драл горло бродяга Вилли. Как там? Шанти? «Следуй за деньгами», – призывал выросший на передвижных ярмарках Шилдс. Мало кто знает больше о перераспределении денежных потоков, чем администрация карнавала. Или вы полагаете, что эти парни платят налоги?

«Райские поля» – веганская ферма. Одна из многих в составе компании «Элизиум». Каждый раз, когда кто-то пропал в «Дыре», главный офис отправлял сюда ровно пять кусков. Целое состояние за восемь лет. Особенно если ты сержант морской пехоты в отставке.

Мясник – так его прозвали свои же. «Теперь я обычный за'ар, – разглагольствовал Демпс в материале «Shrike Evening Post», который Ленни удалось нарыть в архиве. – До-

живаю свой век на пенсии. Новая жизнь – новый я, как говорят мои нынешние партнеры. «Райские поля» – всего лишь попытка сделать этот мир чуточку лучше». Ну-ну.

Лучший мир по Демпсу походил на полноценное поле боя. Шрапнель, порох, гарь, копоть. И кровь. И запах жареного мяса. Барбекю, блин. Ленни поморщился от ассоциаций. Остатки разорванных тел дымились на деревянном полу коридора: видно кто-то задел растяжку. На перилах лестницы, ведущей наверх, повис еще один труп: ему разворотило бок шотганом. Последний костюм был без глаз, его лицо разорвали на лоскуты чем-то, что могло быть когтями кого-то, с кем Ленни предпочел бы не встречаться. Останься парень в живых, Джонни швейцар мог бы найти в нем друга.

Кравитц наклонился, чтобы подобрать ствол, и тогда услышал хлопанье крыльев. С высоты лестницы на него уставилась пара янтарных зрачков. Огромная птица была покрыта легкими пластинами из металла, изогнутый клюв украшал блестящий наносник. Она была носителем природного, звериного ужаса, неостановимой кары, накрывающей грешника с небес. Бойцовый петух. Ленни слышал, что их использовали в спецчастях, но никогда не встречал лично.

Птица издала страшный звук и угрожающе раскинула крылья. «Свои, свои», – пролепетал Ленни пятясь. Вот к такому жизнь его точно не готовила. Петух повернул голову набок, вертикальные зрачки недвусмысленно посмотрели на револьвер, к которому тянулся детектив.

– Я не вооружен, – сообщил Кравитц и на всякий случай поднял вверх руки.

– Думаешь, тебе теперь это поможет, сука? – раздался хриплый голос позади.

Час от часу – очередной «костюм».

– После такого мы вас всех на хрен вздрючим, как...

Он не закончил фразы. Верно определившись с целью, пернатый воин взмыл в воздух и опустился за спину Ленни. Раздался короткий крик ужаса, и всё затихло. Видимо, петух принял последнюю фразу на свой счет. Последнее, что увидел костюм, как сверху падает крылатое чудовище. «Так держать, птица», – бросил Кравитц через плечо и начал подъем по лестнице. Судя по звукам, птица принялась за лицо.

Вскормленный улицей Ленни полагал насилие неотъемлемым правом гражданина, но даже на его вкус веган Джекки доживал свой век уж слишком кроваво. Кравитц не видел более зверской бойни, хотя в некоторых принимал активное участие. «Ты и в этой принял», – мелькнула ехидная мысль. Он осторожно продвигался по второму этажу, стараясь не попасться в ловушки. Если это Демпс устроил в одиночку и на пенсии, что же было в армии и со взводом?!

После всего Кравитц рассчитывал обнаружить как минимум Дока Сэвиджа. На деле Джекки оказался неказистым крепеньким старичком. Он сидел на стуле перед двумя «костюмами» и стойко переносил допрос. Первый орал во всю глотку, едва ли не после каждого слова нанося удар. Второй

от входа держал старика на прицеле. Это могло быть разумным, если бы кто-то следил за самим входом.

Ленни подкрался к вооруженному и мощным захватом придушил сзади. С его корешем и стараться не пришлось. В едином движении Демпс подскочил со стула и врезал обидчику в челюсть, что тот рухнул как подкошенный.

– Свои! – успел крикнуть Кравитц и вроде бы махнуть руками.

Нож пролетел где-то рядом и врезался во что-то позади.

– Че орешь? И так ясно. – Старичок проследовал за ножом. Он напоминал сердитого гнома. В разрушенном коридоре с рукоятью, торчащей из груди, распластался еще один «костюм». Из-под тела медленно вытекала кровь. – Скольких на улице оставил?

– Эмм...

– Посчитаем.

– Это кто, табачники? мафия? коммунисты?

– Разберемся, – угрожающе пообещал гном. А затем ни к чему добавил: – Суверенность частной собственности гарантирована Конституцией и Богом, уроды!

Ну, как скажешь.

– Как Микки?

– Микки?

– Два фута в холке, 18 фунтов веса, размах...

Что он несет? «Это его питомец, – подсказал мягкий голос Донни, пока Кравитц продолжал соображать. – Существо,

которое ты встретил на лестнице».

– Эээ... там, внизу.

Дядька говорил про холку, как про размер члена. Интересно, меряется ли он размахом крыльев, когда встречается с хозяевами других птиц?

– Микки! Эй, Микки!

Боевой петух вышел на зов. Он был величественен и ужасен. Яркое оперение растрепалось, броня покрылась кровью врагов.

– Ах ты маленький мерзавец! – неожиданно тепло воскликнул Мясник. Ленни показалось, что дьявольская зверюга приосанилась.

– Ты от Волшебника?

– А?

Демпс и Микки, как один, обернулись на сыщика, с наносника предостерегающе упала темная капля. Ленни с удивлением заметил, как же они похожи.

«Просто скажи “да”», – безучастно подсказал Донни, будто происходящее отвлекало его от кроссворда.

– Да, – хрипло подтвердил Кравитц, и для верности добавил: – Я от волшебника.

– Отлично, – странная парочка тут же расслабилась. – Что со связью?

А что с ней?

– Понятия не имею... – «Тебе не докладывают», – снова появился Донни. Самого Ленни за последние дни слишком

часто лупили по башке, чтобы он мог запросто влиться в беседу. – Мне не докладывают.

Сержант кивнул.

«Ты пришел лично оценить ситуацию на месте», – в последний раз подсказал Шилдс и отключился. Кравитц исправно повторил за ним.

– Ситуация следующая: наше дело – табак, – довольно сообщил Джекки, усаживаясь в огромном кресле. Боевой петух занял позицию у его ног. Через половицы сочились тонкие струйки дыма, глаза inferнального питомца горели злым янтарем. – Нападавшие имели сведения о диспозиции. По крайней мере те, которые известны Башне. Кое-что я оставил при себе, – ветеран ухмыльнулся бравой ухмылкой Сержанта Мясника.

Волшебник, башня... Не хватало только дракона и рыцаря с окровавленным мечом. До сыщика наконец дошло: они все чокнутые. Просто Хопс попался, а эти нет. С другой стороны, чего еще ожидать от веган?

– ... но для обороны Объекта имеющихся в расположении средств недостаточно. Лаборатория взята штурмом. Дальнейшее удержание позиций считаю нецелесообразным. Перегруппировываюсь согласно плану. – Он говорил о себе, как о военном подразделении.

– Лаборатория? – тупо повторил Ленни. Наркоту гонят, что ли? Приплыли. Под прикрытием веганской вывески парни толкают лизергин. Ну а че? Мелкие шныри, типа Рекса,

топчут землю на углах, а мудаки, вроде мистера Берри, жи-реют с прибыли во всех смыслах. А потом кто-то покруче приходит на их поляну, и вот уже «имеющихся в расположе-нии средств недостаточно». Но причем тут, мать ее, Лори...

– Ла-бо-ра-то-ри-я, – едва ли не по слогам повторил во-яка. – Хочешь, пройдемся? Время терпит. – Сыщик только неопределенно кивнул. – За мной.

[Elysium in Flames]

Лунный диск смотрел в отворенный проем ворот, высти-лая серебристую дорожку глубоко под пол амбара. Ленни осторожно спускался по неудобным ступеням, Микки шкря-бал шпорами о бетон. Нет подвала без крыс, но из этого, ка-залось, все живое уже сбежало.

В ночном свете подземная «лаборатория» выглядела тре-вожной и одинокой, как кабинет недавно почившего лор-да. Мощное дерево, дорогой интерьер, смерть. Здесь мог бы обитать судья Краун. Прямо под лучом на паркетном узо-ре, будто на обложке бульварного романа, среди битых колб и осколков распласталось тело в белом халате, розовое, как ощипанный кур. Настоящий урод.

– Алхимик – всё, – резюмировал Джекки Демпс.

На виске урода виднелась едва различимая точка, больше похожая на мушку. А еще ему не хватало одной руки. Кто-то аккуратно отделил ее по локтевому суставу. Это превра-щается в тенденцию. Ленни снова вспомнил швейцара.

– Что с ним?

– Всегда таким был.

– Без руки?

– Отчего же, с рукой. – Демпс указал на имеющуюся конечность и улыбнулся.

Когда они выбрались из дома, жар все еще сжимал мир в объятиях. Ночь замерла на исходе, и ветер приминал к земле бледный океан колосьев. Бойцовый петух вышагивал среди поверженных врагов, как полководец после победного сражения. В лунном свете мертвецы выглядели тряпичными куклами.

Вы живы благодаря нам, ну-ну.

Только тут Ленни сообразил, что все еще мнет во рту несчастную сигарету:

– Закурить дай.

– Ты это куришь? – сердито спросил сержант. – Выбрось на хрен, сплошные смолы. Подохнешь к моим годам.

Давай, дядя, задвинь мне про пользу супов из пастернака.

Демпс не стал. Только чертыхнулся и сердито направился к прибитому косяком «костюму». Нога бедняги все еще тихо подергивалась. Сколько ж он так? Старик нагнулся, вытащил пугач из ножной кобуры парня и не глядя выстрелил в голову. В этом не было ни злобы, ни милосердия. Просто таков порядок.

– Вот, – Демпс раскурил от дымящегося ствола и протянул самокрутку Ленни. – Экологический продукт.

Ядерный взрыв разразился в легких сыщика, тот собрал

все силы, чтобы не сложиться пополам. Экология – страшная штука.

– Ну как, пошло? – Сержант смачно затыкнулся. – Чувствуешь разницу? – Кравитц надеялся, что ему удалось кивнуть. – Пойдем-ка, пока легавые не набежали.

Лаборатория была обставлена в традициях сигарных клубов. Ленни даже удалось рассмотреть хьюмидор⁷⁹ и ножницы-гильотины. На суконном столе остался навсегда недопитым бокал вина. Черного, как зев колодца. Что за черт? Рядом, на дорожке лунного света, лежало тело, так, будто кто-то его специально так разложил. Хрупкие кости, бело-розовая кожа, детское, беззащитное лицо. Он был похож на сперматозоид, который проиграл.

– Это вообще за’ар?

Ленни подался вперед, но Демпс придержал его палашом.

– Хрен знает, – он неопределенно пожал плечами. – Новое время, енгеника, разнообразие видов. Южные не могут прижиться на севере. Северяне плохо переносят жару. – Он затыкнулся своим могучим табаком. – Может, из Азии сбежал или вообще пришелец. Комми ненавидят марсиан⁸⁰. Мы нечасто разговаривали. Он тут жил. Акцент жуткий, слова коверкал, будто прогонял их в мясорубке. Зато записи вел исправно. Рабочий парень, хоть и со склянками возился. Алхимик. Жалко.

⁷⁹ где Ленни узнал, что такое хьюмидор, мы без понятия

⁸⁰ если это отсылка к Берроузу, Ленни ее не понял. Мы тоже

Из бункера несло. Так пахнут гнилые овощи, так пахнет провал, так пахнет подошва, когда врезается в лицо. По-вегански тошнотворно. Если здесь что-то и готовили, то только не лизергин.

– А как с... работой?

– С работой – табак. Всё, что имело ценность, – Джеки указал на почти выкорчеванный из стены «Carbondale»: с опустошенных полок стекала почерневшая в тених жидкость, – накрылось. Остальное – конфетти, – он махнул рукой в стороны разноцветных колб. – Лаба была приоритетной целью. Зря они сунулись еще и ко мне.

– Зря парни сюда сунулись, конечно, – ухмыльнулся Демпс. – Дилетанты.

Они шагали по залитому темнотой двору в сторону амбара. Микки прикрывал тылы.

– Узнал кого?

– Под моим началом не служили, – довольно затынулся Демпс. – А это что у нас тут?

Недалеко от колодца в высокой траве лежал Мистер Костюм, Ленни узнал его по спине. Старик кованным мыском перевернул дикси-боя навзничь. Лицом к Богу, как говорил мальчишка-капеллан в Заливе. Ровно в центре лба тейхаса виднелся аккуратный кружок, будто кто-то нарисовал его грифелем. Он мог бы жить в Ривер Стэйт или Техасе, а помер в этом захолустье.

– А вот этого... Этого... где-то...

Безликие. За время в частном сыске Кравитц неплохо изучил криминальную подкладку города, но этих ребят видел впервые. Это ставило в тупик. Динаполис – мелкое болотце: рано или поздно узнаёшь всех игроков до самого дна. И когда кто-то чихнет в Восточном Мидтауне, ты всегда сможешь найти парня, который расскажет тебе об этом на западе. Если как следует спросить. А тут бригада новых бойцов громит главную ферму Святой Троицы – каково! Ленни осторожно приложил к губам ядерную самокрутку.

– Терри, Терри, Терри... Брютс, – удивленно проговорил сержант. – Боец Дракса.

Сыщик поперхнулся.

– Дракса?

– Строго иерархически – Хопса, – задумчиво продолжал старик. Час от часу... – Дракс держал полгорода через своего бешеного пса Тони. Того называли то ли Баптистом, то ли Святошей, уж не знаю, за какие грехи.

– И что случилось?

– С Тони? Оторвали голову. Парень по кличке Француз. Метил на его место, или что – не знаю. Бешеных псов пристреливают, как говорится. Его босс потом тоже потерялся. Все заглохло, Бюро навело порядок, – он еще раз затянулся. – Об этой парочке никто и не помнит уже. Время. Брютс ходил под ними.

– Интересные дела.

– Интересно здесь только то, какого ляда этим охламонам

понадобилось объявлять нам войну? Мы же их с того света достанем. И вставим так, что выжившие будут рассказывать об этом внукам! Если надо выкопаем Хопса и пришьем башку обратно, чтобы ответил! – вдруг завопил Демпс. Боевой Микки с готовностью поднял голову и уставился на сыщика. не пора ли порвать в клочья кого-нибудь еще? «Кто-нибудь еще» поспешил отвести внимание от себя:

– А парни у ворот, с винтовками, что, не помогли?

Демпс посмотрел на него как на идиота.

– Зомби?

– Зомби? – тупо переспросил идиот.

– Ну, зомби... – Сержант Мясник выпустил ядерный дым и надолго замолчал. Ленни отрешенно подумал, что его разоблачили, и теперь дьявольская птица обязательно сожрет ему лицо, но, кажется, пронесло: – Они большие, но не на многое способны. Могут починить забор. Или патрулировать периметр. Ничего сложного.

Сыщик отчетливо представил сюжет, как поедание экологически чистой капусты превращает веган в послушных кукол, которых заставляют работать на «Элизиум». На самом деле, это многое бы объяснило.

– Лаборатория? – наконец очнулся от собственных фантазий Кравитц.

Старик с тоской посмотрел на то, что осталось от его дома: из чердачных дыр вырывались языки огня.

– Что сгорит, то не сгниет, – философски заметил он. –

Лаба в амбаре.

У распахнутых ворот стонал парень, которого Ленни вырубил первым. Единственный выживший, который попался им по пути. Пожалуй, с ним стоило потолковать.

Неожиданно Демпс добыл из-под одежды огромный нож, скорее напоминавший палаш. Привычным движением Сержант Мясник вонзил лезвие в грудь Первого Номера. Вот тебе и рыцарь, даром что без доспеха.

– Любой солдат, идущий в бой без меча, вооружён неправильно, – ответил на недоуменный взгляд Демпс и вошел в пустое помещение амбара.

Книги, журналы, записи, пробирки – наметанный глаз сыщика осматривал замерший в тених интерьер.

– Он до последнего работал?

– Он до последнего ни черта не слышал. Звукоизоляция, бетон. Как-никак бункер. В теории выдерживает атомный взрыв. Есть запасный ход, он мог бы скрыться. Они открыли дверь экстренным кодом...

Урод был убит, как и «зомби», державшие внешний периметр. Беззвучным выстрелом из мелкого калибра почти вплотную. Ликвидация. Ребята по-тихому снимают одних, а потом палят во все стороны. Что-то не сходилось.

– Старший научный сотрудник Dobrinsky, – вслух прочитал Ленни: у Алхимика был бейдж, совсем как у Стегманна.

– Это не его карточка, – пояснил Демпс, а затем неохотно добавил: – Этот тип не любит перемены.

Поэтому носил халат предыдущего жильца? Ему что, не выдали новый? Насколько вообще был доброволен труд проигравшего сперматозоида?

– А что случилось с прежним?

– Его заменили.

– А?

– Не сошлись характерами.

– С кем?

– Сам-то как думаешь? – с подозрением спросил сержант.

«Слишком много тупых вопросов», – покачал головой мысленный Донни.

В могильном мраке бункера почудилось неуловимое движение, а потом кто-то пробежал по битому стеклу. Птица мгновенно сорвалась с места. Сыщик успел заметить, только как над белым халатом мелькнула тень расправленного крыла.

– Микки! Микки! Ты куда? Не надо туда...

Пока старик отвлекся, Ленни скользнул в сторону и наудачу потянулся к папкам. Твердый переплет, красный, почти краповый, картон. Внезапно в мертвой тишине бункера металл глухо ударился о металл. Кравитц отшатнулся. Кажется, кто-то захлопнул дверь «Carbondale», но перед сейфом никого не было. Что-то внутри лаборатории пришло в движение, а потом под ногой сыщика раздался щелчок. Этот звук он бы ни с чем не спутал. Под половицу была установлена нажимная мина. Встанешь на такую, и у тебя останутся две

или три секунды. Кравитц не стал тратить и одной.

Лунная поляна бледнела. Зарево пылающей фермы играло бликами на лицах павших. Языки пламени жадно тянулись на волю, словно хотели в последний раз лизнуть мертвецов. Далеко внизу по серпантину дороги тащился караван тревожных маячков «пожарных» и «скорых». Ленни Кравитц устало брел в умирающей ночи. «Райские поля» догнали за спиной.

Черный Веган

07/27 Fr

Элизабет Дросс появилась в малиново-алом платье на черном фоне проема, словно ядерная вспышка в ночном небе. Атласная ткань колоколом спускалась ниже колен. Оторвавшись от брюквы, посетители бросали на нее жадные взгляды. Кравитц закатил глаза: буквально последнее, что ты хочешь иметь на слезке, – эффектная женщина.

К вечеру «Дыра» неожиданно набилась едва ли не на три четверти. Все эти напомаженные индюки, зож-тусовка и необъятные тетушки в цветастых нарядах пялились на тарелки в наивной надежде найти там что-то хорошее. Ленни отрешенно пассировал медальон на фалангах, яркие лампы играли на темной меди. Новенький джук-бокс дребезжал в углу. «Отдашь мне на другой стороне», – проскулил ни-

щий Вилли, который позже неожиданно оказался Драксом. На другой стороне чего? Сыщик уже подумывал плюнуть на все и вернуться к плану «А», когда Дросс наконец вошла в закусочную. Она опоздала часов на десять.

– А вот и я! – радостно сообщила Лиз, усаживаясь напротив. Аромат цитрона обдал столик волной навязчивой свежести. – Ты все-таки воспользовался тонером?

– Почти вовремя, – хмыкнул Ленни.

Цитрусы удивительно бесцеремонны: добавь куда угодно каплю лимона, и он обязательно захватит всё.

– Эй, я же предупредила, что освобожусь только к вечеру!

Она позвонила без десяти ты-никогда-не-встанешь-в-такое-время и что-то протараторила в трубку. Он ответил «ага» и бухнулся обратно в постель. Пофиг. Как говорил Донни, план, который невозможно испортить – плохой план⁸¹.

Райские поля горели. Он был там! Оранжевые языки пламени тянулись в жаркую ночь, словно жаждали дождя. Он устало брел по серой полосе серпантина, далеко внизу неровными рядами безнадежно лежали побитые лачуги Предместий. И Рэнсонс Тауэр в Старых доках все так же пульсировала мистическим черным светом, будто подавала сигнал. Только вот кому?

Заметки Добринского (кем бы он ни был на самом деле) не давали себя прочесть. Извилистые буквы сплетались, как

⁸¹ мы почти уверены, что Донни говорил немножко не так

кусающие друг друга змеи. «Записи вел исправно», – уверял Демпс. Хорошо бы понять о чем. Ленни вглядывался в слова, но казалось, те с шипением уползали от него за срез бумаги.

– Долго ждал? – спросила Лиз, открывая меню.

– С утра.

Полицейская изящно изогнула тонкую бровь.

– Что тут скажешь? Я фанат своей работы, – Кравитц пожал плечами.

Самое интересное обнаружилось именно в папках. Статистические выкладки, графики, отгрузки и заказы пересекались с данными Стегманна. Контрагенты скрывались под псевдонимами: Алхимик, Волшебник и Консьерж.

– Я вижу, – бросила недвусмысленный взгляд Лиз.

– Э-э-э... что?!

– Отличный костюм.

Ленни заявился на ужин как был: кожаные, ремень с бляхой, рыжие винги и вечный блокнот в кожаном чехле. Избитая рожа постепенно подживала, но все равно из отражения в окне на сыщика косился скорее персонаж «крутого детектива», которому удалось пережить финал⁸². Казалось,

⁸² можно решить, что внешний вид детектива, с учетом многочисленных травм, полученных им по мере продвижения этой истории, мягко говоря, не впечатлял. Однако эволюционировавший в крайне агрессивной среде организм ящеров намного лучше справляется с повреждениями. К тому же общество за'аров относится к синякам и кровоподтекам как к проявлению слабости, поэтому, вполне возможно, часть побоев сыщик действительно заретушировал. Впрочем, мы имеем весьма слабое представление, как именно выглядел Ленни в момент злополучного ужина

еще мгновение, и он допьет свой виски, швырнет на стойку серебряный доллар и уйдет в дождь, навстречу неминуемой судьбе. Даром что виски в заведении не подавали.

– Эй, трекса-то новая! – Ленни подцепил когтем последнюю сигарету и похлопал по карманам в поисках огня.

Новая трекса сыщика выглядела точь-в-точь как старая: словно ее выволокли из задницы животного с очень длинной прямой кишкой.

– И вообще, кто бы говорил!

– А что не так? Ты сам велел надеть что-нибудь другое, – медовым голоском ответила женщина.

– Ну...

– Или тебе не нравится, как я выгляжу? – Лиззи щелкнула зажигалкой и перегнулась через стол. Запертые в алом атласе груди качнулись в сторону сыщика, будто хотели броситься ему в лицо.

– Кхм-м-м, – Ленни подавился дымом.

– Что-нибудь порекомендуешь? – полицейская как ни в чем не бывало рассматривала меню.

– А?

Судя по всему, именно Алхимик производил «особый соус» для черного бургера. По пинте за раз. Причем состав этой бурды менялся чаще, чем власть в Лаосе. Возможно, формула подбиралась под конкретную цель, тогда о случайности похищений не могло быть и речи. А может, парню просто нравилось возиться со склянками. Скоро выясним.

– Заказ, Кравитц, заказ.

Однако всякий раз, когда к Рэдмонду отправлялась заветная бутылочка, кто-то в Динополисе не возвращался домой.

– Бери всё, что звучит съедобно.

И еще одна вещь: последняя запись об отправке зелья да тировалась днем атаки табачной мафии на «Элизиум».

– Овощной бургер, салат из салата, непонятная дрянь и запеканка из болотной жижи. Кравитц, может, твои пропавшие просто покончили с собой?

– Все может быть. Я сам что-нибудь найду, окей?

Он раскрыл меню и тут же запутался в блюдах. В прошлый раз он брал омлет и какую-нибудь хрень на гарнир. Вряд ли это подойдет случаю.

– Готовы, сэр? – мистер Берри появился из ниоткуда. Строгий распорядитель редисок и реп.

– Ну, э-э-э... – в жвачной вселенной это могло значить: «Хрен его знает, что ты напихал в своё гребаное меню!»

– А «Черный веган»...

Лиз, какого хрена?!

–... у вас с чем?

– Булочка с семенами саговника и добавлением рапсового масла, грибная котлета с тимьяном и чесноком, немного имбиря, маринованный томат, тофу и листья хвоща. Все это с унцией нашего особого соуса, состав...

Дай полицейскому раскрыть рот, и...

«Ты разве не затем ее взял? – пробудился внутренний

Донни. – Пусть сделает заказ, там поглядим. Если все срастется, эти парни попытаются похитить капитана полиции... Или *похитят* капитана полиции. Любой расклад в нашу пользу».

Кравитц похолодел. Лиз сидела напротив и странно улыбалась ему, так улыбаются детям. Ее умные глаза блестели под ярким светом. Мистер Берри монотонно выдавал информацию. Парень чем-то напоминал робота-дворецкого из «Запретной планеты». Сейчас он закончит говорить, и... И что? Дросс окажется под ударом? «Предположительно, – встрял Шилдс. – Нам все равно надо проверить». Шилдс ли? Друг отродясь таким не был.

В этот момент что-то в мистере Берри переменялось, сыщик почти увидел, как перестукивают литерные пластины в его роботизированном мозгу. Все решится сейчас.

«Лучше она, чем ты», – продолжал настаивать Дон. Лучше для кого? – «Таков этот город, таковы законы этого мира». Да хрен там.

– Я возьму бургер! – завопил Ленни, как будто наступил на гвоздь⁸³. – А дама будет... – он бросил растерянный взгляд на страницы. – Будет... этот вот сыроедческий суп на основе свежей кукурузы... пасту из гречневой лапши... и, – Кравитц про себя попросил прощения у Лиз, – салат с брынзой и авокадо.

Дама сделала «круглые глаза» и одними губами прошеп-

⁸³ даже за'ару больно наступать на гвоздь

тала: «За что?».

«За то», – мысленно ответил Ленни. Все лучше, чем получить по голове и исчезнуть в неизвестном направлении. Внутренний Шилдс только хмыкнул и отвернулся.

Они о чем-то говорили. Сыщик кивал и делал соответствующее лицо, но едва ли следил за беседой. За окном собиралась ночь, и камни брусчатки нехотя расставались с накопленным жаром: казалось, легкие струйки дыма поднимались в умирающий вечер улицы. Залитый электричеством зал отражался в витринном стекле, призрачные за'ары за столиками лежали на мостовой, словно тени давно ушедшей эпохи. Белое кафе противостояло опускавшейся на город тьме, и можно было подумать, *что именно* в переулках вершится зло, пока славные парни старины Рэда пекут свой тыквенный маффин.

Алые губы в окне настойчиво артикулировали, и Ленни понял, что в этот раз не отделается простым кивком:

– А?

– Это подарок, Кравитц? Но ты стесняешься его вручить?

– Э?

Красный ноготь указал на медальон, который сыщик по задумчивости перекидывал стипльчезом.

«Передашь мне на другой стороне...»

– Это... не тебе. Это... как ее?... улика.

– Значит, точно мне, – алые губы обворожительно улыб-

нулись. – Ты обязан передавать все собранные материалы, если они касаются текущих расследований департамента. В противном случае я могу обвинить тебя в препятствовании правосудию. И будь уверен, я обвиню, – она торжественно сверкнула глазами якобы в доказательство намерений.

– Так то правосудию. Причем тут DPD⁸⁴?

– Ха, ха, ха, – раздельно произнесла Лиз.

– А если серьезно – это по другому делу, – он спрятал медальон в карман трексы. – Ты не поверишь, у меня обширная практика.

– Будто у тебя есть практика, кроме нее... – Она сбилась с фразы. – У них вообще официанты есть?

«You can't catch me baby», – затынул из джука прохиндей с южным акцентом. Парень из Ривер Стэйта, взял ли ты свою беретту с собой?

– У них есть Рэд. Проще самому. – Ленни поднялся.

Единственное дело? Она права. Единственное дело. Странное, нелогичное, не желающее сходиться полностью. Похищение (или пропажа) за'аров? Допустим. Но причем здесь, к дьяволу, соус? Наркотик? Ну, окей. Одурманенную жертву встречают в подворотне. Но как заманить ее в «Дыру»? Почему именно бургер? Для разной массы – разная доза, но бутылочка-то всегда в одну унцию. Тони Хопса обнаружили недалеко от кафе в неадекватном состоянии. Неудачная попытка? Парни Хопса нападают на ферму.

⁸⁴ департамент полиции Динаполиса

Мечь?

На стойке лежало что-то, напоминающее их заказ. Суп цвета осеннего болота, коричневые черви на зеленом газоне и «Черный Веган» в кальдере белоснежного фаянса. Мистер Берри у двери держал оборону от парочки хипстеров. Ребята тыкали в него фитюлькой и требовали студенческой скидки, хозяин не желал пускать их даже на порог. Сыщик водрузил находки на подвернувшийся поднос.

Может, все дело в запахе? Некоторые виды обладают повышенным обонянием. Это называется гиперосмия. Их используют на таможне, пограничные службы и частные охранные предприятия. Алхимик трудится над своим составом. Много версий, окей. Каждый под свою задачу. Почему нет? Жертв помечали определенным запахом, чтобы потом выследить и похитить, что должно было полностью исключить связь между бандитами и кафе. Но ведь связь – вот она. Ленни вычислил ее где-то за месяц. «Даже ты вычислил», – иронично заметил обиженный Донни. С другой стороны, парни уже лет восемь проворачивают свои делишки, и никто не обращает на них внимания.

– Раненых добивали мечом. Мечом! Ты можешь себе представить, Кравитц? – она зачерпнула ложечкой желтую жижу и недоверчиво отправила в рот. На бледном металле остались красные разводы. – Вот такие твои вегане.

Ленни играл в гляделки с бургером. Так случайно или нет? Похищение или ошибка? У всех есть мотив, чтобы уй-

ти, каждый может найти причину остаться. Твои долги копятся, пока не приходит момент, когда единственное, что ты можешь сделать, это убежать. Но кому и что должна Лори? Она жила в крепком доме на Стэнтнорт-стрит, посреди каирна, из которого не может быть выхода. Будто геккон в террариуме.

Тут сыщик понял, что упустил этот момент. Для него Лори имела единственное качество: жена Ширеса. Он, по сути, не проверил, чем она занималась, с кем была связана, в какие темные дела могла влезть. Он не хотел знать этого. Гнал от себя мысли, как будто с момента их расставания с ней ничего не произошло. Как будто она застыла во времени, какой была: дрожащая в сигаретном смоге. Упущенная навсегда.

– А?

– Я говорю, твои вегане устроили побоище на ферме за городом. Погибли 22 агента Бюро.

«Он ищет тех, кто прошел через пропилон», – сказал Васильковский Комбинезон. Пропилон – это проход, огороженный колоннами. По крайней мере, так гласила энциклопедия. Только проход куда? В Канаду? Агенты?!

– Бюро?!

– Ага. Ты вообще слушаешь меня, Кравитц? – она зачерпнула еще кукурузной похлебки.

– Ну-у-у, э-э-э...

– Позавчера ночью ребята проводили операцию в «Райских полях». – Острый ноготь ткнул в строчку на обороте ме-

ню: «Райские поля: свободная ферма экологически чистых овощей и фруктов». – Настоящая кровавая баня. Два отряда во главе с Теренсом Брютсом, как считается, погибли. Сейчас весь департамент на ушах.

– Считается? Погибли? – пропищал сыщик.

Какого там понадобилось федам? Война корпораций? Или они тоже копают под закусную?

– Там все сгорело дотла. Пока опознают тела, кто свой, кто как. По крайней мере, теперь в твоём расследовании имеется зерно здравого смысла.

У Ленни дернулся глаз. Здорово. Очень здорово. «И как тебе быть соучастником массового убийства федеральных агентов?» – улыбнулся из ротангового кресла Донни. Чур меня, чур! Ленни отчаянно хотелось закурить, но свои две пачки он сегодня уже прикончил.

– Я думала, ты обрадуешься.

Быть может от особого прилива радости, Ленни, насколько возможно распахнув рот, всунул в себя проклятый гамбургер целиком. Вкусовые рецепторы взвыли.

– Ты в порядке?

Он пробормотал что-то нечленораздельное.

– Не думала, что ты всерьез разрабатываешь кафе.

«Тогда что мы, твою мать, здесь делаем?!» – попытался прокричать Кравитц, но вышло только: «Эгхम्म...»

– Прожуй сначала.

Всякий раз, когда сыщик думал, что понял практически

все, получалось, что он не понимает ни черта. Настоящий бульварный детектив!

– Кстати, у меня есть новости про твоего Вилли. – Она оправила платье где-то под столом.

Могучим движением Ленни проглотил все, что оставалось во рту. Половина бургера колом встала поперек горла, недожеванные куски прокатились по пищеводу и больно бухнулись о стенки желудка.

– Да? – прохрипел он.

– Может, пригласишь меня на танец, и я поделюсь с тобой новостью?

Джук-бокс как раз перебирал пластинки. Футуристичный, будто его украли с инопланетного корабля, нарядный, как ферма на Рождество. Кому пришло в голову сделать их именно такими⁸⁵? Недра карамельной коробки заскрежетали, выпуская мягкий блюз на свободу. Хипстеры бы обрадовались.

Ленни ненавидел джаз. Ленни ненавидел блюз. Ленни ненавидел весь мир.

Спроси его, все эти доходяги из Дельты просто недостаточно страдали, чтобы их мнение чего-то стоило.

Лиззи стояла близко. Алое платье, слишком броское для слежки. Лакированные аккорды падали на залитые светом черно-белые плиты пола. «She was too good to me» – нежно сообщил парень из ящика. Ну еще бы. Они легко покачивались на волнах музыки, его пальцы на ее талии. «Вил-

⁸⁵ какому-то парню из Juke 'n Jive, мы полагаем

ли Дракс, – прошептала она в самое ухо. – Вилли Дракс был убит». Ее запах становился ближе, свежие цитрусовые духи. «В ночь на среду кто-то проник в палату». В ночь на среду, когда он убивал федеральных агентов. Это называется алиби. «И ввел какой-то паралитик». Горячий шепот у его уха. «Неизвестный облил беднягу виски. “Тед Купер”, бутылки лежали там же». Мистер Хопс. Стоит только поднести спичку, и... «И поджег». Розовый язычок едва касался мочки. «А потом выпустил две пули из магнума прямо в голову». Его магнума. Мир качнулся, замелькали клавиши рояля: Ленни будто бы увидел пианиста. «Оружие», – прохрипел сыщик. Мысли путались. – «Бросили в палате». Его оружие. – «Ребята из лаборатории проводят экспертизу». She would have brought me the sun. «Скоро мы прищучим гада», – она легко прижалась к нему. «Скоро они прищучат меня, – грустно подумал Ленни. – Да какого!»

Парень из ящика продолжал свою историю, но Ленни уже не разбирал слов. Его небеса рушились, их осколки падали между столов. Он заметил отражение в витрине: тонкая Дросс в струящемся атласе покачивалась в лапищах огромного за'ара. Это он? Это должен быть он.

– Тебя это заводит, да? – тихо спросила она. – Жестокость?

Мир темнел и сужался до размера колодезного провала, только луны нигде не было видно. Что ты знаешь о жестокости, крошка? Они танцевали. Ленни соображал с большим

трудом. Его руки опустились на ее бедра. Завтра они про-
бьют его пушку. Жара с улицы накрыла помещение, или это
его бросило в жар? Сыщик с силой придвинул женщину к
себе. Дросс тяжело задышала. Завтра его арестуют. Ладони
стиснули покрытые атласом бедра. «Ты же и защелкнешь на
мне браслеты, не так ли? Или это будет офицер Пушок?» Ее
дыхание сбилось. Мир колыхался, Кравитц сжимал Лиззи,
словно это помогало удержаться в нем. Реальность ускольза-
ла, как атлас. «И что потом?» Ткань легко разошлась там, где
складка встретила коготь за'ара. Женщина тонко вскрикну-
ла. «Вот Хопс меня и переиграл». Его пальцы ощущали ее
гладкую кожу, больше не защищенную ничем. В голове шу-
мело, зал застилала чернота. Он двинулся вверх по ее жар-
кому бедру. Лиззи задрожала. «Who's gonna make me gay
now?» – донеслось откуда-то сбоку. Его замутило, кишки
связало тугим узлом. Он провел ногтем по кружеву ее белья.
«Ленни», – испугано прошептала Лиз.

Кравитц остановился. Да что он вообще творит? «Тебя
отравили», – жестко ответил Шилдс. Чернота застилала всё.
«She was too good to be true», – тянул завершающие ноты
джук-бокс. Ленни отстранил Лиз и пошатываясь направился
в сортир. Женщина осталась стоять, направив пораженный
взгляд в спину сыщика.

Когда он вышел обратно, их столик занимала парочка
хипстеров.

Перемена мест

07/27 Fr

Он раскрыл глаза, как ребенок, брошенный жизнью на грязных улицах. Страницы блокнота мелькали на белой ска-терти, по шершавой бумаге металась полузабытые сценки. Черно-белые рисунки карандашом, резкие, нетерпеливые, злые. Маленький Ленни снова бежит из поместья Уэллрок в искаженную перспективу проспекта. Вид со спины, полы куртки распахнуты в движении. Темные силуэты вереница-ми тянутся по обеим сторонам дороги.

Прошлое воняет. Грязными ногами и промежностью, мизмами городских стоков. Маленький Ленни замер под мочучими сводами туннеля. Огромного, словно сказочная пещера, холодного – как могильная плита. Канализация заворачивает мир в исполинскую трубу, и каждый кирпичик обведен острым грифелем.

Маленький Ленни по колено в дерьме выхватывает из теней крысу. Короткая шерсть, тонкий писк. Старик Финн в профиль нависает над ним из угла страницы. Оплывший, сгорбленный, жадный, сам чем-то похожий на грызуна. Что же все-таки старый козел с ними делал?

Он раскрыл глаза...

Частный детектив Кравитц сидел, прислонившись к парапету, будто нищий, мимо которого неслись поезда. Солнце

– желтое и такое яркое солнце – напекало ему макушку. Высоко над ним ветер гнал на закат поляну роз по выцветшему от жары винилу. Это билборд – догадался Кравитц и снова пропал в небытие.

Музыку больше не играли. Ленни стоял сразу в двух залах, наложенных один на другой. «Тебя отравили», – на всякий случай напомнил Донни.

– Не стоит беспокоиться, – любезно сообщил мистер Берри, – Фирма оплатила счет.

Он улыбнулся, как лорд улыбается лакею.

– А?

– Ваша дама уже ушла.

Либо так, либо ты ее сожрал.

Помещение едва заметно менялось. Мелкие детали, которые воспаленный мозг сыщика все еще мог уловить, но уже не был в состоянии обработать.

– Это, кажется, ваше? – хозяин протянул тяжелый блокнот и снова любезно улыбнулся. Слишком любезно.

Если ты сожрал капитана полиции, парням в форме почтальонов это придется не по вкусу.

– Думаю, вам пора. – Мистер Любезность открыл двери зала номер 2 и выставил детектива за порог. – Надеюсь, вы станете нашим постоянным клиентом.

– Всего тебе плохого, урод, – смог выдавить из себя Ленни, но его уже никто не услышал.

Он раскрыл глаза. Ноги в туфлях и ботинках, в длинных

юбках и джинсовых шортах мельтешили на изогнутом дугой тротуаре. Он сидел, прислонившись к порфировому граниту и не чувствовал вообще ничего.

«Тебя отравили», – еще раз напомнил Шилдс и уткнулся в свой любимый кроссворд.

Горбатый мост через Рэй-ривер, где-то между Юнион и Уэстлейк. Надо вставать.

Ленни поднялся, тяжело опершись о парапет, и мир сразу же расплылся в тумане. «Call for fire now!» – откуда-то прокричал Ширес, и палубная авиация накрыла огнем Паркер-авеню. «Call for fire!» – и линии домов обратились в серый песок. Ленни продирался сквозь пыльную бурю, портреты кружили, будто бы влекомые ветром. Бабочка зависла у самого лица, пепельные полупрозрачные крылья. Он отмахнулся, и бабочка рассеялась, как призрак предрасветного утра.

По Холлидей-роуд вышагивала армия зомби. «Их много, но они не пригодны ни на что» – кривился Демпс, исчезая в пламени пожара. Посреди горизонта выростала башня белого камня, в которой командовал волшебник. Разъяренные слоны стерегли ее вход.

Впереди мелькнула спина в вечно потертом пиджаке – Донни. Алым огнем в песчаной мгле извивалась Элизабет Дросс. Атласное платье сползло с ее тонкого тела, открывая кружевное белье, до которого он по сути так и не добрался. Интересно, какова она в постели?

«Я бы ее вздрючил», – сообщил судья Краун и расхохотался.

Позади раздался drobный стук каблучков. Ленни не увидел лица, но знал, что это она, – Лори. Он бросился за ней через пыльную зыбь, сквозь хоровод преследовавших его духов. Он почти настиг ее у поворота, когда врезался во что-то костлявое.

Морок развеялся, и перед Ленни предстал Мертвец.

– Ыьыых! – прохрипел Кравитц и отшатнулся.

– Не парься, бро, с кем не бывает, – Мертвец дружелюбно улыбнулся.

Ленни представил, как сутулый доходяга лежал распластавшись в красном свете ангара. Как черная кровь расплзалась из-под неестественно вывернутого туловища. Как дымок выходил из дыры между его удивленно сдвинутых бровей.

Именно этого парня он гипотетически застрелил на глазах у агента Дросс.

– Я тебя грохнул... – прошептал Кравитц. – Я же грохнул тебя! – проорал он в лицо ухмыляющемуся ублюдку и бросился со всех ног.

Ленни сидел на жопе в коридоре родного кондоминиума по Уэстлейк-стрит. Жопа болела. Он тупо тарасился на дверь, которая не захотела открываться. Больше того – это была не его дверь. Хлипкое дерево будто кричало любому

нарку: «Выбей меня!» Ленни бы так и поступил, если бы мог. Но сил не было даже стоять.

Раскрытый проем в шахту лифта перевязали гнилой бечевкой крест на крест, на которую криво навесили пломбу. Внимание: любая персона... и бла-бла-бла, DPD, scene crime, и все такое. «Был бы я потупее, точно пошел в полицию», – решил Кравитц. «Как будто тебя бы взяли», – из небытия ухмыльнулся Донни Шилдс.

Подъем на двенадцатый этаж показался сыщику пыткой. Когда до спасительной кровати оставалось всего ничего, случилось странное: ключ не прошел в замок. В недоумении он сел туда, где должен быть диван, и с размаху приземлился на задницу.

Ленни открыл глаза. Он помнил, что его отравили. Напротив него была дверь, хлипкая, как в приходской церкви. Из фанеры она, что ли? «Кравитц – гребаная ты сука!» – вывели мелом на доске. «Это что-то новое», – подумал «гребаная сука» и отключился.

Ленни открыл глаза. Он помнил, что ужинал в кафе и его отравили. Хлипкая дверь впереди дрожала, будто была камертоном. Кто-то поменял дверь? Зачем? На доске объявлений была надпись, но прочесть ее он не смог.

Ленни открыл глаза. Он ужинал, и его отравила гребаная сука. Задница болела. Он попытался откинуться и сильно врезался башкой в стену. Дверь впереди отворилась, и из нее выглянуло серьезное детское лицо.

Ленни открыл глаза. Девочка стояла совсем близко. Сколько ей? три? пять? семь? Сыщик не разобрался в детях.

– Ты мой папа? – спросила девочка беззубым ртом.

«Надеюсь, что нет», – хотел ответить Кравитц, но не смог.

– Ты болеешь? Моя мама тоже болела, но теперь с ней все в порядке.

Только твоей мамы здесь не хватало...

Ленни открыл глаза. В клетчатом протертом халате, взлохмаченная, но как всегда сосредоточенная, будто постоянно заглядывающая внутрь себя, перед ним наклонившись стояла Лори.

– Ты нашлась... – еле вымолвил он.

Несколько напряженных минут женщина всматривалась в изможденного за'ара, а затем требовательно спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Не смешно... – попытался ухмыльнуться за'ар, но Лори лишь наклонила голову, требуя ответа. – Это я... Ленни. Ленни Кравитц? – он уже не был ни в чем уверен.

– Не получится, милый, – печально ответила Лорелея. – Восемь лет назад Ленни Кравитц погиб в Заливе.

vol. two

ЧУЖОЙ КОСТЮМ

День мертвецов

07/31 Tu

В голове все еще звучал блюз из проигрывателя Шилдса. Надрывный саксофон, будто аккорды душили в темном переулке. Как если бы жизнь была чем-то вроде той долбаной пьесы, что Ленни видел в Большом городе⁸⁶. А потом ты умираешь, и все становится только хуже.

Сыщик прикинул, не начать ли биться башкой о стол, когда спецгент Брютс вернулся со стаканом молока и подносом. Тот самый говноед, который душил его подтяжками. Ухмылка дурака, походка обнаглевшего ковбоя. Не хватает только пикапа. Кажется, на парковке стояла такая штука, облупленная и здоровенная как пол-Техаса.

Спецгент Брютс поставил сэндвичи и воду. И молоко – но только для себя. В его глазах читалась застарелая обида: будто кто-то нассал в его любимую кружку. Ленни прикинул, что этим кем-то запросто мог быть он.

⁸⁶ между прочим, «Тень смерти» – лучший спектакль в карьере сэра Реджинальда Кинкейда

«Не доверяй за'ару с молоком⁸⁷» – увещевала Мамаша Марш. Надеюсь, ты сдохла, старая перечница.

– Леонард Элмор Кравитц, – протянул агент с южным выговором, скрипучим, как раздолбанное колесо. – Поэтично. Мамочка небось думала, что у нее родился писатель. А родился ты.

Ленни представил, как стряхивает последние капли в его утренний кофе. Дрип-дроп. Гомеопатические дозы.

– Жизнь тебя достала, м?

Леонард Элмор Кравитц был похож на жертву аварии. Половина лица разбита. Руки иссечены, будто он дрался с кошкой за место в мусорном баке. Гавайская рубашка разодрана там, где бок принял выстрел обреза. По правому предплечью тянется жутковатый ожог от электрического кнута. Динаполис не самое дружелюбное место, это уж точно.

– Ну, поговорим? Или будешь ждать адвоката?

У Ленни не было адвоката. Зато он знал одного федерального судью. «С этим блокнотом ты сойдешь за журналиста», – сказал ему Ал в тот вечер. А потом запищал, как будто за ним явились маккартисты: «Я беден, я живу под мостом и ловлю сигнал от поездов!» А почему, собственно, и нет?

– Это все херня, сэр, – под статью Крауну пропищал сыщик. – Я Томми, Томми Волк из «Shrike Evening Post». Вы читали мои статьи?

⁸⁷ в другом варианте – молочнику. Возможно, имеется в виду волна похищений, в которых подозревали за'ара с тележкой молока

– У тебя статей на целый роман. Грошовый нуар с дымящимся пистолетом на обложке. Твоя мамочка любила нуары, Элми?

Последние капли.

– Зачем вы так, сэр! Современная литература – это полнейшая пошлятина. Я честный журналист...

– Кто бы мог подумать? – Отработанным жестом Терри добыл из-под подноса старую папку. – А выглядишь точь-в-точь, как кусок дерьма по имени Леонард Кравитц.

С пожелтевшей бумаги на сыщика смотрел молодой и невыносимо красивый Элмор, каким он никогда не был и вряд ли когда-нибудь станет. Видимо, этот трюк работает только с маккартистами. Вот черт.

Офис отделения Бюро в Динаполисе напоминал дом, в котором мечтал поселиться маленький Ленни. Надежный кирпич, уютное дерево, мягкая кожа. Солнце скользило вдоль панорамных окон, спуская полосы чистого света сквозь полуразвернутые жалюзи. У него была ничего себе берлога на двенадцатом по Уэстлейк-стрит. По крайней мере, он продолжал считать ее своей собственностью. Засаленная мебель, пыльные полки и бар в полстены. Ох, не об этом мечтает приютский паренек, а? Маленький Ленни надул губки и спрятался в дальний угол сознания, когда Кравитц вносил депозит. «Возможно, в следующей жизни, – пообещал он тогда. – Если доживем».

– Пока был жив, Счастливики Ленни подозревался в пре-

ступлениях многочисленных и тяжких...

Они сидели за обычным офисным столом.

– Убийства первой степени. Раз, два, три... По общему счету – шесть эпизодов. Покушение на убийство – восемь, – Брютс с наслаждением зачитывал досье. – Да ты неудачник, Кравитц, не умеешь довести дело до конца. Так... телесные.

Простой стол для оперативной работы. Парень напротив со своей половиной сэндвичей и папкой. И молоком.

«Не доверяй за'ару с молоком» – приговаривала Мамаша Марш, лущуя по хребту тростью.

– Грабеж, грабеж, грабеж. Разбойные нападения. Много разбойных нападений.

Ленни сидел на жестком стуле, привинченном к полу.

– Торговля лизергином, мелкий и крупный опт. Ношение незарегистрированного...

Это был специальный стул для особо опасных преступников. Дросс однажды показывала ему такой.

– Владение птицами бойцовых пород без лицензии... Похищение слона. Хмм... Слона?

Закованные в кандалы руки оставались относительно свободны, но щиколотки были плотно прикованы к ножкам стальными браслетами. Это превращается в традицию.

– На кой тебе слон, Элмор? Большой любви захотелось? – фед дебилно хохотнул собственной шутке.

Элмор понадеялся, что не за этим.

– И королева преступного мира – неуплата налогов.

– Впервые слышу, – почти честно ответил сыщик, но после некоторого раздумья добавил: – Разве что налоги...

Сигарета входит в ноздрю, волоски противно шипят, свертываясь под огнем. Ленни наклонился проверить, в порядке ли нос балабола.

– Не суть – Терри захлопнул папку. – Десять лет – долгий срок. Как говорится, прошлое должно оставаться там, где ты его оставил, – он глуповато ухмыльнулся.

Кованный мысок старины Демпса переворачивает тело Теренса Брютса, неестественно податливое, будто сделанное из желатина. Боевой петух жадно косит янтарный глаз на искаженное лицо агента. Вот где я тебя оставил, урод.

– Лучше спой мне, что случилось в приемной той шараги имени тебя.

– Дай-ка подумать...

07/27 Fr

Подумать и выпить. Кравитц вышагивал по залитому солнцем Динаполису, будто бы шел на войну. Выпить и подумать. Это походило на чертову шутку. «Ты погиб в Заливе», – сказала Лори и грустно покачала головой. Эк мне не повезло, а? Пот застилал глаза, его знобило. Он натолкнулся на прохожего и не глядя отбросил того в сторону. «Мне жаль, что с тобой это произошло», – сказала задумчивая девочка, как будто знала, что именно с ним произошло. Мне-то как жаль, крошка! Он не помнил, как выбрался из кондомини-

ума. Мысли метались в башке по затейливым траекториям, как самолеты во время боя. «Кравитц – гребаная ты сука!» – написали мелом на доске. Ха! Если я сука, стало быть живой! Вряд ли надпись продержалась восемь лет. Кравитц был согласен быть кем угодно.

Выпить и подумать. Сыщик шагал по расплавленным камням. Мрачные фасады Мидтауна казались лимонно-желтыми в непривычном солнечном свете. За'ары выползали из закутков, вливаясь в общий поток. И поток двигался по проспекту, неестественно медленно, как караван на пути к смерти. Ленни заглянул в табачный ларек на пересечении то ли с Картер, то ли с Фэрфакс, то ли черт знает с чем. Косой прилавок выложили цветными пачками, как мозаику. Он жив. Ленни зубами сорвал верх с упаковки и едва не проглотил сигарету. Без сомнения, жив! «Огонь есть? – прошамкал он. Кретин за стойкой тарачился в желтый зной улицы. – Прикурить, ну!» Табачник медленно протянул коробок и оставил руку в ожидании монеты. «Ха», – гаркнул Кравитц в лицо табачника, и тот отшатнулся, как напуганный койот.

«Ночь овощного террора!», «Услуга обществу», «Вторжение похитителей брюкв», – перекрикивали друг друга ньюсбои. Ленни шагал и шагал, где-то, как-то, когда-то. Солнце распекало кожаные вставки на трексе. Мысли врезались в ржавый гонг, спрятанный глубоко в башке, и дрожащие волны звука вибрацией отдавались на стенках черепа. Розыгрыш, идиотская шутка. Погиб в Заливе. Кто ж это тогда? Па-

раллельно с ним в витрине двигался взъерошенный за'ар в подтяжках, сигарета обоих дымила. Стоп. Если он жив, какого черта Лори делает в его берлоге? В принципе, он не был против. Еще как не был! Но как же вышло? Сбежала от Ширеса? Допустим. И поменяла дверь...

Хоть что-то в этом мире неизменно. Перед Ленни стояла дверь с сердцевиной из рифленого стекла. «**Kravitz Investigations**» – сообщала выгнутая надпись. «Я ж сдох», – ухмыльнулся Кравитц и решительно вошел в офис.

В зеркале, которое он не узнавал, приемной, которой у него отродясь не было, за столом, который он видел впервые, прилизанный молокосос говорил в лаковую трубку. «Только по записи», – объявил молокосос, прикрывши микрофон ладошкой, и продолжил диктовать цифры. Темный, как полезакатное небо, костюм с фиолетовой окантовкой, большие золотистые пуговицы и сиреневый шейный платок делали его похожим на сутенера, который торгует малолетками. И такой тип рассаживался в его конторе! Ленни недоуменно моргнул.

«Не назначено – вали, – еще раз обратился к нему сутенер и снова уткнулся в трубку. – Не понял, причем тут вообще бега? Мы уже победим, ведь так?» Если ты чего-то не понимаешь, бей до тех пор, пока тебе не объяснят это как следует, – проверенный принцип.

Ленни на ходу плюнул сигарету прямо в нахальную морду. Пацан мгновенно вскочил. «Вам ли не знать, что порой

они выкарабкаются... из могилы...» – сообщил глухой голос из-за стены, явно не ему. Или ему? Да пофиг, я вас всех достану, хоть бы и с того света! У парнишки был пистолет. Маленькая пукалка, больше похожая на член младенца. Она возникла в руке как по волшебству, и теперь он с невероятной скоростью давил на крючок, но ничего не происходило. Ленни наотмашь ударил по оружию. «Это что за звук?» – снова из-за стены. Скоро узнаешь! Железной хваткой Ленни впился в горло прилизанного, оторвал от пола и по широкой дуге приземлил его о стол. Бумаги подпрыгнули от удара и на несколько секунд замерли в воздухе, прежде чем рассыпаться по приемной.

– Полагаю, ваш холл переживает незапланированное вторжение. Могу я предложить свое содействие?

– Прощу прощения, Энтони, – ответил до боли знакомый голос. – Но я предпочитаю решать проблемы самостоятельно.

– Бог простит.

И то верно. Ленни с кривой ухмылкой душил молокососа. Ноги в длинноносых лакированных туфлях забавно дрыгались, как будто парень танцевал канкан. «Hello! Hello!» – трещала телефонная трубка. «Это мой офис, – шипел в пунцовую рожу Кравитц. – Это моя жизнь». В ответ раздавался лишь сдавленный хрип: жизнь сутенера со свистом покидала горло.

А потом разом наступила тишина, будто кто-то вырубил

звук телевизора. – «В сложившихся обстоятельствах мне следует вас покинуть», – сообщил невидимый тип. Трубка под столом щелкнула и запищала, как монитор пациента в реанимации. Первобытный ящер в зеркале наконец оторвался от тела.

Внутренняя дверь открылась. Из проема, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, в бледном костюме с вычурным боло, с полуулыбкой, которую Ленни никогда не смог бы забыть, на него смотрел Донни Шилдс.

– Я и вправду сдох? – жалобно прошептал Ленни.

– Ходили такие слухи, – задумчиво ответил друг. – Проходи.

Кравитц сделал шаг, в глазах помутнело, он как подкошенный рухнул на пол.

07/28 Sa

Его разбудил дрянной блюз. Музыкант мучил инструмент, как дети мучают домашних животных.

Ленни помнил, что брел по пустыне и его мертвецы смеялись ему в лицо. Он шел к башне, высившейся на полпути к горизонту, и казалось, не было ничего, ни Лори, с укором склонившейся над ним, ни Донни, замершего в дверном проеме. Только муторные дни и тяжелые ночи Динаполиса, и смех мертвецов, и песок, забивавшийся за щиколотки.

Башня слоновой кости стояла, окруженная оазисом. В ней правил волшебник, зомби-часовые с винтовками стерегли

его сон. «AR-10 – революционная модель. Стоунерс отказался от газового поршня, сумев заставить пороховые газы действовать прямо на затвор», – сообщил сержант Праймс, растворяясь в дрожащем зное.

Чародей-затворник сидит на высоком балкончике под тентом и завтракает в одиночестве. Каждое утро к нему приходит Рэдмонд Берри с его надменной улыбочкой и подносом: не угодно ли пищевое отравление, сэр? Он отдает приказ, и полчища зомби выращивают сельдерей и морковь. Они похищают за'аров и обращают в своих приспешников.

Ленни успел зарисовать резные балясины, и молочный мрамор с прожилками, и старика с острой бородкой, раздраженного, будто между зубами застрял шпинат. А потом горестно завыл саксофон, и какие-то уроды промаршивали по его многострадальной черепушке. «Слава фитнесу!» – выкрикнули с улицы, как если бы фитнес был фюрером. Кравитц резко вскочил, его повело, и он грохнулся обратно на кушетку.

– Полегче, тигр.

Донни Шилдс сидел в старом кресле и смотрел на него поверх газеты. Точно такой же, каким был, только на восемь лет старше. Мистер Умник – живой и во плоти.

– Что ж... Здравствуй, Леонард, – тихо произнес он.

Серебряные запонки. Потертый пиджак. Солнечный свет на стертых туфлях. Тяжелый взгляд, будто прессом, прижал сыщика к матрасу. Ленни захотелось провалиться обратно в

сон.

– Здравствуй, – эхом отозвался Кравитц.

Такое бывало редко. Что-то переключалось, и с лица Шилдса спадала маска балаганного артиста. Мягкие черты грубели, взгляд словно продавливал пространство перед собой. Дон уходил в себя, оставляя перед собеседником кого-то, с кем тот вряд ли захотел бы иметь дело.

– Долго я так? – Ленни поднялся с кушетки, пошатнулся, но в этот раз устоял.

– Дольше суток.

А он, что, все время, типа, тарачился из-за газеты?

– И ты... тут... пока я...

– Простое проявление вежливости, – криво улыбнулся Шилдс, правая часть лица немного дернулась вниз. Это означало «нет, что ты, я оставил без присмотра чувака, который восстал из мертвых, а сам пошел по делам», или вроде того. Вежливость, ну-ну...

Ленни оглянулся. Офис «**Kravitz Investigations**» ощущался чужим, как подержанный пиджак. Скрытые панели между полками, неприметная прорезь в столешнице, непременно с кнопкой от пружинного механизма снизу. Половицу под ним откровенно «водило»: стало быть, тайник. В углу стоял черный куб тумбы. Донищу накрытый плотной тканью, он был похож на реквизит фокусника. Могучий «Carbondale» в рост выпирал из стены, разрисованный полустертым пинапом, как если бы его использовали для пред-

ставлений. Не в этой ли машине папаша Шилдс погружался в аквариум, или что он там выделявал? Карнавальная маска тарасилась со стены. Такая черная, будто сделана из клубящейся ночи. Нечто в пустых орбитах наблюдало за кабинетом. Сыщик почувствовал себя внутри шкатулки с секретом.

А Донни все смотрел, все просчитывал ходы где-то в глубине себя. Прозрачный янтарь его боло мистически мерцал в полумраке. Еще один фокус.

Кравитц вспомнил, как однажды друг загипнотизировал крысу. Буквально. Так что, я теперь крыса, или как? Он сделал рожу позлее и под нарастающие звуки блюза принялся обходить бывшего партнера по кругу. Проверенный метод. Зайди жертве за спину, и та становится нервной, как свинья.

Донни не шелохнулся. Только в глубине его холодно-серых глаз то и дело мелькало нечто. Словно молнии внутри облаков. И странная застежка галстука вспыхивала в унисон тревожным огнем. Каждый раз, когда это случалось, сыщик сбивался с шага.

Они напоминали двух тигров, встретившихся на узкой тропе.

А потом все закончилось. Взгляд отпустил Ленни где-то между окном и стеклянным шкафом. Черты разгладились. Умник остановил мыслительный процесс. Умник пришел к решению. У Ленни возникла стойкая уверенность, что это решение выйдет ему боком.

– Твои дела в порядке, – самым дружелюбным тоном объ-

явил Шилдс.

Никогда бы не подумал.

– А?

– Доходы, расходы, клиентская база, ты понимаешь.

Даже не близко.

– Хмм.

– Твой бизнес процветает. Ну, насколько это возможно в Дино.

Он успокаивающе улыбнулся. Это была особая улыбка простаку в начале аферы. Она означала: я говорю тебе то, что ты хочешь услышать, чтобы ты сделал то, что мне нужно. Вот только Ленни не хотел услышать ничего похожего.

– Ну, окей⁸⁸.

– Твоя жена получает долю. 60 на 40, как и условлено.

– Жена?

– У нее все-таки ребенок, ну ты знаешь.

Ленни не знал. Ленни даже не догадывался.

– А?

Жена? Ребенок? Доля? Всего восемь лет провалился трупом, а столько всего произошло...

– Я сделал что-то не так? – с опаской уточнил Шилдс, янтарная брошь нервно мигнула.

«Кравитц – крашенная ты сука» – было выведено мелом. И ребенок. Серьезная девочка в коридоре. Лори моя жена. Твою мать.

⁸⁸ в оригинале: ОК-fine

– Что ж, я, по-твоему, – хрипло проговорил сыщик, – не отбросил хвост в Заливе?

– Насколько могу судить, – Донни с иронией указал на визави.

Ясно, он считает, что я выжил и двадцать лет слонялся по пескам. Или прозябал в морозном Кетчикане... Это было доступное, удобное, разумное объяснение, которое позволяло, не устраивая драмы, влезть в чужой костюм⁸⁹ и прожить остаток дней с теми картами, которые выдала колода. Но оно напрочь не устраивало детектива.

– А если я на самом деле это не я? – под тревожные клавиши рояля едва слышно прошептал Ленни.

Или ты на самом деле не ты...

– Тогда у тебя стальные яйца, – в ответ на это рассмеялся Шилдс. Его смех показался гостю неестественным и грустным. – Прикинуться Счастливым – это ж дорогого стоит.

Ан неет, приятель. Ты не станешь сутки возиться с чуваком, который якобы приполз из Канады⁹⁰. Эту байку ты соорудил прямо на месте. И звучит она так хреново, потому что ты считаешь меня тупым. А настоящая история настолько запутана, что ты просто не смог найти ответа. Или ты *знаешь* ответ. И потому врешь. Но тогда бы ты врал поубедительней.

– Я сейчас тебе кое-что расскажу... – осторожно начал сыщик.

⁸⁹ здесь: в чужую шкуру

⁹⁰ Аляска – канадская территория

Как бы то ни было, Донатас Патрик Шилдс всегда оставался самым умным за'аром в комнате. В любой комнате. Его мир – это мир анализа, мелких нюансов и неочевидных следствий. Лишь Шилдс имел достаточно гибкий ум и широту взглядов, чтобы разобраться в происходящем. Вот только это был малость не его Шилдс.

– ... и ты решишь, что я псих.

– Это стало бы недальновидным решением.

Это означало, что он не стал бы говорить обидные вещи умственно нестабильному за'ару, который способен разорвать его надвое.

Не его Шилдс, не его Лори с фотопортрета. И Лиз, которая жарко прижимается к нему в танце. Она ж вроде никогда не стремилась прыгнуть с ним в койку... А Ширес? Нервный, промокший от пота. Он не был таким, даже когда положил ребят ударом авиации «на себя».

– Я хочу сказать... вряд ли ты слышал нечто подобное.

– Что ж... – Донни натянуто улыбнулся, отложил газету и переставил головку вилок. – Удиви меня, Леонард.

Сквозь дождь помех горько заплакала труба, и печальный пианист аккомпанировал ей фоном. Ладно, парень, сейчас я тебя удивлю...

Шилдс слушал, мягко наклонив голову. Его умные глаза пребывали в движении, словно в тихой меланхолии вилок дирижировали мыслями. В сгустившихся сумерках каби-

нета плавно разгоралась зачарованная янтарем брошь. Если присмотреться, можно заметить, как глубоко в слоях терпентина, будто в меду, растопырив лапки, застыл комар. Донни обожал такие мелочи.

Ленни говорил, медленно, обстоятельно, как на допросе. Про странное дело и веганскую закусочную, про невозможного Хопса и нищего, которого избил в переулке, про все, что случилось в эти сумбурные дни. Ленни говорил, и с каждым словом ощущал облегчение, словно застарелый груз понемногу спадал с души.

Он кончил ближе к рассвету. Шилдс сидел в старом кресле, будто бы принесенном из-под навеса. Тонкие пальцы перебирали блокнот сыщика.

– Ну как, удивил?

Донни замер. Грубые черты снова проступили сквозь маску. Взгляд ушел далеко за горизонт, где, по видимости, обитало существо, дававшее ответы на все вопросы Вселенной. Ленни буквально видел, как активизировалась мозговая деятельность бывшего партнера: казалось, мысли носились у того по лицу. А потом все прекратилось, но друг так и не раскрыл рта.

– Так что, Донни, я действительно сдох, и все такое?

– Не знаю. Ты мне скажи.

Уклончивый тон, легкий поворот головы и глаза... Лукавые глаза что-то скрывали. Ты играешь со мной, приятель? И зачем ты это делаешь?

– Как я умер?

«Тебя сожрали крысы в каменном колодце», – сказал судья.

– Под бомбами.

Как и ты...

– Гроб был закрытым, что очевидно.

«Если решите сбежать от Дракса, постарайтесь раздобыть труп, который не опознают», – советовал мистер Хопс.

– Тебя опознали по жетонам, фиксе и пачке «Шрайка».

Не самые точные свидетельства.

– Сержант Демпс выдал речь, и все такое.

И этот тут.

– Окей. Значит, закопали кого-то другого. А все, что я рассказал?..

Донни смерил его взглядом, как если бы собирался поставить диагноз.

– Повторяющиеся ночные декорации, странные встречи, фиксация на одной идее, бесконечный поиск... – Он сделал вид, что замялся, и отвел взгляд, пряча озорные искорки в глазах.

«Ты псих, Ленни! – кричали эти искорки. – Ты двинулся по фазе в своем Заливе».

«Курение – причина необратимых повреждений мозга!» – сообщил рекламный за'ар с репой.

«Мы называем это эксплуатационной недееспособностью», – выложил армейский врач.

«Вы близки к тому, чтобы перейти в постояльцы нашего милого приюта», – предупредил Тони Хопс.

– Рожай короче, – рыкнул Ленни.

– Шизофрения, – быстро ответил Шилдс. – Как по учебнику.

Все мнения сошлись в одной точке.

– Как вариант, ты выжил в мясорубке при... этом... – он прищелкнул пальцами, – аль-Дэшиле. Допустим, амнезия и психическое расстройство. Тебя закрывают в «Милосердии» на восемь лет. Мы хороним кого-то еще и живем дальше. Наконец ты выбираешься на волю, видишь или чувствуешь что-то, что запускает процессы памяти. Мозг возвращает личность и придумывает историю, заполняя пропущенные годы. Такое бывает. Не так часто, но все же. И это объясняет практически все.

Кравитц не верил. Это было слишком подробно, слишком реально... А, собственно, что? Нищий боксер? Похитители-вегане? Поезд-призрак? Древний ветеран, в одиночку отбившийся от агентов Бюро? Ленни, на раз-два раскрывший дело, которое полиция не могла сдвинуть несколько лет? Они, конечно, тупые, но не настолько.

Нет-нет-нет, искорки смеялись не над тем, что я псих. Они смеялись над тем, что я не понимаю чего-то, что лежит на поверхности. Так что же такого смешного, мистер Умник, ты нашел в моем положении?

– Практически все? А что не объясняет?

– Физическая форма. Вряд ли из стен медицинского учреждения ты бы выбрался в таком шикарном состоянии.

Вот уж спасибо.

– Последовательность повествования. И... твой блокнот.

– А что с ним?

– Изначально рисунки серебряной иглой имеют голубовато-серый оттенок, как вот здесь, – Донни показал знаменитое полотно «Кресты на Голгофе». – Однако в результате окисления со временем работы приобретают утонченный коричневый налет. Например, здесь. – Он продемонстрировал лейтенанта Холланда, свернувшегося калачиком в луже собственной блевотины и очерченного по контуру мелом. Характерная подпись в пузыре указывала, что полицейский все-таки спит⁹¹. – При желании мы сможем приблизительно датировать каждую страницу...

Шилдс говорил легко, как по написанному. Его магическое боло мерно светилось янтарем, подчеркивая внутреннюю уверенность владельца. «А ведь из него детектив в сотню раз лучше, чем из меня, – искренне восхитился Ленни. – И как он вообще столько всего в башке держит?»

– Так что в этом случае, ну ты понял...

А еще Донни не любил разжевывать, поэтому довольно часто заканчивал мысли фразочками типа «ты знаешь», напроць игнорируя факт, что обычно собеседник не знал ни черта.

⁹¹ невероятно утонченно

Впрочем, в этот раз все было предельно прозрачно. Блокнот – прямое доказательство в пользу того, что сыщик последовательно прожил свою жизнь, а не выдумал ее за несколько дней, чтобы «заполнить пробелы».

– Отсюда вторая версия – эксплуатационная недееспособность.

– Следующая, – сквозь зубы перебил Ленни. Это мы уже проходили.

– Как угодно, – пожал плечами Донни и замолчал.

– У тебя ведь есть следующая?

У него всегда что-то было.

– Такая, в которой у меня с макушкой относительный порядок?

– Ну...

Лицо друга расплылось в бесформенную массу. Брови поплыли вверх, губы замерли одновременно в разных положениях, как будто никак не могли решить, какую улыбку выбрать.

– Параллельные миры, – наконец проронил Донни. Взгляд умных глаз тут же вцепился в сыщика, гнусно зашипела пластинка, камень в боло почти погас.

– Параллельные миры, – с непонятной интонацией повторил Шилдс.

– А?

– Популярная концепция. «Что за безумная вселенная», «Лавка миров» и... – он постучал по виску, – «Глаз в небе».

Это не говоря про многомировую интерпретацию квантовой механики Эверетта.

Последняя фраза прозвучала, как китайская скороговорка.

– А проще?

– Одновременное существование множества версий одной реальности, которые могут различаться между собой, как в малом, так и во многом.

Он снова говорил, словно по написанному.

– Например, в одной я погибаю на войне, в другой – ты?

– Спасибо, Леонард. Мне теперь жить с этим бесценным знанием, – криво улыбнулся Дон. – Но, да, мысль ты уловил.

– То есть ты в это веришь?

– Ну... – вежливо улыбнулся мистер Умник.

Это означало что-то вроде: как тебе сказать, чтоб не обидеть, ты у нас и так малость стукнутый.

– Еще Демокритос в пятом веке до нашей эры писал: «Миры бесчисленны, и некоторые из них подобны друг другу. Одни еще растут, тогда как другие находятся в расцвете, третьи же разрушаются. Погибают друг от друга, сталкиваясь между собой...»

О да, это ж Донни, он обожает цитировать всякую хрень.

– Демо... что?

– Демокритос, Смеющийся Философ. Очень крутой дядька. Выколол себе глаза, чтобы видимая реальность не отвлекала от размышлений.

Слепец ведет безумца. Обхохочешься.

– Но ты в это веришь?

– Официальная наука не...

– Ты в это веришь?! – резко оборвал Ленни.

– На твоём месте, – мягко ответил друг, – я бы последовательно проверил гипотезы. Больничные записи поднять несложно. Максимум, чем рискуешь, – вернуться туда, откуда пришел.

Гипотеза – одно из тех самых словечек Шилдса. Оно означало «бездоказательная брехня» или что-то вроде этого.

– То есть в дурку – если первое предположение окажется верным? – с иронией уточнил сыщик.

– Пусть бы и так.

– А что с параллельными теориями механика Эверетта? Лупить мистера Берри, пока не сознается?

– Тот самый медальон? – тонкий палец бывшего партнера указал на медный кругляш, который Ленни машинально перекидывал на фалангах. Это начинает входить в привычку. –

Билет в другой конец?

– Метка. Нищий сказал, передать ему на той стороне.

В ответ Донни элегантно заломил бровь:

– Ну так и передай.

Он уходил на рассвете. «Удачи», – коротко напутствовал Шилдс, янтарный камень окончательно потускнел в утреннем свете.

Удачи? И это все, что ты мне скажешь? Много лет назад, в городе, у которого с тех пор не было названия, коммивояжер Ширес вызвал огонь на себя, одним приказом вырвав у него из груди нечто чертовски ценное, и в образовавшуюся дыру провалилась юная душа Ленни, будто в колодец. А теперь они здесь – пусть это иллюзия или бред сумасшедшего, – но снова вместе. И он хочет сказать так много, но даже сейчас не может сказать ничего. Что-то не так с этим миром, с Шилдсом или с несчастным детективом с Гулд-стрит. Между ними – словно стена, незримая и пустая. Четверть жизни – какой долгий срок для... всего. Между ними – только необъяснимое обстоятельство, которое свело их вместе. И унылый блюз из виктролы.

Приемная была разгромлена, как придорожный бар после драки. Стол завалился вовнутрь, почти что переломанный надвое. На полу, где Кравитц встретился с паркетом, остался кратер. Под ногами странным рисунком извивался телефонный шнур, словно обводил труп на месте преступления. Когда он успел разбить зеркало, Ленни понятия не имел.

– Как там паренек?

– Кто?

– Секретарша на входе. Жить будет?

– Будет.

– Ты бы подкинул ему монету, из моей доли. Еще к легавым сунется, окей?

– Настучать на Счастливого? В *этом* мире никто до та-

кого не додумается. Спинной мозг не позволит.

– Ну... тогда... всё?

Ленни хотелось, чтобы они пошли вместе. Чтобы друг выбросил чертову газету и отправился с ним расследовать это... неведомо что. Как в старые времена, которых никогда не было.

– Тогда всё. Удачи. – Мистер Умник не мог дождаться, чтобы он наконец свалил. Это ощущалось, как напряжение перед грозой.

Ленни горько посмотрел на Шилдса: а я скучал.

Он поправил шляпу. Тихий саксофон все так же умирал в пустынном переулке за стеной.

Терри Брютс тщательно прожевал свой сэндвич и отпил приличный глоток молока. Теперь он был похож на довольного жизнью фермера.

«Этот парень ходил под Хопсом», – сообщил старик Джекки и затаился.

– Как говорится, прошлое должно оставаться в прошлом, – он глуповато улыбнулся. – Спой мне лучше, что за буча случилась в приемной той шараги имени тебя, м?

Напомаженный парнишка забавно дрыгал туфлями, как будто пытался убежать вертикально вверх.

– Хмм... Дай подумать... – В стеклянных глазах мертвого Брютса замер громадный полукруг луны «Райских Полей». Кравитц доверительно наклонился и твердо произнес прямо

в рожу федерального агента: – Понятия не имею.

Тени в переулке

07/29 Su

Змейка сигаретного дыма кружила в воздухе, пока не разбилась об оконное стекло. Параллельные миры. Ленни отбросил книжку-коробок, которую забрал у табачника, теперь пустую. «Параллельные миры», – сказал Донни, словно профессор из дешевой фантастики.

– Утро, Ленни! – объявил альтернативный мистер Берри и улыбнулся. Жизнерадостно, совсем не так, как в блокноте.

– Ну здравствуй, Рэдмонд.

– При первых проблесках зари?

Он подошел к «Дыре» еще на рассвете. Тихая витрина кафе ждала в затененной линии домов напротив размалеванных фасадов Мидтауна. Сонный Дино был свободен от звуков. Лишь на 10-ой навстречу попалась группка плетущихся с утренней тренировки олухов, да полицейская сирена одиноко пронеслась где-то за спиной. Все было так же, как было всегда.

– А?

Сыщик втянул в легкие едва ли не всю сигарету. Он просто хотел отсидеться и непредвзято подойти к тому, что осталось от расследования, но никак не мог сосредоточиться. А теперь еще и этот хмырь появился...

– Я говорю, ты к нам зачастил. Надумал изменить жизнь к лучшему?

Так уж и зачастил? Он был уверен, что посещал *это* заведение с синими скатертями ровно один раз в жизни. А потом его выбросили на мосту. Великое дело – поменять скатерти? Так может, я действительно рехнулся? Траектории мыслей путались в клубок, в сердцевине которого колотился истошный вопль: «Что за херня тут творится?!»

– Окей. Значит, ребята из кафе хватают за'аров и перетаскивают в другую реальность. Чего ради?

В отражении витрин, посреди мостовой, в старом кресле вальяжно разместился не известный ему Шилдс со своей нелепой виктролой. Его камень мерцал тихим мистическим светом.

– Вероятно, у них могут быть какие-то идеи на этот счет, – осторожно ответил он. Что следовало понимать как: это такой дикий бред, что мне даже думать об этом больно.

Да, это бред, но остальное совсем не вариант. Ленни просто хотелось, чтобы друг слегка подыграл.

– Но тогда причем тут «Черный веган»? Зелье? Кафе? Овощная ферма? Инфраструктура – столько сложностей и ради чего?.. Можно открыть турфирму и не мучиться. Travis Passage: недельный тур в Антарктиду, из которого кто-то не вернется. А случись шухер, полиция навсегда запутается в юрисдикции. И каким боком тут Лори?

– А что тебе известно о Лори, приятель? – спросил Шилдс,

или лишь голос в голове сыщика.

Не так чтобы очень многое.

– Но главный вопрос: я-то им на кой?

Донни только развел руками. Тот ли это парень, который два дня вычислял динамическое сопротивление кейворитовой сферы с антигравитационным движком⁹²?

– Но ты прав, слишком сложная система.

– А может, бургер – кодовый сигнал? Ты платишь пять кусков, чтобы смотаться насколько возможно далеко, дальше Кетчикана...

«Рекс имел все резоны слиться из города», – утверждала Дросс.

«Скачки. Очень неудачно», – сказал крысеныш Стегманн про мистера Смита.

– ... делаешь заказ, и больше тебя никто не видит...

– Раньше здесь были ставки, – сообщил любитель скачек мистер Смит. Он сидел напротив двери, словно пес в ожидании хозяина. Видимый и ни капли не пропавший. – Контора «Счастливым номер». Славные деньки...

Следовало расспросить лудомана. Хей, чувак, ты случаем не перемещался между мирами? Однажды ты сильно задолжал букмекеру и решил слинять по-тихому, не? Сыщик пристально посмотрел на старпера, тот грустно улыбнулся в ответ. Сомнительно, что божий одуванчик выдержит прилич-

⁹² скорее всего Донни рассчитывал аэродинамическое сопротивление антигравитационной сферы с кейворитовым движителем, но это не точно

ный допрос. В любом случае – с этим позже.

«Ну так верни кулон», – просто ответил Донни. Он всегда мог подобрать точный ход. Между стеной с горшочками и грубой стилизацией под фахверк черным перпендикуляром легла линия проулка. Что там? Вилли Дракс с верным «Тедом» терпеливо ожидает свою посылку?

Цветастая подставка для салфеток, вкус металла на зубах⁹³, все как всегда. Огромный силуэт бабочки складывался из лазурных узоров скатерти. Логотип забегаловки. На месте Рэда Ленни выбрал бы кочерыжку. Или лепешку со вкусом ушной серы. Он тяжело выдохнул дым густым облаком перед собой. Лицо друга колыхалось в сигаретном тумане, будто карнавальная иллюзия. Дым и зеркала.

– Думаешь, за этим стоят корпорации? – мягко спросил Шилдс.

– А?

– По твоим данным, оплата Демпсу шла через одну из сестер.

– Сестер?

– «Элизиум», «Новая жизнь», «Трэвис»...

Святая Троица.

– И что?

– Значит, корпорации в деле.

Ха-ха. Донни издевался. Он был мил, вежлив, учтив, но

⁹³ бесполезный факт: отравление ртутью называется меркуриализмом или гидроаргиризмом

для того, кто знал гребаного циркача с детства, было очевидно: Донни издевался. И это начинало бесить.

– А сам бы с чего начал?

– Кроме того, что навел справки в больнице?

Перед глазами встал похожий на ленточного червя коридор. Милосердию здесь не место. Ленни содрогнулся.

– Ага.

– Я бы начал с явных нестыковок.

– Например?

– Двадцать седьмое июля, – медленно проговорил друг и в очередной раз замолк.

Позер.

– А что с ним?

– Ужин с полицейской... – Шилдс снова прищелкнул пальцами.

– Лиз?

– Да, Элизабет. Все верно?

– Ага.

Куда он клонит?

– А ко мне ты вломился днем все того же 27-го... ну, ты понял.

Галстук-боло разгорелся особенно ярко, и сыщику почувдилось, что насекомое шевельнулось в желтой смоле.

– В пятницу? – глупо переспросил он.

«Как будто ты комар, увязший в меду», – зловеще предсказал Краун.

– Уж надеюсь, что не в четверг⁹⁴.

– Хмм...

– А твой приятель, мистер Хопс?

Невозможный пансионарий, белый, будто только вышел из прачечной. Вокруг него распространялась неестественная, мертвая тишина. Казалось, все, что попадет туда, будет обречено навечно.

– А он что?

– Парень вернулся в город из-за статьи в газете?

– Ну и?

– И с каких пор «Шрайк» выпускают на Аляске⁹⁵?

Туше.

– Для начала бифштекс под соусом, – обронил громила, обводя зал. – Горячий и с дымком.

– У нас вегетарианское заведение, – с достоинством ответил хозяин и дружелюбно улыбнулся.

А ведь бугай мог бы сожрать такого, как Берри, целиком.

– Че?

– Только для травоядных, Билли, – объяснил амбал.

Два идиота, и оба вызывают ассоциации с барным шкафом. Снова костюмы на жаре. На этот раз какие-то расфуфыренные.

– То-то я смотрю, народу у тебя негусто, – Черноватый остановил взгляд на Ленни и глуповато ухмыльнулся.

⁹⁴ в четверг Донни Шилдс был очень занят

⁹⁵ напомним, «Shrike Evening Post» исключительно местная газета

Сделай свой ход, здоровяк.

– Вегетарианство – это философия, сэр.

– Для нас мог и постараться...

– По всему выходит, она замешана, – спокойно продолжил Донни. Насекомое в янтаре откровенно насмеялось над детективом.

– Лиз?

Он вспомнил, как Дросс сидела в ротанговом кресле, упреков острые коленки в подбородок. Теперь она казалась беззащитной и грустной.

– Она капитан полиции Дино – стало быть, берет взятки, – со вкусом рассуждал самый умный за'ар в комнате. Ленни мог бы поклясться, что это был вкус шпината. – А к тебе она навязалась, чтобы контролировать ход дела. Сдается мне, не все из действующих лиц оставались с тобой честны.

Его Лиз? Сыщик призадумался. Дросс всегда была своей в доску. Настоящий кореш, мало что в юбке.

– Сотня пропавших, а ее парни даже не чешутся. Брось, Элмор, не настолько же она плоха.

Может, и так, Дон. Может, и так.

– Безвкусный как черный веган, – произнес Кравитц где-то под конец.

– Извини?

– Эта фраза, ее сказал Хопс. Что-то вроде присказки. Ты слышал ее раньше?

Донни быстро заглянул вглубь себя. Так случилось, когда

он сверялся с памятью. Хотелось думать, что внутри живет его погибший друг Ленни и шепчет ответы.

– Не приходилось, – покачал головой Шилдс. – На слух не слишком афористично.

Афчто? Ну и хрен с ним.

Кравитц отвернулся. Все та же пустая улица, все то же жаркое солнце. Расщелина переулка разрезала фасады домов. Черная, будто пожирающая свет. Было в ней что-то космическое, предвечное, страшное. Ленни легко представил, как проем со свистом втягивает воздух, прохожих и проезжающие кары. Ох и не нравилась ему идея туда идти.

– Да что ж ты такой упертый, м? – агент Брютс со свистом выдохнул воздух. Зловонное облачко зависло над столом. – Думаешь, мне нравится хлебать дерьмо из корыта? Кому есть дело до твоего гомика Шилдса? Ну, прижал ты его бабенку малеха, что такого? Ерунда. Держу пари, у обоих с этого встал.

До знакомства с Теренсом Брютсом, Ленни наивно полагал, что это легавые – ни на что не способные клоуны, а в Бюро идут ребята попримитивней.

– Слушай, я пытаюсь не выходить за рамки культуры, окей?

Ленни непроизвольно потянулся к изувеченному боку: дробовик – культура федеральных агентов.

– Я бы мог бросить тебя в камере. Или закрыть в допрос-

ной. Там темно, холодно и грустно. Но взгляни вокруг. 160 квадратных футов освещенного пространства. Клинкерный кирпич, мореный дуб, керамические, сука, плафоны. Шумозащитные окна, наконец! Новые турбодфлекторы, которые помогают избежать застойных зон. И это, заметь, несмотря на аэродинамическую тень с восточной стороны здания...

Риелтор, блять.

– Короче, парень, тебя приняли по высшему стандарту Бюро. Мы не какие-то там звери...

Вы идиоты.

– Пойми, я ведь, в сущности, добрый парень. Я даже пожрать тебе сготовил.

Черный хлеб, рассеченный на два аккуратных треугольника на белоснежной тарелке. У Терри много талантов.

– Я вовсе не хочу, чтобы ты страдал от голода, жажды или чего еще. Пойди и ты навстречу.

Кружка с водой, черная, как зев колодца.

– Знаю, о чем ты думаешь, старая как мир игра: хороший коп, плохой коп. – Ленни думал, что ему нестерпимо хочется жрать. – Но я вообще не коп. – Он хохотнул. – Мы здесь все федеральные агенты. Ну, кроме тебя.

Чокнутый дядька. Держится так, будто ему вручают медаль: грудь колесом, ухмылка патриота. Чего ты пытаешься добиться, мудила?

– Если ты не будешь... – Он потянулся к тарелке, но Ленни перехватил сэндвич и целиком запихал в рот. – Вот и ла-

душки.

Что-то было не так.

Брютс улыбнулся, как если бы привел в действие хитроумный план, почесал пузо и положил на стол белую шляпу.

– Приметная вещица.

Что-то было совершенно не так.

– Много где побывала.

Сыщику показалось, что во рту рванула слезоточивая шашка.

– Ее видели отбывающей из детективного агентства на Гулд-стрит утром воскресенья.

Слезоточивая шашка бухнулась в желудок.

– После эта белая негодница полдня просидела в славном вегетарианском заведении «Дыра в стене». Но что-то она не похожа на травоядную. Она травоядная, Ленни?

Хрен ее знает. Ленни зашелся в кашле.

– Мне очень интересен маршрут этой шляпы, Кравитц. Потому что после кафешки ее заметили... знаешь, где ее заметили?

В нескольких словах Ленни высказал все, что думает об агенте Брютсе. Что-то типа «ф-ш-ш-ш-с-хкг».

– Понимаю, о чем ты думаешь, – легко откликнулся тот. – Это хабанеро. Самый острый перец в мире⁹⁶. Прямоком с благословенных полей... честно говоря, никогда не задумы-

⁹⁶ сомнительное утверждение

вался, где выращивают эту фигию⁹⁷. Ну да не важно.

Ленни залпом влил в себя содержимое кружки.

– Я бы на твоём месте... – издевательски продолжил Терри, – не стал пить то, что любезно предлагает за’ар, накопивший тебя сэндвичем с самым острым перцем в мире.

Ленни захрипел.

– Видишь ли, в воду я тоже добавил хабанеро. Очень много хабанеро.

Жидкий ад обрушился по пищеводу. Ленни почти увидел, как преисподняя извивается вдоль стенок. Жгучая, красная, неумолимая.

– Знаешь, ты можешь умереть, – доверительно сообщил Брютс. – Например, от шока.

Ленни схватился обеими руками за горло, будто хотел задушить себя.

– Хмм, тоже вариант... – фед отпил из стакана с молоком. – Твое здоровье!

Ленни отчаянно разевал рот, как если бы пытался укунить воздух.

– В общем, либо тыходишь в мое положение, либо... – Дьявольский агент пожал плечами. – Начнем, пожалуй, с переулка у закуской... Хей, хей, ты чего, стой, еще не пора...

«Не доверяй за’ару с молоком!» – успела прокричать мамаша Марш, и Ленни рухнул на дно колодца.

Его звали Териус, фамилии он не помнил. Сыщик выбрался на раскаленную Юнион и снова поправил шляпу. Чертов мудака, которого он подстрелил в том ангаре. С этого все и закрутилось. За спиной осталось витражное окно: беззвучные за'ары беззвучно поедали свои салаты. Дросс вышвырнули из Бюро, Арчи провалился на дно бутылки, Ленни угодил в общий блэклист. Остальное – уже история. Надпись с крыши тенью трепетала под зноем, бабочка в расплюснутой бубликом «О» будто подергивала крыльями. Отныне ни один законник не стал бы иметь с ним дела. Авеню, напротив, была пуста, как будто объявили сигнал воздушной тревоги. Кравитц так до конца и не понял, зачем он стрелял ублюдку в голову. Отменный выстрел, ярдов с шестидесяти. А теперь его мертвец бродит среди живых и щупает приличных за'аров за бицепсы.

Была история про этот сигнал.

Кравитц неотвратимо приближался к проему, черному, как поворот в бездну. «Бо-о-ойцы! – орет сержант Праймс по прозвищу Робот, и стекла дрожат от ужаса. – Вы услышали. Сигнал воздушной тревоги. – Он обходит строй, и парни таращат оловянные глаза перед собой. – Ваши действия, бойцы?!» «Мы берем личные вещи, документы, а также запас продуктов и воды...» – орет в ответ хор луженых глоток и далее шпарит по тексту.

Ленни остановился. Мрачный поворот ждал.

«Мы с тобой пройдем царство раскаяния и печали», – в

тот вечер сказал Ширес.

«Ты проведешь меня дорогою смертной тени», – мог бы продекламировать мистер Хопс.

«Будь героем собственной жизни» – призывал билборд, и закатная поляна роз клонилась на желтом виниле. Нью Лайф, Роуз Корп., все дела.

«О-о-от-ставить, – орет Праймс, и хор обрывает себя на полуслове. – В действительности. Вы будете носиться по городу. Как стая ошпаренных цыплят. – Желваки на его лице дрожат от ярости. – А ну-ка покажите. Как носится цыпленок, который услышал. Сигнал воздушной тревоги!» Солдаты бросаются врассыпную, кудахчут и нелепо машут руками, лишь его Донни стоит и задумчиво смотрит в потолок. Островок интеллекта в хаосе казарменного идиотизма.

Запертая тискаами домов линия проулка была разделена ровно надвое. По левой стороне стелилась тонкая пелена солнца, правая – утонула в тяжелой тени. Где-то там, в силуэтах мусорных баков, точно бешеная крыса, ныкался старина Дракс. Хочет ли он медальон назад, или это ловкач Шилдс просто решил отделаться от неудобного гостя?

«Это что еще, блять, такое?» – прет на него сержант. «Я цыпленок, – с достоинством отвечает Шилдс. – Я не знаю, что такое сигнал воздушной тревоги».

Он так и стоял, удивленно уставившись в небо, когда Ширес вызвал огонь на себя.

Дракса не оказалось на месте. Только скрученное в нору

тряпье, накрытое покрывалом теней. Это мы уже проходили. В этот раз – без «White Lizard». Ленни отошел и наудачу метнул камнем в воняющий ворох, высматривая, откуда может броситься тварь.

– Че за херня?!

Из норы на свет вылезло тощее существо. Оно было одето в грязно-бежевые оттенки всего, что можно отыскать на помойке.

– Че за херня?! – повторило существо, обиженно потирая бок. – Херня! Херня! Херня! Прехерово выхерная херня!

По долгу службы Ленни приходилось разбираться с алкоголиками, извращенцами, дегенератами, продажными копами и теми, которым не хватило ума продаться. Лизергиновые нарки давали фору любому. Они несли бред, блевали, снова несли бред, опять блевали, не чувствовали боли, ничего не боялись и блевали в блевотину.

– Заткнись, – процедил Кравитц, и существо с любопытством посмотрело на его.

Этот драный обдолбыш был кем угодно, только не Вилли Драксом. В любом из миров.

Если не подходить близко, его можно было принять за южного джентльмена, который разорился на скачках еще до войны⁹⁸ и с тех пор проживает в мусорном баке. Мешок с прорезями, надетый поверх изношенной рубашки, даже чем-то напоминал жилетку; повязанная вокруг шеи лента туалет-

⁹⁸ здесь: до Второй Мировой

ной бумаги – галстук. Панталоны из полиэтилена, шляпа, аккуратно собрана из газет. Когда существо двигало башкой, казалось, что буквы переползают по пожелтевшим страницам, словно вши. Трость из погибшего зонта дополняла образ.

– Что же ты здесь делаешь, мистер? – Кравитц постарался придать голосу иронию, которую можно встретить у прожженных детективов в кино, однако из затеи ничего не вышло⁹⁹.

– Правильное обращение «сэр». Это просто запомнить, сэр.

– Сэр?

– Ты быстро учишься.

Что за нахальство!

– Ты ведь не Вилли Дракс? – на всякий случай уточнил Ленни. Ну мало ли.

– Я Томми. Томми Волк, – ответил южный джентльмен и протянул руку. Сыщик проигнорировал жест.

Имя было смутно знакомо. Кажется, он что-то писал про войну или про Уолл-стрит.

– Писатель?

– Вот уж увольте. Современная литература – старорежимная пошлятина. Журналистка – вот настоящее искусство, – с потешным достоинством ответил Томми Волк. – Я журналист. Вернее был им в прошлой жизни.

⁹⁹ потому что тут вам не кино!

Ну конечно! Автор заметки про исчезновения в «Дыре», который исчез.

– «Шрайк»?

– В самую точку, приятель! Вижу, ты читаешь мои статьи.

– Я вырос на них, – ухмыльнулся Кравитц и пнул южного джентльмена в печень. Так, чтобы не расслаблялся.

Томми согнулся пополам, шарaxнулся в тень, но на ногах устоял. Он прохрипел что-то невразумительное, его вырвало, правда не на себя, а в мусорный бак. После всего он даже отряхнул полиэтиленовые панталоны.

Не чувствуют боли. Несут бред. Блюют.

– Ты зачем меня ударил? – наивно спросил Волк, так спрашивают дети. Бездомный вышел к самой границе света и уставился на сыщика. Казалось, он расплачется от обиды. Ленни стало не по себе. Привык общаться черт знает с кем...

Томми требовательно смотрел на агрессора и ждал ответа.

– Чтобы подвигнуть к дальнейшему сотрудничеству, – не слишком уверенно протянул тот.

– И как думаешь, получилось?

– Ну...

– Думаешь, если я живу на улице, меня можно просто так пинать?

– Я...

– Урод ты, – глядя в глаза Ленни сообщил южный джентльмен. И после раздумья добавил: – Надеюсь, ты сдохнешь от какой-нибудь страшной болезни.

– Очевидно, мы не с того начали...

– Очевидно, мы на этом закончим, – отрезал журналист и собрался к норе.

– Я могу пнуть тебя еще раз, – дружелюбно предложил сыщик.

Томми сжал трость-зонт так, что побелели костяшки. На его лице отразился тяжелый мыслительный процесс. Буквы с газетной шляпы бегали, словно иллюстрировали движение мыслей внутри черепной коробки.

– Не надо меня бить, – наконец попросил он.

– Ну что, будешь говорить?

– Буду. Но ты все равно урод.

– Как угодно. – Его называли и похуже. – Жил здесь до тебя один утырок. Он дал мне это. – Ленни продемонстрировал медный кругляш старины Вилли, как фокусник демонстрирует монету. – Что ты можешь сказать об этом?

В конце концов, если парень занимает место Дракса, может, он и исполняет обязанности Дракса?

Бездомный не проявил и капли удивления.

– Если эта херня у тебя, а ты – здесь, стало быть ты знаешь, что она такое, верно?

– А если я получил ее по ошибке?

– Серьезно хочешь поиграть в эту игру? – раздраженно спросил журналист. – Это билет.

Уже конкретнее.

– В смысле, для «Дыры»?

– Нет, блять, для Адской Кухни, чувак! Для «Дыры», «Дыры»! – вспыхнул Волк, но тут же боязливо оглянулся. Дряб- лое «ры-ры» эхом прокатилось по переулку.

«Если бить кого-то достаточно долго, рано или поздно тебе ответят» – ослабилась про себя Кравитц. Этому фрукту хватило и одного пинка.

– И как оно там устроено?

– Как-как. Как билет. Предъявляешь на входе, возвраща- ешь на выходе. Ты по жизни тупой или в поезде ни разу не был?

– Я имею в виду, как проходит перемещение? – терпеливо уточнил Кравитц.

– Тебе нужны научные выкладки? Квантовая механика, Манхэттенский проект, Оппенгеймер?

Ленни слабо представлял квант, но подозревал, что он несколько больше пинты.

– Допустим.

– Всего шесть слов, приятель, читай по губам: будь я про- клят, если я знаю¹⁰⁰!

Сыщик сделал вид, что замахивается.

– Но я ведь правда не знаю! – заорал Томми. – Слушай, если я расскажу, что за херня у меня есть, ты решишь, что я совсем кукухой съехал.

И этот тоже?

– Ты начинай, а там посмотрим...

¹⁰⁰ I'm fucked if I know. Все-таки не «проклят»

Волк тяжело оперся на зонт-трость и, словно заставляя себя, начал:

– Это был рассвет холистической журналистики. Ну, то, что мы тогда делали. В смысле, в ШИПе¹⁰¹. Потом все это херанулось медным тазом... Не суть. В общем, в тот раз я писал про один номер с исчезновением, который поставил какой-то хер... не важно. Там была четкая связь с периодизацией красных приливов¹⁰². Некоторые говорили, что это кровь погибших на войне солдат наполняет великую реку и прочий вздор...

Да, парень точно съехал кукухой.

– Че, блять?!

– Я помню! – неожиданно воскликнул южный джентльмен. Его глаза блестели, но взгляд ушел куда-то глубоко во внутрь. Вероятно, в рассвет той самой журналистики. – Из-за колонн, в полевом мундире, бледный, как будто с собственных похорон, вышел благородный господин. Его китель все еще хранил запах битвы, и воздух всюду стал пронизан голубым кружевом молний. Их вспышки трещали, словно переговаривались меж собой...

«Ничегошеньки вменяемого он мне не скажет. Нарк есть нарк, что с него взять», – отрешенно размышлял Кравитц,

¹⁰¹ Шрайк Ивнинг Пост

¹⁰² в конце Второй мировой Рэй-ривер временами приобретала красный оттенок. Причины этого явления так и не были найдены. По крайней мере, вне пределов холистической теории

разглядывая полосу света под ногами. На тонкой пелене солнца замерли тени. Массивный за'ар в угрожающей позе и южный джентльмен с тростью, изящный и стройный, будто его тень все еще хранила образ ускользнувшего прошлого.

Столько всего случилось, а все, что у меня есть, – игра света в грязном переулке.

– ... и господин пронзил мага.

– А?

Что? Когда это мы перешли к магам?

– Что «а»? Ножом, говорю, прямо между ребер. Слитным, точным ударом. Обсидиан – коготь дьявола.

В статье об этой драме не было ни слова. Да и кто бы такое дал в тираж?

– Ты об этом не писал, ведь так?

– Ну, тут... – замялся Волк. – Со мной такая херня случилась... В общем, мы заключили пакт... Он оставляет мне жизнь, я даю слово, что никому не рассказываю о том, что видел. Поэтому, когда начали пропадать за'ары, мне пришлось вести расследование, как будто ничего этого не было.

– То есть?

– То есть, я не мог писать о том, что знаю, и написал про то, чего не знал...

– Но ты знаешь, кто за всем этим стоит?

Или думаешь, что знаешь.

– Разумеется.

– И как его зовут?

– Я не могу сказать.

– Потому что дал слово? – саркастически уточнил Ленни.

– Слово – единственная ценность, которая есть у журналиста.

Ну да, ну да. Может, треснуть его еще разок?

– А *сюда* ты как попал? – Ленни особо выделил слово. Он не хотел говорить в слух про параллельные миры. Ну, мало ли.

– Да так же, как и ты, полагаю. Но это не принесло мне счастья.

А у меня, значит, счастья полные штаны?

– И вот тебе совет, не лез бы ты в эту херню, приятель. Я влез и посмотри на меня. – Силуэт Волка развел руками. – Пока что ты просто не вернул свой херовый медальон, но если продолжишь...

– Момент. Так его точно нужно вернуть?

– Тебя что, не предупредили?

Ну как сказать... «Передай мне на той стороне», – полжизни назад попросил Вилли Дракс. Круг херни смыкался.

– А кому вернуть не подскажешь?

– Да хоть бы тем парням, которые сейчас долбанут тебя по черепу.

Тень южного джентльмена тонко улыбнулась расплывающемуся очертанию за'ара, когда два гигантских силуэта выступили на солнечную дорожку из пустоты. Одно мгновение, и первый уверенным движением приложил Ленни по затыл-

ку. Силуэт сыщика сложился в пятно и рухнул на сторону тьмы. Тень южного джентльмена отсалютовала тростью и ретировалась с линии света.

Знакомые лица

Свет возвращался в сознание Ленни мучительно и неторопливо. Казалось, в глотку залили свинец, и теперь он продолжает плавиться где-то в кишках. Сыщик застонал, будто старался взять жалостливую ноту с пластинки Шилдса.

Не доверяй за'ару с молоком!

Будь спокойна, карга, урок усвоен.

Полосы солнца тянулись по поверхности стола, и первое, что увидел Кравитц, когда зрение сфокусировалось, – злополучная шляпа. Она лежала напротив, словно заснеженный пик в закатных лучах. Не такая белая, какой могла быть. Поля истрепаны, на тулье осталась вмятина, там где один из амбалов приложился к его затылку, в серебряной ленте застряли льдинки стекла. Лори хотела почистить, он не позволил.

Фетровая шляпа висела на стойке у выхода из кабинета Шилдса. Одинокое пятно, такое белое, будто кто-то забыл его закрасить. Ленни осторожно провел пальцем по полям.

– Твоя?

– Кто я, по-твоему, гангстер?

В какой-то момент сыщик был уверен, что за кроссвордом у друга спрятан пистолет, и тот ждет повода выпустить в него

обойму. Маленький женский браунинг. Его Донни ненави-
дел оружие.

«В том-то и дело, что я понятия не имею, кто ты» – груст-
но подумал гость.

– Клиент оставил.

– Будет моей. – Сыщик лихо нацепил находку. – Это ведь
самая дикая история, которую ты слышал, да?

– Почему, она даже забавна. Дыра в стене континуума,
сфера Шварцшильда, и все такое.

– А?

– Горизонт событий. Пространство вокруг черных дыр, из
которого не может выбраться ничего. Даже свет.

В чем-то он совершенно не изменился. Все тот же Умник.

– Я сообщу, если у меня получится, – неловко пошутил
Ленни.

– Окей, – равнодушно ответил Дон. Пластинка подвывала,
как скулящая за окном дворняга.

«Окей» – это все, что ты мне скажешь, приятель?

– «Ф-ш-ш-ш-с-хкг», – по буквам повторил Терри, появив-
шись в поле зрения. – Это все, что ты мне можешь сказать?
Серьезно?

Он ходил враскорячку, как если бы шары натерло седлом
или просто отбили в подворотне.

– Знаешь... – начал агент Брютс. Ленни решил называть
его агент Мразь. – Знаешь, – начал агент Мразь, – как псов
отучают грызть что ни попадя?

Он снова принес молоко и воду. Что теперь?

– Мажут перцем, допустим, косяк двери, и убирают миску с водой. Мелкие поганцы весь день носятся с обожженной пастью и больше не пытаются портить вещи. Если не слишком тупы. До моего бигля никак не доходило. Скормил его варану.

Агент Мразь поставил перед задержанным кружку. Он издевается?

– Так скажи мне, Ленни, ты особенно тупой? Тебя тоже скормить варану?

Техасец сделал крупный глоток, над губой остались тонкие усики.

– Там, откуда я родом, говорят, что молоко пьют только педики и младенцы, – с трудом выдавил из себя Кравитц. – И что-то для ребенка ты староват.

– Ты ж из Динаполиса, м?

– Вот именно.

До него доходило, как до бигля.

– Ха-ха. Смешной ты парень, Счастливчик. Ты бы пригубил, тебе сейчас полезно. Обезвоживание и прочая хня.

Это вселенная идиотов, догадался Ленни, а Брютс у них что-то вроде короля.

– Слушай, ты наверно думаешь, что я сволочь. Но поверь, я действую в твоих интересах.

Кравитц отрыгнул облачко огня.

– Я же в целом нормальный парень, окей? Но придет мой

босс... – Брютс вскинул руки, молоко кляксой ударило по столу. – Такое и в кошмаре не приснится.

Ленни молчал. Его кошмары всегда были где-то поблизости.

– Прямо сейчас босс наверху, изучает твою книжку с картинками и пулевым отверстием мелкого калибра. Смекаешь?

Интересно, рассказать агенту Мразь, что я видел его с дымящейся дырой между глаз?

– А когда закончит, когда спустится... Короче, ты окажешься в заднице по самые яйца. – Терри поежился и изобразил нечто непонятное.

Если в дыре и были мозги, Ленни их не заметил.

– Но не переживай, такое могло случиться с каждым. Просто расскажи мне, на кой черт вы со шляпой разнесли половину Рэнда и кто еще принимал участие в замесе. И, возможно...

– Убийства первой степени, – перебил сыщик. Он попытался достать большими пальцами подтяжки, но их не оказалось на месте. – Двенадцать покушений¹⁰³, грабеж, тяжкие телесные, и что там еще? – Он выдержал паузу. – И ты решил запугать этого за'ара?

– Постой, Билли, – донесся ленивый голос из темноты. – А это что у нас?

¹⁰³ всего восемь, Ленни, всего восемь

Бесцеремонные пальцы пролезли сыщику за спину и вытащили блокнот.

– Что там, ствол? – пробубнил невидимый Билли.

– Да не, мошна¹⁰⁴ какая-то...

Назвать «мошной» чехол ручной работы от «Gator holster»? Да лучше бы ему еще раз врезали по черепу.

– Скорее подсумок.

Давайте, парни, мочитесь мне в душу!

– Тяжелая хрень, впору колоть орехи.

– А что внутри?

Застежка открылась с характерным звуком.

– Скетчбук, или вроде того.

– Ну так и выбрось.

– Мистер Ди сказал принять клиента со всем бараклом. –

Клиент почувствовал, как ему под трексу просовывают блокнот. – Ты же не хочешь злить мистера Ди, Билли?

– Да похрен уже, – снова пробубнил Билли. – Все достало.

Жара эта гребанная. Толстяк, вообще, что там думает, или как?

– Ничего, что было бы приятно услышать.

Сыщик наконец узнал их. Понторезы в жутких шмотках и без мозгов.

– Типа, блэкаут? У него там панель сгорела, или че? – не отставал бубнящий. – Вчера Сант-Гуар отрубил, начисто.

¹⁰⁴ в оригинале: purse

Пациенты небось передохли. В Доках¹⁰⁵ неделю перебои. У меня возле хаты фонари накрылись. Нет, прикинь, каково домой переться.

Ленни прикинул, как бугай с кровавой розой в петлице жметя в полночном мраке. Интересно, кого он опасается встретить? Саблезуба?

– Это из-за принципа, Билли. «Отсутствие доверия в нашем деле не лучший базис для сотрудничества» – его слова, не мои.

– Гмм?

– Короче, никто из нас не попадет на ту сторону, пока мистер Ди не вернет хвост¹⁰⁶.

Момент, то есть это шеф амбалов торчит веганскому распорядителю? Или о чем они тут?

– То есть, Джонни, я хохмы ради полдня таскаюсь с этим цветком? Хорошо, хоть этот мудозвон соизволил объявиться. Надо было в кафе брать, и делов.

В окончании фразы Черноватый пнул лежащего детектива, не позволив усомниться, кто именно тут мудозвон.

– Консьерж сказал свое слово, – твердо ответил Джонни, и Билли предпочел заткнуться. – Ну, взяли.

Так, значит, Рэдмонд – это Консьерж? И что значит «объявился»? Жесткие руки подхватили сыщика под мышки и

¹⁰⁵ Старые Доки расположены на севере Динаполиса, между Старым городом и Предместьями; Новые – на юге. О каких именно говорит бубнящий, мы не знаем

¹⁰⁶ не расплатится

поташили сквозь темноту.

– Ебучая роза, – снова начал ныть Черноватый. – Я как гребаный педик повсюду с ней. А знаешь, что за Рекой делают с педиками?

– Это морозник¹⁰⁷, – поправил Джонни. – Демонский бутон.

– И хрен с ним, – продолжал ныть Билли. – Если бы ты не просрал посылку, мне бы не пришлось давиться репой.

Каким макарон роза (будь она морозником или туфлей королевы) связана с репой? Сыщик рассчитывал, что ему еще представится случай потолковать с этими фруктами по душам.

– Там нет репы, Билли. Только семена саговника...

– Да пофиг мне.

– ... без добавления масла и дрожжей – с нотками злорадства продолжал Толстопуз.

– Пусть зомби это жрут.

– Ты всерьез хочешь поручить это зомби? Они же тупые, как дети.

– Ненавижу детей, – откликнулся Билли и потрянул безвольное тело, будто именно детектив был предметом его ненависти.

– И не терял я посылку. Все вопросы к нашим партнерам на *той* стороне.

¹⁰⁷ Hellebore – буквально «адская дыра»; согласно поверью, с помощью этого цветка можно призывать демонов

– И хрен бы с ними... Ну что, в Рэнд? Или снова попытаешь счастье в булочной? – Последнюю фразу Черноватый произнес с неясным подтекстом.

– Следи за языком, – бросил Толстопуз и тоже тряханул Ленни.

Я им, что, груша?

На мгновение сквозь черноту век проступили контуры бульвара Стаута, запертые линией проулка. Бледные высотки скользили куда-то по искаженному горизонту. Замерший на выходе континенталь неторопливо плыл прямо на сыщика, словно лодка в прилив. Четыре тонны серебристого металла, раскаленного палящим солнцем, намеревались проглотить непутевого детектива с Гулд-стрит.

Ленни было хотел объяснить мордovorотам свое недоверие к колесному транспорту, но его голова врезалась в нечто твердое, и он снова пропал в темноте.

– С таким подходом парень вряд ли дотянет до обеда, – предостерег напарника Джонни, но Кравитц этого уже не услышал.

Следующее, что увидел Ленни, это пальмы, качавшиеся на лазурном фоне, как если бы его перетащили с одной панели комикса на другую.

В зеленых зарослях высилась невысказанной отделки башня, выполненная в палитре прилавка с мороженым. Мешанина линий и острых углов стремилась в небеса. Мечта гео-

метра. Укрытые в арках окна отливали солнечным светом. Алхимик прятался в бункере. Консьерж распоряжается в дыре. Волшебник живет в башне, похожей на детский праздник. Сыщик вспомнил серьезную девочку из коридора. Дочь Лори.

Гребаный багажник континенталья, раскаленный, как адская духовка. Он мог запечься до смерти, или сгореть, как Шериф Кэссиди, если бы кар попал в аварию и загорелся. К последствиям теплового удара стоило отнести то, что над дискообразной крышей Рэнда восседал бананово-лимонный дракон¹⁰⁸. Резкие треугольные крылья полукругом смыкались над недостроенной площадкой, отчего казалось, что зверюга оберегает разоренное гнездо.

Впрочем, Рэнд оказался отнюдь не Рэндом. «Captain Deigh¹⁰⁹ Light» гласила вывеска. Разноцветные лампочки, похожие на кондитерское конфетти, мигали, будто их украли с аттракциона. Пальмы трепал ветер. Кравитц представил, что его тащат по туристической открытке.

Двое громил проволокли обмякшее тело вдоль накрытого грязной пленкой бассейна и начали долгий подъем по лестнице. Ноги колотились о ступеньки, как по стиральной доске. У Мамаши Марш была такая, и однажды она постирала на ней голову Ленни. Он все еще помнил звук, который из-

¹⁰⁸ это сомнительное архитектурное решение не имело никакого отношения к ударам по голове чем бы то ни было, уверяем

¹⁰⁹ Капитан Ди – популярный супергерой

давал подбородок, подскакивая на металлических ребрах. И запах мыла.

Его швырнули на голый бетон, то ли на девятом, то ли на одиннадцатом этаже.

– Тед Купер. Из глотки зверя, – по слогам прочитал Билли, задумчиво разглядывая пряжку ремня. – Мерзкое пойло. Мягкое, как кисель. Такое говно пьют только педики и дети.

Дети? Из какой помойки ты вылез?

Бугай еще немного постоял над распластанным телом, а затем сильно пнул сыщика в висок. Обиделся на помойку, не иначе.

Ай.

– Жизнь – боль, – глубокомысленно заметил Джонни.

И этот туда же. Кажется, климат Динаполиса способствует развитию философского мышления у идиотов.

Дверь захлопнулась с драматичным лязгом, словно охраняла камеру смертников.

– Будем надеяться, он очухается, – донесся удаляющийся голос. – Если что, мистер Ди тебе не спустит.

– А хрен ли. Святоша сказал, этот чмошник положил на ферме кучу наших.

– Там не было наших, только федеральные агенты. И лучше не зови его «святошей»...

Дрип-дроп – стекала кровь на бетон, только не понятно, откуда. Волшебник живет в башне, нелепый дракон стережет его покой. Дрип-дроп – и вуаля: почти без усилий Ленни

очутился в логове плохих парней. Создавалось впечатление, что сыщика тащат по сюжету невидимой силой.

– А знаешь, что еще можно сделать на эти деньги? – спросил Донни, когда Кравитц закончил неловкую шутку про покупку кара на гонорар. – Нанять приличную ищейку¹¹⁰.

Тик-ток – стучали уютские часы. Вы нанимаете нюхача, если действительно хотите кого-то найти. Или детектива – если недостаточно богаты. Бойскаут-Ширес, безусловно, мог позволить себе многое.

– Ты спрашиваешь, зачем вегане похитили Лори. Но на кой черт с таким делом твой приятель сунулся именно к тебе?

Тик-ток – золотой янтарь застежки пульсировал под закрытыми веками. Звук поднимался от пола. Звук дрожал между перекрытий, сочился из бетонных пор и отражался от стен. Дрип-дроп – черная кровь ударялась в пустой темноте, и эхо волнами резонировало по барабанным перепонкам. Мир вокруг прояснялся насыщенным черным, будто его рисовали углем на тонированном стекле, и Ленни увидел здание на несколько этажей насквозь. Наверное, так бывает, когда тебе окончательно отбили мозг¹¹¹.

Где-то внизу, за пересечением контуров стен и потолков, стояли двое. Их очертания путались в мешанине теней и ли-

¹¹⁰ то есть за'ара с крайне развитым обонянием. Ищейки редки и обычно работают на военных, разведку и тех, кто готов платить неприлично большие деньги

¹¹¹ нет, не бывает

ний.

– Парни Брутса выглядели, как кучка дробил, – задумчиво сообщил мощный силуэт. Он говорил с гортанным акцентом, смягчая гласные.

– И тем не менее, пока мы движемся с минимальными потерями, – мягко отвечал второй, изящный и тонкий.

– В рот твои потери! – внезапно заорал мистер Акцент, но затем продолжил уже спокойно: – Если *наш друг* узнает... мы все потеряемся, и больше никогда не найдемся...

Это ли Волшебник? Какой-то он дерганый. Будто травоядный.

– Сначала *нашему другу* придется выбраться наружу.

– Для затравки – потеря посылки и нападение на конвой. Не удивлюсь, если именно *наш друг* спустил на нас этого психопата. Так что смерть Вонючки, скорее всего, тоже на его совести.

– Бог дал, Бог взял, – неосторожно отозвался собеседник.

Здоровенная тень метнулась и, видимо, схватила Изящного за грудки:

– Знаешь, я верю, что где-то глубоко внутри тебя действительно скрыта душа христианина. Продолжишь в том же духе, и клянусь, я вытащу ее наружу! – рявкнула тень, и контуры стен задрожали, а силуэты смазались, будто кто-то провел пальцем по туши.

– Угрозами ты унижаешь нас обоих, – с достоинством ответил обладатель души, и вспыльчивый отступил на два ша-

га. – Я понимаю, Вэл, твой крест тяжелее моего, но не думай, что ты одинок в своем страдании. . .

«Они тут все чокнутые» – мелькнула глубоко в сознании острая мысль, и картинка начала расплываться.

– А, мистер Бенкс и мистер Блек. Надеюсь, у вас хорошие новости. . .

«Надо валить» – решил Ленни и окончательно провалился в никуда.

– Надо врезать как следует, – заявил мистер Бенкс или мистер Блек, – он и очухается.

– Только не по голове, – посоветовал другой. – Такими темпами он у тебя точно хвост откинёт.

Кравитц успел очнуться, но все равно получил кулаком в живот. Это называется карма.

– Блять!

В колониальном интерьере у английской решетки¹¹² между линиями позолоченных колонн прямой, как гномон в рыцарском замке, в белоснежном костюме-тройке улыбался мистер Хопс. Бывший пансионарий был свежим и светлым, будто недавно сбежал из рая. На вид – настоящий консьюльери. Рядом с ним стоял невысокий, но чертовски мощный за'ар. Смуглый, почти черный, в пепельной футболке и в роговых очках, он был похож на учителя биологии, пережившего генетический эксперимент. Янтарные глаза с вер-

¹¹² здесь: витражное окно в деревянном переплёте

тикальными зрачками¹¹³ твердо наблюдали за сыщиком.

Никто из них не был Волшебником. Даже не близко.

– Частный детектив Кравитц, известный как Счастливчик, проездом с того света, – объявил невозможный мистер Хопс. – И мертвые восстанут из могил...

Ленни помнил эти глаза.

– У тебя, наверное, голова раскалывается от вопросов?

Перед ним стоял Вилли Дракс этого мира. Могучий, как греческий бог.

– Но мы тебе на них не ответим.

Новый мистер Дракс мог бы пройти насквозь бетонную стену. Или разорвать такого, как Кравитц, пополам.

– Зато ты расскажешь нам всё.

Его роговые очки стоили жизни тысячам черепах.

– Но сначала вы отдадите мне мое, – наконец вступил в разговор Вилли. «Я вырву тебе кишки и запихну обратно через глотку» – услышал сыщик.

– Я могу дать тебе пинка, – неловко улыбнулся Ленни, показав фиксу, как будто она могла сгладить острые углы. И снова получил в живот. Толстопуз и Черноватый, или Джонни и Билли, стояли рядом, как почетный караул. В петлице мистера Блэка красовалась все та же адская роза.

– Не стоит проявлять излишнюю агрессию, мистер Бенкс.

– Да, мистер Ди.

¹¹³ вертикальные зрачки – редкость для за'аров. Считается, что их обладатели произошли от драконов

– Мистер Хопс, прошу.

Дракс обращался к подчиненным, как капитан в гребаном пиратском фильме.

Бывший пансионер скользнул по ковровой дорожке и легко извлек из нагрудного кармана Ленни медальон. Серебряный карандаш у горла, прямое дыхание на лице.

– Берущий у нищего дает взаймы Господу, – сообщил проклятый святоша, передавая безделушку.

Мистер Ди едва надавил пальцами и медный кругляш распался. Кравитц испытал невероятное облегчение, когда захрустели половинки. Было два Дракса. И два мира. И из одного передали презент в другой. А значит, «обратная сторона» существует, и остальные версии Шилдса можно смело смывать в сортир.

Внутри медальона оказалась белая лента, исписанная мелким почерком. Какое-то время босс напряженно изучал находку.

– Бесполезно. Данные безнадежно устарели. – Он смял бумагу в кулаке. – Слышали? Вы абсолютно бесполезны, мистер Кравиз. Впрочем, как и всегда. На моей памяти, единственное, что вы сделали кстати, так это сдохли. Однако вряд ли это входило в ваши планы. – Он о чем-то пошептался с консильери. – Теперь о вашей судьбе. Вы умрете. Как и мы все, впрочем. Но конкретно вы – намного раньше остальных. А до того как ваше существование перейдет в фатальную фазу, наш дознаватель подвергнет вас определенным процеду-

рам. Во-первых, нам интересно все, что вам удалось собрать о нашей организации, а также источники, из которых вы эту информацию почерпнули.

Он говорил легко и свободно, будто работал юристом в Бостоне¹¹⁴, даром что с нелепым акцентом. И что должно случиться, чтобы такой за'ар опустился до состояния помойного нищего? В любом из миров.

– Во-вторых, когда вы это расскажете (а вы расскажете), вас продолжат пытаться до тех пор, пока вы не умрете. А умрете вы не раньше, чем узнаете, каково на вкус ваше правое яйцо. Таким будет наказание за то, что вы убили Вонючку.

Ленни хрюкнул от неожиданности.

– Вы что-то сказали, мистер Кравиз?

Вздернуть всех на нее! Карамба!

– В этом ты ошибся, приятель. Я не убивал никакой... вонючки.

– Вот как? – Брови над роговыми очками приподнялись. – Вы уверены?

Ленни был абсолютно уверен.

– Я бы запомнил.

– Мистер Хопс?

Жестом фокусника Тони извлек из воздуха газету и повернул ее Ленни. Обугленное помещение на фото и подпись «Чудовищное убийство в больнице». Подозревается Леонард Элмор Кравитц, частный детектив с Гулд-стрит. Бог во-

¹¹⁴ неофициальная столица юриспруденции ди'Америки

ни далекого проулка передавал привет с того света. Гребаный пансионарий лыбился поверх страницы.

«Я убил Вонючку, – отрешенно подумал Ленни. – А следовательно, работаю на психопата, которого натравил на эту парочку клоунов какой-то мудака¹¹⁵. И теперь меня заставят жрать мои яйца».

– Я согласен, Вонючка слил жизнь в унитаз, – продолжал мысль мистер Ди. – Но я все равно относился к этому куску дерьма как к брату. В конце концов, он был мной, которому не так повезло. А вы его убили, да еще столь жестоким образом. Не уверен, что хочу знать зачем. Возможно, зверство просто часть вашей природы. – Он немного помолчал. – Теперь ваш жизненный путь очерчен. Вопросы, пожелания, предложения?

– Я только надеюсь, что оно будет вареное.

– Вареное?

– Мое яйцо, – осклабился Кравитц и снова получил в живот.

Время как будто остановилось, когда пудовый кулак Толстопуза встретился с лицом Счастливого. Под ударом щека детектива деформировалась, он почувствовал как костяшки медленно вдавливаются в скулу. «Будет больно», – успел подумать Кравитц, а потом мир ускорился, и стало больно. Кровь плеснула по шершавому бетону, как по холсту Джек-

¹¹⁵ нет, Ленни, ты и есть этот психопат, прости

ки Поллокса.

Громадный за'ар нависал над ним, как утес. Утес в дорогом французском прикиде.

– Я вот что думаю, – дружелюбно начал сыщик. Он был жестко привязан к стулу на все том же девятом или одиннадцатом этаже. Стул удивительно прочно стоял на полу. – Разве меня не должен пытать тот другой чувак?

– Он задерживается, – улыбнулся Толстопуз и снова смазал по лицу. – Но я с радостью проведу с тобой время, топ амі.

– Нам же не обязательно это делать? Мы можем просто... ну знаешь, поболтать?

– Не волнуйся, мне это не в тягость. – Джонни зарядил еще раз, и фикса сдвинулась с зуба. – А ты хотел узнать что-то конкретное?

– Раз я все равно помру, может, расскажешь, что за херня тут творится?

– Ты ж, типа, детектив. Вот и расследуй. – Амбал провел легкую серию из трех боковых и одного прямого.

А я что делаю, дурная ты башка. Это называется допрос.

– Так, это, что там за тема с бумажкой в медальоне?

– Информация, – охотно пояснил мистер Бэнкс, остановившись в боевой стойке. На его белоснежном рукаве остались капельки крови. – Общая разница между *планами* около суток, но некоторые события происходят со значительной отсрочкой. И если знать заранее результаты матчей, скачек,

и прочей фигни, можно нехило навариться.

«27-го июля», – сразу отметил Шилдс.

– Насколько?

– Да вот, отстраиваемся, – с какой-то особой гордостью развел руками громила.

Оказывается, вкусовое безумие воздвигали по проекту гангстерской шайки. Ленни от души расхохотался.

– Я сказал что-то смешное?

– Прости-прости. Я думал, вы здесь засели, потому что вам негде жить, а местные бомжи заняли все мусорные баки на районе... – Ленни снова зашелся от смеха.

– А ты хохмач! – Бэнкс с замаха пробил хохмачу в печень, где его кулак встретился с седельной кожей «мошны». Ты же сам ее засунул, идиот. – Вау! Что там у тебя, пресс?

Идиот по-детски подул на костяшки, а потом резко двинул локтем в многострадальную челюсть сыщика. Фикса не выдержала и пустилась в свободное путешествие по рту.

«Моя жизнь полосатая, как зебра, которая сгорела дотла, – грустно подумал Кравитц, проведя языком по обнаженному зубу. Зуб качался. – И кажется, очень скоро пепел заметут под ковер».

Толстопуз криво ухмыльнулся и занес кулак для удара.

Крыса в ящике

Редко встретишь за'ара с поставленным панчем¹¹⁶. Кулачные техники распространены среди бойцов, другие больше полагаются на природное оружие – когти. При везении ими можно пробить артерию. При невезении кулаком можно... отбить кулак. А потом громила типа мистера Блэка избьет тебя до смерти твоей же оторванной конечностью. Так себе перспектива. Не удивительно, что боксерские залы хиреют. Тот же Джонни мог без труда крошить руками гранит, но, когда потребовалось выбить дерьмо из обычного сыщика, вышло как-то... беззубо.

– На хер вашего Берри! Чего ради я полдня топтался с гребаной розой? Его чувства юмора?

Толстопуз куда-то запропастился. Босой Кравитц сидел плотно привязанный к стулу в бетонном ящике и слушал приглушенные голоса. Его вингов нигде не было видно, шляпа, кажется, осталась внизу. Хорошо, хоть до белья не раздели.

– Это морозник, – педантично поправил мистер Ди.

Сыщик представил, как Большой Босс стоит в своем помпезном номере, словно на приеме у монарха. Толстый ковер, дворцовые люстры и английская решетка в пол. Окно выходит аккуратно на стену соседнего здания, и все, что есть

¹¹⁶ здесь: любой удар кулаком

у Вилли вместо великолепного вида, это жопа старпера, который раз в час выползает покурить. При этом жопа обязательно в трусах, а трусы – в горошек.

Надо сваливать. Ленни напряг все мускулы, подтяжки больно врезались в плечи, но веревка не поддалась.

– Да пофиг, – продолжал свое Черноватый. – Вы отстранили Джонни, мистер Ди, но он говорит, что это на *той стороне* напутали с посылкой. А теперь мне давиться всякой дрянью. Может, пусть лучше Джонни снова жрет это веганское дерьмо? Ему же нравилось...

– Мы не думаем, что ошибку допустили наши партнеры. – Кравитц не понял, было ли это «королевское мы» или большой босс имел в виду себя и пансионария. – К сожалению, ошибку совершил именно мистер Бенкс, что очевидно. А потому теперь его почетная обязанность – это ваша почетная обязанность. Судьба мистера Бенкса решится позже.

Вряд ли мистер Дракс тот за'ар, которому можно кидать предьявы, и Билли Блэк скоро догадается об этом. Билли не догадался.

– А еще я ни хрена не вижу без очков. На кой черт вы запретили мне очки? Я и так выгляжу как идиот.

– Откуда тебе знать, как ты выглядишь? – вмешался Хопс. – Ты же не видишь.

Гребанный психопат прыгает из мира в мир, как будто у него проездной. Но значит, состав Алхимика для перехода совсем не нужен. Или это *другой* пансионарий? Ленни в оче-

редной раз понял, что ни черта не понимает.

– Я сделал это, потому что могу, – мягко сказал Дракс. Но Черноватый, видимо, опять не уловил ситуацию, потому что спустя секунду большой босс уже орал диким голосом: – Сними немедленно, сучара! Надо будет, ты у меня цилиндр нацепишь! И смокинг. И нос – клоунский! И подушку-пердушку! Понял – нет?!

По ходу дела, мужик воспринимал очки в качестве знаков власти или что-то вроде этого.

Сыщик попытался раскачаться на стуле. Тот оказался утоплен в бетон. Буквально – утоплен в бетон. Да кто ж так делает?

Главарь банды, которая промышляет контрабандой за'аров и зарабатывает на скачках. Интересная карьера. Однажды он встал с постели и сказал себе: «Окей. Сегодня я найду дверь между мирами и как следует подниму бабла». Ленни был почти уверен, что ничего подобного чувак не делал.

А что он сделал, так это напал на ферму. Ферму, которая производила соус. Соус, который, безусловно связан с похищениями. Или это Ленни так решил? Демпс говорил о Волшебнике. И этот Волшебник, ясное дело, не Вилли, каким бы крутым он ни был. Кто-то из них влез в чужой бизнес или просто не поделился монетой?

Пленный застонал. Голова буквально раскалывалась от мыслительного процесса¹¹⁷. Сейчас бы сильно помог внут-

¹¹⁷ да, именно от этого

ренный голос, но после агентства личный Шилдс Ленни растаял, как ярмарочная иллюзия. Он еще нашептывал что-то в кафе, но это был уже ненастоящий Шилдс. Так, фантомные боли.

– Простите, что опоздал, – прервал его размышления мальчишеский голос. – Вы долго ждали?

В бетонном ящике появилось новое лицо, и это лицо также было сыщику знакомо. Высокий гребень, тощее тельце и взгляд, как у растерянного петуха, – все это Ленни самолично отобразил в портрете. Тот придурок, что барыжил лизергинкой и пропал в кафе на глазах у наружки Лиз. В руках пропавший держал два ящика, закрытых коричневой тканью, палку и что-то похожее на большую воронку. Ленни не удивился бы, начни парень показывать фокусы.

– Ты еще кто?

– О, простите, – снова извинился опоздавший. – Я Рексфорд Джонс, можно просто Рекс или Рекси. – Он глуповато улыбнулся. – Меня попросили помочь вам рассказать мистеру Ди всё, что вы знаете.

«До того как ваша жизнь окончательно прервется, наш дознаватель подвергнет вас определенным процедурам». Банда головорезов, которые не умеют резать глотки. Кравитц собрал все силы, чтобы снова не рассмеяться. Довольно и одной фиксы.

– Значит, пытки?

Он видел этого Джонса в «Дыре», и совсем недавно. Как

тесен славный новый мир.

– Как получится, – отчего-то смутился Рекс. – Я всегда надеюсь, что не придется доводить до крайности, но... – Он вздохнул и неловко опустил ящики на пол.

И как случилось, что меня поймала кучка долбоебов?

– Не злитесь, если что-то пойдет не так, окей? Для меня процесс дознания немного в новинку.

Он называет это *процесс дознания*. Ну что здесь может пойти не так?

– Раньше я трудился в сфере продаж, мелкий опт.

– Лизергинкой барыжил, – ехидной поправил сыщик.

– Да, – удивился бывший оптовик. – Но когда я перешел из, ну...

– Из настоящего мира.

– Вы много знаете. Это хорошо, есть с чем работать. –

Он неуклюже закрепил железный конус на шиколотке Лени: горлышко регулировалось ремнями. Это еще что? – В общем, бизнес у меня шел так себе. По правде говоря, чаще всего меня били. В один раз я потерял партию и оказался должен не слишком терпеливым за'арам. Так что, когда мне предложили *перейти*, я особо не раздумывал.

– Момент-момент, а кто предложил?

– Я вам не скажу, – вежливо ответил Рекс.

Он постоянно двигался, и это невыносимо раздражало. Ходил взад-вперед, поправлял одежду, теребил свою нелепую палку. Хромированная железка с изогнутыми зубьями

на конце напоминала гипертрофированного размера вилку для мяса. И что ты сделаешь, приятель? Затычешь меня ей до смерти?

– И почему?

– Лизергин? Зависело от того, как сильно били.

– Переход. На сколько потянет перебраться на эту сторону?

Рекс посмотрел на пленного, как будто его спросили, почему нынче воздух.

– На нисколько, – наконец ответил он.

– В чем смысл тебя за так на закорках таскать?

Парень пожал плечами.

– Теперь батрачишь на Вилли, что ли?

– Мистера Ди? Нет, что вы. Я фрилансер. Как говорится, новая жизнь – новый ты. Пора заняться чем-то еще.

За'ары не меняются. Все эти мелкие барыги и недобитые бандиты, которые якобы мечтают начать заново. В следующий раз я не стану лупить жену за то, что она такая сука, говорят они. В следующий раз я не выпущу обойму в мужика, который слишком резко потянулся к бумажнику. Я буду лучшей версией себя. Ты будешь тем же говном, отвечает жизнь.

– И ты придумал стать палачом?

Я буду пытаться привязанных к стулу бедолаг жестяным конусом.

– Специалистом по извлечению информации, – легко поправил фрилансер. – Дело в том, что мой папа... Вы толь-

ко не смейтесь, окей? В детстве мой папа профессионально охотился на крыс...

Очень смешно. Ленни посмотрел на собеседника. Тот двигался, даже когда ничего не делал. Его тело колыхалось, как вода в озере. Угодливый парень с растерянным взглядом, будто ему в задницу вставили дрын, и он все время опасается, что кто-нибудь об этом узнает.

– При чем тут это?

– Ой, я же вам не рассказал главное! – спохватился Рекс.

– Смотрите! – Он сорвал покрывала с коробов.

Две квадратные клетки. Две взъерошенные крысы. И что ты будешь с этим делать, чувак?

– Вы не догадываетесь, какие это интересные создания!

Уж куда мне.

Крыса в клетке – маленький Ленни рисовал таких. Множество тварей навсегда осталось на уютских стенах. Чаще всего – за толстыми прутьями или привязанными за хвосты: ему казалось важным, чтобы они не могли удрать даже с картинки. «Я сохранил твои работы», – сказал Краун и ткнул в потолок. Он проводил часы, тонкими штрихами прорисовывая мех. Мелкие ворсинки почти что двигались, словно их обладатели были живыми.

– Мне попала статья о китайской методологии допроса в «Шрайк».

Питомцы юного Джонса были другие: загнанные, злые и отощавшие. «Совсем как мы», – проскрежетал судья и рас-

смеялся тяжелым смехом.

– Допрашиваемому на живот клали ящик с голодной крысой и убирали дно. Ну и... она прогрызалась внутрь, понимаете? – Рекс виновато пожал плечами. – И тут я прикинул в некотором смысле пойти по отцовским стопам.

А Ленни думал, что ничего нового о крысах уже не узнает.

– Вы только не волнуйтесь, мы не будем столь радикальны, окей? К тому же еще никто не выдержал дальше колен.

– Я тебя удивлю, приятель.

– Мне бы не хотелось, если честно. Давайте вы мне просто все расскажете?

– Ты начинай, а там посмотрим, – ухмыльнулся Кравитц.

Джонс осторожно подставил клетку к пленнику.

– Это работает следующим образом. Я не буду задавать вопросов. Мы начнем с пальцев левой ноги, пока не дойдем до щиколотки. Видите, тут ограничитель? – Он указал на воронку. – Дайте знак, когда будете готовы говорить. – Он достал небольшое устройство с двумя катушками, больше похожее на портсигар. Видимо, под запись. – Мы начнем беседу, и вы расскажете все, что может представлять интерес мистера Ди. Если у мистера Ди останутся вопросы, он задаст их лично...

Если у мистера Ди останутся вопросы, он сможет пойти с ними в задницу.

– То есть вы будете оставаться с нами как минимум какое-то время после процедуры. Это важно учитывать, пото-

му что без некоторых частей тела жизнь значительно хуже, чем без прочих. Ну и... пока ты жив, у тебя есть варианты.

– Мне обещали яйцо, – неожиданно вспомнил Ленни.

– Простите, у меня нет яиц...

Оно и видно, приятель!

– Вернее есть, но... – Рекс смутился и не закончил фразы.

Ну что ж... Кравитц представил, как крыса обглаживает его ногу. Бывало и хуже¹¹⁸.

– И еще. Если вы попытаетесь освободиться, я буду вынужден применить «зубочистку».

– Загонишь ее под ногти?

– О! Нет... Это электропогонялка для слонов. – Он продемонстрировал палку. – Такие используют в цирке. Только я ее немного модифицировал. Если нажать вот здесь, будет очень больно.

Парень щелкнул ручкой, и наконечник затрещал синим. Маленькие молнии, прожигающие кожу и обугливающие плоть.

Маленький Ленни ненавидел слонов. Огромные, они запросто могли его затоптать, но почему-то не топтали. Создавалось ощущение, что жить ему или умереть решает это клыкастое чудище. Правда никаких погонялок на карнавале он не заметил.

– И последнее. Вы с ними поаккуратнее, окей? Если вырветесь или еще что, учтите, животные ни в чем не виноваты.

¹¹⁸ еще не бывало, Ленни, еще нет

ты. Жалко.

Натуралист хренов!

– Может, все-таки ограничимся этой беседой?

– Действуй, пацан.

Пацан осторожно открыл створки и отошел. За решеткой на дощатом полу в тревожном сумраке ждала крыса. Кравитц впился взглядом в черные бусины глаз. Тебя поймали. Вытащили из родного мира и посадили в железный ящик. Тебя били, морили голодом, натравливали, как дикую тварь. Но ты ведь не тварь, а?

Рексфорд Джонс наконец перестал двигаться. Все его внимание было сосредоточено на клетке. Фокус это не всегда фокус. Его пыточное орудие должно было яростно глотать плоть, а вместо этого жалось в углу. Иногда фокус – это знание и опыт.

Есть кое-что, о чем вы вряд ли задумывались. Ленни не отрывал взгляд от животного. Если отбросить мифы и предрассудки, крыса это всего лишь небольшой грызун. Крыса пугливо поджала хвост. Улицы Динаполиса кишат ящерами и бродячими псами, а это значит, тебе следует быть крайне осторожным. Ленни продолжал гипнотизировать зверька. Чтобы выжить, ты должен знать, кого можно съесть, а кто с удовольствием сожрет тебя. Ленни представил сочный крысбургер и облизнулся. Крыса отвернулась от него.

Как тебе такое, Донни Шилдс?

– Что, удивил?

– Как вы это сделали? – по-детски восхитился малыш Джонс.

– Пойди сюда, я тебе все расскажу. Ближе, ближе. – Парень шел к привязанному за'ару, как зачарованный. Гребень покачивался, будто его трогало ветром. – Знаешь, Рэтси¹¹⁹, у меня для тебя кое-что есть.

У него действительно кое-что было. У него был прощальный подарок старины Бэнкса.

Уличные бойцы предпочитали проглатывать выбитые зубы, чтобы скрыть от противника нанесенный им ущерб. Ленни был немного практичней. Когда незадачливый дознаватель максимально сократил дистанцию, сыщик набрал побольше воздуха и выплюнул сбитую фикса аккуратно в петушиный глаз. Все что угодно может быть оружием, приятель! Парень шарахнулся и схватился за лицо. Электропалка упала на шершавый бетон, Кравитц подцепил ее когтями.

В тот же момент крыса выбрала правильную жертву. Отважный воин метнулся из своей тюрьмы и в великом прыжке вцепился в шею юному натуралисту. Пушистое тельце красиво выгнулось в полете. Джонс заорал девичьим голосом, и стал махать руками, будто пытался сбить пламя.

Ты поаккуратней с ней, приятель. Животное не виновато, и все такое.

Ленни ловко подкинул погонялку на грудь и зажал ее подбородком. Крики переросли в надрывные вопли. Он с тру-

¹¹⁹ rat – крыса

дом развернул палку так, чтобы рабочая поверхность уперлась в веревки. Бедняга Рекс рухнул на бетон и забился в истерике, он уже не пытался оторвать от себя крысу. Ленни закусил губу и надавил на выключатель. Раздался электрический треск, голубые искры яростно заметались по волокнам, словно пытались сожрать их.

Маленькие молнии, что еще вы можете прожечь, а?

Fire in the Hole

120

[Boom-Boom-Boom]

Мир содрогнулся. Линии коридора смещались, с потолка сыпалась крошка. «Captain Deigh Light» напоминал растрепанный бордель. За́ары лезли из всех дверей и неслись к лестницам, как застигнутые потопом крысы. Плотно сбитые парни, то ли работяги, то ли бойцы Дракса. А может, трудились по совместительству. И куда только смотрит профсоюз?

На полторы сотни футов вниз, у основания башни, били барабаны. С каждым ударом цветастое здание вздрагивало, отзываясь вибрацией, как гигантский камертон. Ленни показалось, что это минометный обстрел. Минометный обстрел в центре Динаполиса, ну да.

Сколько ни беги, твоя траектория – орбита. И если повезет... но тебе же не везет, верно? Босой Ленни шагал по

шершавому бетону. Приятский паренек, запертый в сточной трубе. Глупый детектив, продирающийся по коридору в поднебесье чужого-чужого-чужого мира. Здесь так же темно, как и под землей. Ленни слился с общим потоком. Никто не обращал внимания на помятого чувака без сапог с непомерной вилкой в руках. Крысы стремились вниз, где хлопали выстрелы и бились тамтамы взрывов. Логово Дракса штурмовали превосходящие силы.

Когда Кравитц выбрался из «пыточной», ничто не предвещало заварушки. Мелкий засранец тихо поскуливал там же, где упал. Раз скулит, значит, глотка еще цела. Оттаскивать животину Ленни не стал: нажрется, сама отстанет. В конце концов, не съест же она его целиком. Из заднего кармана натуралиста торчал серый прямоугольник визитки. Мягкий, как и его недоразвитое тельце. «Рексфорд Джонс. Специалист по извлечению информации». И телефон. Господи, какой же он идиот, а? Уходя, Ленни подцепил погонялкой ворота второй клетки. Живность, и все такое...

Он нацепил фиксу на зуб и бросил последний взгляд на крысолова. Пока ты жив, у тебя есть шансы, а? И вдруг ударили барабаны. Бум-бум-бум – стучало где-то внизу. Тогда из всех щелей и полезли работяги. Сыщик с легкостью смешался с толпой.

Это просто: затеряться в заварушке боя. Да, можно схлопотать шальную пулю, но ее где угодно можно схлопотать.

На улице, в супермаркете, на зарядке¹²¹. Парень поссорится с подружкой и откроет беспорядочный огонь. Такова жизнь, а потом она заканчивается. Кравитц не слишком переживал на этот счет. Он почти добрался до лестницы, когда заметил мистера Толстопуза в его французском прикиде. Мужик возвышался над суматохой, как парус в бурлящем море. Он никуда не спешил. Он шел в противоположном направлении. Сыщик решительно развернулся. Не стоит спускаться наезды всяким мудакам.

Они поднялись на несколько пролетов. Кравитц держался на расстоянии, шаги босых ног почти не оставляли звуков. Коридор 16-го был узким и коротким, как отломанная макаронина. Последние этажи перед растрепанным гнездом. Дверной проем блеснул тонкой полосой впереди, безразмерная спина проступила абрисом и исчезла в наступившем мраке. Ленни щелкнул погонялкой и последовал за Толстопузом.

[The Devil Rides Out]

Их было шестеро, вместе с Бэнксом. Они стояли на недостроенной площадке, спиной к возвышавшемуся дракону. Солнце слепило их, жара давила на могучие плечи. Они ждали. И, очевидно, вовсе не частного сыщика. Снизу доносился грохот битвы. Почти как тогда, в Заливе. Взвод медленно входит в пригород. Армейские ботинки вязнут в мягком песке, на глиняных лачугах догорает красно-желтый за-

¹²¹ на зарядной станции, большинство каров ездит на электричестве

кат. А потом наступает ад. И вот какой-то умник решил сыграть в войну в центре Динаполиса. Это значительно больше бандитских разборок. Кравитц перехватил «зубочистку» и, держась тени треугольных крыльев, двинулся вперед: он многое бы отдал за пару приличных бот.

Шестерка стояла полукругом под нависающей мордой, будто церемониальная жертва крылатому ящеру.

Не слишком раздумывая, Ленни двинул ближайшего врага рукоятью в затылок, второму засадил кривым зубцом в ухо. И пустил электричество. Так это называется на армейском жаргоне – эффект неожиданности. Ленни работал руками, ногами, головой, пускал в дело когти, зубы, техники рукопашного боя, старый-добрый кэтч и грязные приемы, которым научил город. Мелькали части тел и вспышки молний, удары – нанесенные и пропущенные. Всю злость, всю ненависть к этому несуразному миру, к этому невозможному бреду, который происходит с ним с тех пор, как он принял заказ Ширеса, Ленни выпустил наружу. В ушах гудело, серая пелена застилала взор.

«Чье лицо ты представляешь, когда твой дьявол вырывается наружу?» – облизнулся мистер Хопс.

Он бил, бил, бил, бил, бил и бил. За чокнутого Тони с его подколками, за нелепого сопляка, который вздумал его пытаться. За Шилдса, чужого и успешного, за Лори, которая его не узнала. За каждую минуту, проведенную в веганской тошнеловке, за всю свою жизнь, которую он ненавидел. Удар

за ударом – Кравитц возвращал вселенной долг, который получил еще до рождения. Он помнил, как его кулак встретился с чем-то твердым и пробил это. Как пальцы погружались во что-то мягкое. Как он с звериным рыком прокусил чей-то подбородок, почти не ощутив сопротивления. Только медный вкус и пронзившую жертву боль. Багряные капли на мгновение зависли, будто оказались в невесомости. Трещали носы, трещали челюсти; мимо пролетел молоток, едва разминувшись с его собственным носом; серебряные искорки металась на поверхностях кровавых луж; разорванное ухо трепыхалось, как штандарт разбитого войска.

Бешенство стихало. Шум битвы у подножия драконьего пика сходил на нет. По-видимому, нападавшие были отброшены. Ленни обнаружил себя машинально молотившим безжизненное тело головой об пол. Он с удивлением выпустил липкие волосы и поднялся. На арматуру недостроенной стены, футах в десяти над ним, на фоне пронзительно-голубых небес кверху ногами был нанизан один из бандитов. Как перевернутая таро. Глаза выпучены, руки судорожно сжимают выходящий из живота штырь. Словно это могло помочь. Кравитц ощутил себя Джоном Картером.

Из шестерых на ногах оставался только Бэнкс. Он стоял полусогнутым, держась за печень. Его прекрасная рубашка была измазана кровью, полы пиджака расходились, словно бы их трепал ветер. Слишком далеко для атаки. Пухлые губы кривились, как будто здоровяк задумал новую пакость.

– Что ж, *revenons a nos vagans*, – сказал Толстопуз, доставая из-за пояса мощный «Питон»¹²². Массивный ствол казался в его лапище игрушкой.

31 фут. Максимальная дистанция, которую удастся преодолеть, пока вас не пристрелят к чертям собачьим. Абсолютно бесполезная информация, когда на тебя нацелен револьвер.

– *Voulez-vous coucher avec moi*¹²³?

– Че? – опешил Бэнкс.

– Так, выражение... – пожал плечами Ленни и метнул стрекочущую погонялку в противника.

Никто не смеет бить меня по лицу, Джонни. Никто!

Громила перехватил «зубочистку» аккуратно перед глазами, так ловят стрелы в кино. Электричество зашипело, въевшись в ладонь; запахло паленой кожей.

– Щекотно, – улыбнулся Бэнкс. Ленни с удовольствием отметил, что нескольких зубов не хватало. – Камнем еще кинь.

Интересно, слоны так же глумятся, когда их дрессируют этой штукой?

– Святому ты был нужен живой, но... – Бэнкс сжал кулак, раздавив вилку, и отбросил инструмент в сторону. – *À la guerre comme à la guerre, mon chéri*.

Он взвел курок. Ленни видел, как невозможно медленно

¹²² Colt Python

¹²³ единственная фраза, которую Ленни знал на французском. Ее перевод оставался для сыщика загадкой

сдвигается барабан револьвера...

В дешевых фильмах на этот месте обычно пускают затемнение...

[Cavalry]

Лопасты разгоняли воздух. Вух-вух-вух – как огромная злая сова. Ленни мог бы поклясться, что это *лопасты* разгоняют воздух. Вух-вух-вух – прямо под ногами. Обороты учащались, звук нарастал, мистер Бэнкс вертел башкой во все стороны. Пол задрожал, цементная крошка взметнулась и закружила в хороводе. Вплотную, из-под самой стены, обдав недостроенную площадку жаром, между бананово-лимонных крыльев вынырнул военный вертолет. Черный силуэт завис на фоне слепящего солнца. Мистер Бэнкс так и не нажал на крючок.

Бродяга Хьюи, он же «Ирокез», шустрый, маневренный, надежный. С шестиствольным пулеметом и семидесятимиллиметровыми ракетными блоками. Настоящая боевая единица. В Заливе такой не встретишь, но Ленни был в курсе последних веяний армейской моды.

В «авиаторах», с трещиной на линзе, в длинном плаще, развивающемся на ветру, стоя на полозе, как чертов герой боевика, перед миром предстал Джекки Демпс. Вооруженный, словно собирался в одиночку захватить Лаос еще до обеда.

Он оттолкнулся и мощно приземлился в поднятом вихре. Ленни больше не ощущал себя Джоном Картером.

– Я от Волшебника, – поспешно заявил сыщик.

– Рядовой Кравитц! Ты ж сдох, – ухмыльнулся сержант. В каждой руке главный веган Динаполиса сжимал по шотгану. В зубах дымилась ядерная самокрутка.

– Что за... – начал разворачиваться Толстопуз. Старик выстрелил скорее на звук. Банг – и мистер Бэнкс, схватившись за бок, крутанулся и отлетел в дверной проем, спрятанный в подбрюшье дракона. Джекки легко покачнулся от отдачи.

– Видок у тебя, однако. Какова диспозиция? – спросил Демпс, будто рядовой находился на крыше в рамках задания. Трещина, точно молния, разрежала гладкое небо, отраженное в его «авиаторах».

Ленни утер кровь с лица. Видок, вероятно, тот еще.

– Понятия не имею.

– Тогда действуем согласно плану, – он подал знак, и «вертушка» плавным маневром скрылась за здание.

– А?

Старик его явно с кем-то спутал. Опять¹²⁴.

– Погоди.

Он подбежал к краю, снял с плеча базуку и почти не целясь нажал на спуск. Ракета с легким шлейфом полетела вниз.

– Юпи-кай-йя, мазефака! – проорал Джекки и рассмеялся. Кажется, он был счастлив.

¹²⁴ справедливости ради, в прошлый раз Ленни сделал многое, чтобы его перепутали

– Так вот, план...

В несколько секунд Сержант Мясник обрисовал что к чему.

– Проще, чем вбить гвоздь¹²⁵.

Что-то в задумке Демпса было критически не так. Возможно, все.

– Ну, погнали?

Не в такой ли переделке, дядя, ты угробил здешнего Элмора?

– Ствол.

– Что?

– Автомат, револьвер, ружье. Любое приспособление для умерщвления противника.

Сержант Мясник несколько секунд таращился на сыщика, как если бы тот приперся без сапог на поле боя¹²⁶. Впрочем, Ленни действительно это сделал.

– Держи, – Демпс протянул ему палаш.

– Что это? – опешил Кравитц.

Вояка внимательно осмотрел оружие и наконец ответил:

– Это меч.

Да быть не может!

– Им можно колоть, резать и рубить. В общем, умерщвлять противника. – У короля свекольных грядок этого мира

¹²⁵ проще, чем вбить гвоздь в крышку гроба – расхожее выражение

¹²⁶ без сапог на поле боя (в другом варианте: на танцы без штанов) – еще одна за'арска поговорка

было специфическое чувство юмора. – Как говорится, солдат, идущий в бой без меча...

– ... вооружен неправильно, – машинально продолжил сыщик.

– В любом случае, другого оружия у меня для тебя не будет. У самого недобор.

Пистолеты, два дробовика, ножи, тяжелый пулемет за спиной и дымящаяся базука на плече. Не хватало разве что лука. Кроме всего, Мясник был увешан гранатами, как рождественская елка. Недобор, ну да.

– А это – за сообразительность, – Демпс кинул сыщику гранату, как кидают яблоко. – Ну, вперед и до конца¹²⁷?

– Прикурить.

Если я сдохну сегодня, я сдохну с сигаретой в зубах.

– Это всегда пожалуйста, – старик протянул почти пустую пачку. – И не забудь, подрываешь только по сигналу. Усек? – окликнул он Ленни уже у выхода.

– А потом что? Прибудет кавалерия?

– Мы и есть кавалерия, сынок.

[Huey Tramp]

Мы и есть кавалерия. А то. Кравитц бежал вниз по-идиотски выставив меч. За стеной глухо кружили лопасти. Невидимый вух-вух-вух. «Бродяга» облетал башню по спирали. Спуститься до 14-го, там перейти насквозь. Из проема неосторожно высунулась голова. Ленни практически напо-

¹²⁷ девиз какого-то воинского подразделения. Наверное

ролся на бандита: лезвие идеально вошло в шею. Да что б меня, что б меня, что б меня! Парни изрешетили место, где он только что стоял. Засада. «Подавляющий огонь!» – орал бугай, и томми-ган харкал вспышками как в последний раз. Мелькала бетонная крошка, пули рикошетили во все стороны: одна оторвала кончик самокрутки, вторая чиркнула по бляхе на ремне. Аккурат по бронзовой бутылке. «Убить тебя не так сложно, как ты думаешь», – мрачно предрек ему Стегманн. А вот фигурки! «Я не сдохну, я не сдохну, я не сдохну», – твердил себе Ленни, нелепо сжимая меч перед собой. Вух-вух-вух – ухало снаружи, совсем близко. «Нет ничего лучше, чем когда в тебя стреляют и промахиваются» – любил повторять сержант Праймс. Ни хрена это не лучше! Вот ни капельки.

Он скорее почувствовал, чем услышал, как разгоняется вращающийся блок. «Бродяга» замедлился, а затем обрушил на 14-ый этаж ад. Шестиствольный пулемет схемы Гатлинга – страшная вещь. Двадцатимиллиметровые патроны прошивали тела и стены. Крики тонули в рокоте совершенной машины. Какофония смерти. На прощание Хьюи выпустил ракетный залп. Огненная буря прошла по коридору, дверной проем выплюнул поток пламени, будто дракон с крыши. И кто тут кого подавил, а?

Сыщик осторожно заглянул внутрь. Тлеющая ткань и паленое мясо. Дневной свет из пролома лежал на изуродованных останках. Вы живы благодаря нам. Ну да, ну да.

У противоположного входа, весь в копоти и крови, обгорелый, полубезумный, но каким-то чудом уцелевший, бугай с томми-ганом продолжал держать позицию. Будто швейцар Джонни с приветом от освободительной армии Лаоса на поллица. Невоспетый герой войны.

Крылатая тень пронеслась мимо – прямо на передовую. Бойцовый петух Микки в металлической броне мчался на уцелевшего врага. Враг пустил очередь. Фонтанчики цемента брызнули в том месте, где только что была птица. Пернатый воин сместился влево, на стену, и, плотно прижав крылья, продолжил движение: теперь по вертикальной поверхности. Неостановимая сила. Бандит снова выстрелил. В стремительном прыжке Микки оттолкнулся от стены, пролетел последние футы и, как стрела, воткнулся бронированным наносником в рожу бандита. Невоспетый герой пал. Кавалерия – это мы, мазефака!

[Simple as Nail]

Вух-вух-вух. Сыщик спускался, согласно плану. Девятый этаж. Третья дверь налево. Люк. Плохой план сегодня лучше никакого вчера. «Бродяга» методично кромсал мечту геометра. Пару раз вдалеке проносился старина Джекки. Фермер бежал пригнувшись с дымящимся пулеметом на изготовку. Боже, помилуй тех, кому он встретится. В проблесках пролетов то и дело мелькало стальное крыло. Ленни пришел к выводу, что отведенная для него роль изначально предназначалась птице.

Вух-вух-вух.

Кравитц затянул ядерный дым. Он прикурил от обугленной руки на 14-ом. Единственная полезная находка. Тлеющая плоть воняла стухшим яйцом. Сера. Такое бывает, когда кто-то пушит в закрытом помещении ракету. А потом участники процесса отправляются на рабочий стол к мисс Морган, синими и остывшими. Интересно, она действительно мисс? Ленни представил сексуальную заучку в строгом костюме. «Я б ее вздрючил», – сообщил судья Краун откуда-то из глубины.

Оплавленные стволы валялись бесполезными кусками металла, томми-ган оказался пуст. Переступая босыми ногами по обломкам, сыщик подобрался к пролому во внешней стене. Внизу, под безмятежными небесами, с новой силой разрастался штурм. Маленькие фигурки занимали позиции у штабелей стройматериалов, нападавшие продвигались вперед. Война в миниатюре. Буквально. Черный вертолет терзал здание, как коршун. Покрытое желтой пеленой света стекло вспучивалось и осыпалось мелким дождем. Кравитц отправил еще теплую конечность в пропасть.

Девятый этаж. Кровавая полоса тянулась от входа и заворачивала под пластиковую пленку, прикрывавшую одну из арок. В Динаполисе это называется банальность. Где-то здесь валяется молодой придурок по имени Рексфорд Джонс, если не сдох. Не стоит оставлять в тылу потенциального противника – первое правило.

Сыщик двигался по следу, босые ноги скользили по чужой крови. Место, где должна проходить внешняя стена, было завешено мутным пластиком, отчего помещение казалось пасмурным и тесным. Среди грубых помостов и рабочего скарба кто-то копошился в углу.

– Больно, – сообщил бесцветный голос.

– Надо прижечь, – ответил второй. – Иначе сепсис, и прочая хрень.

– Я тебе яйца прижгу.

– Уж потерпи, друг. Не дотянуть тебе до Гуара.

Из угла донеслось угрожающее «пшшш».

– Хоть костюм с меня сними, – не сдавался первый. – Двести баксов на дороге не валяются.

– Расслабься, друг. На двести баксов яхту не купишь¹²⁸.

Ленни ухмыльнулся. Сепсис не хрен собачий: не стоит прерывать парней в процессе. Раздался мучительный вопль. Очередной придурок мистера Дракса расплачивался за выбор карьеры. Почти так же орал бедняга Рекс. Болевой порог – индивидуальная вещь. Рано или поздно ты потеряешь сознание. Или умрешь от шока. Кому-то хватает пары затрещин, кто-то останется с вами, пока голодная крыса прогрызает туннель в его внутренностях. Другое дело, сколько ты сможешь выдать децибел в процессе. Тут счет плюс-минус равный. Неважно, как тебе больно: громче твой крик уже не станет. Лимиты физиологии.

¹²⁸ искаженное «на сто баксов яхту не купишь» – народная за'арская поговорка

«Бесцветный» перестал орать. Был бы на этаже кто-то, он бы непременно прибежал. Но никого не было.

Из-за груды строительных материалов на Ленни вышел очередной громила. В потертом стетсоне, с горелкой у пояса, он напоминал ковбоя. Еще одна гора мускулов на службе у Вилли Дракса.

– Как поживаешь, друг?

Противник внимательно осмотрел Ленни. Ленни сощурил глаза.

– За’ар, который носит подтяжки с ремнем, не доверяет даже собственным штанам, – ехидно ухмыльнулся ковбой.

Отличная фраза для вестерна, приятель. Отличная фраза.

Парень размял шею и начал медленно сокращать дистанцию. Ленни не шелохнулся. 31 фут или что-то вроде этого. Когда от расстояния между ними осталось не больше трети, сыщик рванул из кучи инструмента гвоздомет и загнал снаряд в сердце громиле. По серой рубашке расплзлось бурое пятно. Парень только покачнулся. Ленни нажал еще раз. Парень вздрогнул. Ленни стрелял и стрелял, пока заряды не закончились, а грудь ковбоя не стала напоминать ошестинившуюся фалангу¹²⁹. Да что же это! В конце концов, чувак не выдержал, пошел по дуге и завалился на пленочную стену. Пластик затрещал и лопнул. Туша вывалилась наружу.

Проще, чем вбить гвоздь.

– Неплохо, Счастливчик. Но что ты будешь делать теперь?

¹²⁹ где Ленни мог почерпнуть, что такое фаланга, мы не знаем

В конце комнаты тяжело стоял мистер Бэнкс. На вид – жертва из дешевого хоррора. Кровь смешалась с грязью и потом, на лице отпечаталась гримаса боли. Бок Джонни напоминал макет горного рельефа, который использовали под пепельницу; куски одежды по краям вплавились в плоть.

Жизнь – боль, и все такое.

– Двести баксов за костюм, серьезно?

– Теперь дешевле.

Ха! Последнее, чего хотел сыщик, это меряться членом с чуваком, который пережил выстрел шотгана, не потеряв чувства юмора в процессе. Вух-вух-вух. Ленни с надеждой покосился на дыру в пластике, но Бродяга Хьюи равнодушно пролетел мимо.

Вух-вух?

– Не хочется мне с тобой драться, приятель, – предпринял попытку Кравитц. – Ты ранен, как-то не по-спортивно-му. Может, просто разойдемся, окей?

– А кто здесь собирается драться? – удивился Бэнкс, доставая игрушечный «Питон».

– Эмм...

– А ты, что, принес меч на перестрелку?

Только тут сыщик сообразил, что все еще сжимает палаш. Солдат, который идет в бой с мечом, похож на клоуна.

– Гмм...

– Что ж, finita. В этот раз тебе ничто не поможет.

На этих словах в комнату ворвался Микки. Бойцовый пе-

тух был покрыт кровью врагов сверху донизу. Впрочем, помогать и он не стремился. В высоком прыжке птах забрался на ряд помостов под потолок и пронесся через помещение, опрокидывая все на своем пути, после чего скрылся за поворотом.

На мистера Толстопуза приземлилось ведро, облив и без того потерявший в цене костюм смоляным раствором.

– Больно, – снова сообщил он.

И что я буду делать теперь? Пожалуй, брошу курить.

Кравитц затянулся самокруткой почти до конца и плюнул тлеющий остаток в противника. Окурок бесславно завяз в смоле где-то на уровне кармана.

– Это круче, чем камнем, – Джонни поднял большой палец к лицу и даже изобразил подобие улыбки.

А потом вспыхнул.

Он не кричал. Просто мычал, будто на сегодня его лимит крика был исчерпан. Сыщик наблюдал, как живой факел мечется по комнате. Курение убивает... Ошеломляющая картинка для тех, кто пропустил вечернику в Заливе. Но сорокопут делает это мучительней¹³⁰. Подкожный жир отлично горит, знаете ли. Ленни сдвинулся в сторону, пропуская полыхающего за'ара. «Теперь у меня есть револьвер», – подумал он, но вредный Бэнкс тут же поменял траекторию и вывалился вслед за корешем в дыру. Нет, ну не сволочь? Плен-

¹³⁰ мы просто напомним, что это была ядерная папироса Джекки Демпса, а вовсе не «Лаки Шрайк»

ка оплавилась под габариты его гигантского тела. Кто-то внизу сильно удивится. Ленни прикурил последнюю самокрутку от горелки.

[Hole in the Floor]

Кому и зачем понадобился люк между этажами? В отеле, штабе или чем бы ни был этот притон? Откуда Мясник знал, где его искать? Напавшие на «Райские поля» остолопы точно имели наводку. Старик говорил про информацию, которую передавал Башне. И вряд ли Демпс имел в виду безвкусную поделку Дракса. В Динаполисе полно высоких зданий, Рэнсонс Тауэр например.

Ленни несколько раз топнул в правильном месте, и крышка лаза резко распахнулась. Бинго! Он сразу нырнул в проем, нелепо выставив перед собой меч. Никого. А еще у него оставалась граната. Пустое помещение, очень похожее на его «пыточную». Сыщик прикинул место и подцепил поверхность когтем. Монолитный бетон легко поддался: тонкий желоб спускался насквозь, прямиком в вычурный кабинет.

Если *его* Джекки не давал всех данных Башне, мог ли и Дракс оставить при себе пару козырей? Не исключено. Но вряд ли психованный за'ар приказал пробить дырку аккуратно над своим офисом. Кто-то другой организовал этот маленький сюрприз. Все эти парни повязаны, и в каждом лагере найдется несколько крыс. А теперь, что? Разлад в большой и дружной семье? И, кажется, действующие стороны полагали, что подготовились к этому знаменательному моменту, но

кто-то останется в дураках, а кто-то заберет все... История потихоньку сходилась, как пасьянс с краплеными картами.

Он заглянул в узкую щель. План действительно был проще, чем удар по яйцам. Золотые лепестки дворцовой люстры раскачивались над узорами ковра. А ведь мужик пытался сделать себе тронный зал, вдруг догадался сыщик. Все эти стремные колонны...

– Думаешь, шкет его расколет?

Гортанные согласные Дракса вибрировали в воздухе.

– Специалист, которого мне рекомендовали, более недоустроен. Ему прокусил горло альпака во время перехода в низовьях Анд. Мистер Джонс – лучшее, что удалось получить за отведенное время.

Сыщик представил, как эта парочка стоит у английского окна, наблюдая штурм с высоты: так любят закатом. Мощный Дракс с заложенными за спину руками, словно генерал на холме. Белоснежный Хопс рассматривает суетливые фигурки внизу.

– Нет взаимности – не лезь, – ответил Вилли. Его голос был удивительно спокоен на фоне бушующего хаоса. – Уладишь с Бюро этот бардак для меня?

Стекла дрожали, драконова башня то и дело вздрагивала, где-то беспрестанно ухал Бродяга Хьюи.

– Дары слепыми делают зрячих и развращают дела правых.

Ленни показалось, что мудацкий псих говорит на ино-

странном языке.

Простой как гвоздь. «Всунешь этой херью в дыру, до самого низа. Надейся, что хватит», – Демпс швырнул ему сверток. На ощупь брус был, как пластилин. – «Это гексоген. Принцип действия ясен?» Кравитц кивнул: лепишь и вставляешь.

– Мистер Берри затягивает *переход*. Или ему просто нравится, как мистер Блек смотрится с морозником в петлице.

– Рэд лавирует. Он хочет иметь пространство для маневра, если наше предприятие провалится.

Их разговор напоминал светскую беседу. Сыщик представил, как мистер Хопс задумчиво следит за осколками стекла, дождем осыпающимися с небес. Отличная погода, не правда ли?

– Это неуважение. Мы рискуем всем, пока этот мерзавец прохлаждается под плегасом¹³¹.

– Если *наш общий друг* вырвется из-под замка, мы все окажемся в одной лодке с дырой ниже ватерлинии.

Мимо пролетает обугленная рука, и бывший пансионарий провожает ее взглядом.

– Судя по всему, Редмонд нашел себе лодку понадежней.

– Поэтому и нам стоит рассмотреть иные варианты.

Здание содрогается, но мистер Дракс лишь наклоняет го-

¹³¹ буквально – под навесом. Плэгас – деревенский навес, под которым собираются старики, чтобы за бутылкой вина поговорить о пустяках или мирно подремать на природе. Отсюда соответствующая идиома

лову в вежливом вопросе.

– Счастличик, – облизывается мистер Хопс. – Не стоит обрубать нить его брэнного пути так скоро.

А затем к земле несется огненный метеор имени Джонни Бэнкса.

– Вот как?

Янтарные глаза смотрят сквозь роговые очки и не мигают.

– Он может быть ключом к выходу из текущего положения, – просто говорит Хопс.

«Я могу быть ключом?» – глупо повторяет Ленни.

– Я обещал ему скорую гибель.

Где-то над ними бушует огненный шторм, и сполохи огня сливаются с зарождающимся закатом.

– Разочарования ожидают каждого из нас, – отвечает Хопс и отворачивается.

И то верно – он очнулся от видения. Та же комната, тот же бетон, никаких окон. Брусок гексогена оказался сильно помят блокнотом: чертов чехол продолжала трепыхаться под трексой. Впрочем, Ленни едва ли его ощущал.

Сыщик расчистил глубокую канавку в полу, захватывающую в ровный квадрат центр помещения: все, как и сказал Демпс. Он раскатал взрывчатку в тонкий стержень и осторожно утрамбовал ее по периметру, а остаток пропихнул в щель. В нос ударил привычный запах миндаля. Будто травишь здание цианидом. «Там детонатор. Короче, разберешься», – отечески улыбнулся Мясник. Ленни разобрался: ак-

куратно вставил металлический штырь и протянул провод к стене. «Главное – дождись сигнала. Без сигнала не взрывавай, усек?» – повторил сержант. – «И что за сигнал?» – «Ты поймешь. – Его волосы трепал ветер, солнечные диски отражались в линзах «авиаторов». – Как говорил генерал Пэлтроу¹³², будь готов убить любого, кто тебе встретится».

[Ghillie Callum¹³³]

– Ты че тут трешься?

В комнате возник очередной бугай. Похоже, мистер Ди рекрутировал всех огромных мужиков Динаполиса. На руках у бандита, словно спящая невеста, покоился Рексфорд Джонс. Его лицо представляло из себя кровавое месиво. Страшная, страшная невеста.

Ленни долго соображал, что бы ответить, но не сообразил ничего стоящего:

– Э?

– Ты из этих? У тебя, что, меч? А это что за херня?

Адепт Томми Волка, не иначе.

Парень бережно устроил специалиста по извлечению информации у стены и уставился на торчащую из бетона «херню». Бело-синяя плетенка вилась по комнате прямым в руки к частному сыщику.

Громила наклонился над взрывчаткой. Сейчас он выдернет стержень, и приплыли.

¹³² генерал Вёрджил Пэлтроу, командующий армией в Заливе

¹³³ приблизительно «Гэйлли Кэлум», знаменитый шотландский танец с мечом

«Обязательно дождись сигнала».

Разочарования поджидают каждого из нас.

«Будь готов убить любого, кто тебе встретится».

«Взрываю, шухер¹³⁴!» Ленни потянулся к свисающей проводке и быстро примотал контакт. 110 вольт весело побежали по красной меди внутри изоляции.

«Без сигнала не взрывай, усек?»

Уши заложило, и только затем раздался большой «БА-БАХ». Бугай испарился, будто его здесь никогда не было. Мир разверзся, свет померк, воздух вытянуло, как при разгерметизации салона. Всё утащило в пропасть, а затем резко выкинуло обратно. Воздух вернулся. Цементная пыль и куски бетона на мгновение зависли над провалом. Золотые лепестки люстры и узорное стекло плафонов вместе с клочьями мяса и кишок замерли в комнате, словно кто-то поставил ураган на паузу. А потом все смешалось и снова рухнуло вниз.

Сжимая верный палаш Ленни ринулся на врагов. Он ухмылялся, представляя свой выход. Большой «БАХ», завеса рассеивается, и посреди номера появляется частный детектив Кравитц с мечом наголо. Самокрутка бодро торчит изо рта. Вперед и до конца, суки!

Как заметил в схожих обстоятельствах мистер Бэнкс: больно. Частный детектив приземлился босыми ногами на дробленный бетон и тут же получил в челюсть. Его повело,

¹³⁴ собственно, fire in the hole

но он смог удержаться. Мистер Дракс стоял у колонны, в дальнем конце того, что когда-то его королевской приемной, и задумчиво смотрел на сыщика. Его роговые очки покрывал тонкий слой пыли. Белый мистер Хопс недовольно отряхивал костюм. На столе, примятая куском отделки, лежала фетровая шляпа. Его шляпа.

– Хмм, – сказал Большой Босс.

– Любопытно, – протянул Тони.

А у этой парочки полное взаимопонимание, не так ли?

Между Ленни и главарями банды возвышалась гора под названием Билли Блэк. С нелепой розой, будто чувак пошел на бал и заблудился. Без лишних слов Черноватый нанес следующий удар, но промахнулся. Даже не рядом. «Он же ни черта не видит без своих очков» – сообразил Кравитц. Ну что ж, потанцуем?

Это действительно походило на танец. Ленни осторожно переступал среди осколков, контролируя дистанцию палашом. Блэк в защитной стойке проворачивался на месте, как фигурка на подставке, рассчитывая на один верный удар. Сыщик сделал обманное движение – не помогло: противник просто не успел среагировать. Зато тут же выстрелил джебом, Ленни неловко увернулся и, кажется, пропорол ступню. Несмотря на явный дискомфорт, послушаться приказа и надеть очки бандит не рискнул. В армии это называется субординацией, на гражданке – идиотизмом.

Время мучительно тянулось, где-то ухал «Бродяга», звуки

боя доносились и сверху, и снизу, и отовсюду разом. Враги большого босса запирали его в кольцо. Дракс и Хопс вяло обменивались репликами, но оставались в стороне. Они не собирались бежать, они не пытались помочь своему парню. Просто наблюдали. Так старшие в приюте стравливали молодняк, а потом делали ставки на победителя. Медный вкус крови, соленый пот. Ленни побеждал почти всегда.

Куда ты ни пойдешь, твоя траектория – круг. И если повезет, ты не сдохнешь в первом забеге.

Танец продолжался. Кравитц маневрировал между зава-лами, легко уходя от ударов, но нанести серьезного вреда тоже не мог. Он крутил мечом «восьмерки» и прочие финты, которые видел на карнавале, отчего могло показаться, что он понимает, что делает. Он не понимал: лезвие со свистом рассекало пространство, и только. Где же Демпс, когда он нужен, черт возьми?

Черноватый в который уже раз рубанул воздух. Ленни примерился и нанес сокрушительный удар мечом в открыв-шуюся брешь. Блэк чудом подставил бицепс. Железяка с тупым звуком отскочила от плоти, будто встретила бетон. Со-крушение не удалось. Отлично. Теперь толстокожий мудила знает, что ему все нипочем.

Ленни выдал то, на что еще был способен, и отбил о про-тивника руку. Толстокожий мудила тупо пер вперед, сопя, как сломанный робот, пока не прижал его к колонне.

– Давайте заканчивать, мистер Блек, – распорядился

Дракс. – У нас график.

Значит, все идет по графику, а?

Билли не раздумывая выпустил прямой туда, где находилась голова сыщика. Пудовый кулак врезался в мрамор и пробил его едва не по локоть. Брызнула грязная позолота. Ленни подлез под руку, крутанулся, как балерина, и, оказавшись за спиной, вонзил палаш, целясь в позвоночник. Сталь с трудом вошла под кожу и завязла где-то в мышечной ткани или еще черт знает в чем. Билли взревел. Ударом ладони Ленни обломал лезвие и в прыжке врезал ублюдка башкой о многострадальную колонну. Гигант опал. Так-то!

– Ха! Кто следующий?

– Может быть я? – Большой Босс скромно помахал пальцами, как первокурсница приятелю. Даром что не покраснел. Он стоял все там же, рядом с окном, великолепный греческий бог. – Вы проделали большой путь, мистер Кравиз. Совершили множество подвигов. Будет жаль отрывать вам голову, но, как я уже говорил, у нас график.

Про голову это не фигура речи, ведь правда? Стараясь не шататься, «мистер Кравиз» подошел к столу. Достал из-под ошметков шляпу и демонстративно отряхнул.

– Теперь вы готовы умереть?

Дракс не поменял позы, его руки были за спиной, но по напряжению тела Ленни понял, что сейчас ему нанесут удар, который окажется фатальным.

– Только одна вещь, – сыщик медленно полез в карман. –

Круглая, и похожая на лимон. Но не он. Угадай что?

С видом за'ара, вытянувшего счастливый жребий, Ленни продемонстрировал присутствующим гранату. Большой палец уже в чеке.

– Вы правда готовы погибнуть вместе с нами? – поинтересовался мистер Хопс.

– Я в принципе не готов погибать. Поэтому я сейчас отсюда выйду. А вы с парнями, которые внизу... просто, я не знаю... сожрете друг друга. Ну, как тебе расклад?

– Я добился того, чего добился, не потому что склонен к компромиссам, мистер Кра...

На этих слова невозможная сила снесла сыщика. Так происходит, когда тебя сбивает поезд. Наверно. Несколько раз перекувырнувшись, Ленни врезался в английское окно. Он словно со стороны видел, как стекло покрывается сетью трещин. Как его тело покидают привычные рамки помещения. Как ноги болтаются в воздухе, будто пытаются продолжать идти. Как он выворачивает шею, в попытке поймать улетающую самокрутку. Как подтяжки хлещут по воздуху. Всего на мгновение над строительной площадкой, на высоте седьмого этажа, в окружении осколков, на которых играют блики, завис Леонард Элмор Кравитц, злополучный детектив с Гулдстрит.

А потом все кончилось. Осколки градом рухнули в бездну.

Dead-end

135

07/30 Мо

Дома тянулись бесконечной чередой, и каждый новый шаг отдавался болью. Сонные фасады Дракенсберга сменялись на вычищенные улочки Ньютона¹³⁶, расплавленный Даунтаун переходил в Восточный район¹³⁷, который терялся в лабиринте Старого города. Неутомимый психопат продолжал свой маршрут, словно чувствовал мучения сыщика. Ленни следовал за Хопсом уже несколько часов. Белоснежная спина в мешанине цветастых маек. Каждая косточка, каждый сустав резонировали болью. Казалось, они кричали, они стремились выбраться наружу. Кравитц ненавидел этот мир как никогда прежде.

Он очнулся на окровавленных половицах. На губах вкус ядерного курева, ладонь накрепко сжимает гранату.

Он угрожал Драксу выдернуть чеку, а затем его сбил поезд имени Билли Блэка. Чертов ублюдок вынес его приемом профессионального футболиста. Все, что он помнил дальше, это замедленный полет. Здание напротив, то самое, вместо вида. Старпер в трусах выдыхает облако яблочного табака.

¹³⁵ тупик

¹³⁶ искаженное от Ньютаун, район на Левом берегу Динаполиса

¹³⁷ здесь: Восточный Мидтаун

Смена кадра, и сыщик врезается в пожарную лестницу. Позади раздается протяжный крик: Черноватый кубарем летит в пропасть. Инерция ненавидит толстяков.

Тони вывернул на Шафранную Аллею. Белоснежная спина, походка не обремененного делами за'ара. Шилдс бы назвал это *променадом*. Кравитц шагал по коротким теням кипарисов, распластанным по тротуару, чужие ботинки терли искалеченные ноги. Кажется, на западе была Рэй-ривер. Или в любой другой стороне света. Он с трудом представлял, где находится¹³⁸.

Половицы. Липкие, красные, теплые половицы. Ленни забился в пустующую квартиру, словно крыса. Он не сразу сообразил, что это его собственная кровь. Из вспоротых ступней выглядывало розоватое мясо, торчали осколки стекла. Парадоксально, но наиболее болезненный опыт он приобрел уже после возвращения. В Заливе можно поймать пулю, но там никто не посмеет привязать тебя к стулу и колошматить сколько вздумается. Или разбить голову о фарфоровый писсуар. Признаться, и до службы жизнь его не очень баловала. В Динаполисе тебе либо слишком жарко, либо слишком больно, чтобы тебе было до этого дело. У католиков похожее место называется адом.

¹³⁸ Saffron Valley Avenue – живописный проспект Мидтауна, переходящий в Стоун. Не представлять, где ты находишься, находясь на нем, по меньшей мере странно

От штор несло затхлостью и почему-то мочой. Ленни осторожно выглянул наружу. Открыточный пейзаж превратился в зону боевых действий. Пальмы у входа пылали, как если бы их облили напалмом. Клубы обсидианового дыма стелились по фасаду, как лавина, идущая вертикально вверх. Башня дракона будто сама только что вернулась с Залива.

Обсидиан – коготь дьявола.

Мощная фигура Дракса стояла в остатках английского окна. Как статуя на носу корабля, разбивающая морские воды.

– Вытащите их оттуда, – мрачно приказал он, не ясно кому.

Ленни раскрыл добытую в ванной аптечку. По крайней мере, коробка пыталась притвориться ей.

– Хочется верить, с беднягой Элмором не случилось ничего непоправимого, – сказал мистер Хопс и с неподражаемой иронией добавил: – Он все-таки Счастливчик.

Под ними, в мутно-розовом бассейне, запутавшись в защитной пленке, как раненая рыба в сетях, трепыхался Билли Блэк. Могло показаться, что он продолжает драку с надоедливым сыщиком. Или его терзает акула. Ленни понадеялся, что в этой кутерьме бедняга не потерял треклятую бутоньерку. То-то большой босс взбесится.

– Твоя одержимость этим типом настораживает.

Кравитц выдернул самый большой кусок стекла. Кровь медленно поползла по рисунку подошвы.

– Меня удручает твое неверие, Вэл.

– Хмм...

– В игре, в которую мы влезли, правила меняются быстрее, чем успеваешь их изучить. А мы здесь, ждем морских черепах¹³⁹ и молимся Богу. И если недоразвитый детектив – наш шанс выбраться из этого дерьма, зачем топить его в бассейне с акулами?

Недоразвитый? Шанс?

– Pley ze geum, pley ze rule, – задумчиво отозвался мистер Ди.

Резко хлопнула дверь, и в кабинет упало массивное тело. Звуки резонировали в воздухе и доносились из оконного проема яркими образами. Сыщик буквально видел, как два долговязых за'ара вошли в помещение и взяли парочку под прицел дробовиков. Они были похожи на братьев-палочников¹⁴⁰, только в плащах и «авиаторах», точь-в-точь как у старины Демпса.

– А вы, ребята, явно не из наших, – повел бровью мистер Хопс. – Шли бы вы отсюда подобру.

Казалось, завсегдатая «Милосердия» просто невозможно удивить.

Вух-вух-вух.

Заложив вираж, Бродяга Хьюи, вышел на позицию. Он завис в воздухе между башней и сыщиком. Оконное стекло из-

¹³⁹ ничего не делать для выхода из затруднительной ситуации и надеяться на лучшее, очередная идиома

¹⁴⁰ вид насекомых, Ленни рисовал таких в детстве

гибалось в раме, будто бы хотело сбежать; задранный хвост полностью загораживал вид. Все равно что уткнуться в зад носорогу. При этом Ленни ясно видел и то, что происходило в тронном зале короля Ди, как если бы находился где-то поблизости.

В «Shrike» однажды писали про чувака, в которого заехало молнией, и он внезапно заговорил на немецком¹⁴¹. Ленни наконец выцепил когтем особенно неуступчивый осколок. Может, если тебя слишком часто лупят по башке, ты приобретаешь дальновидение? Или это заурядные глюки?

Миниган начал разгон. Шесть стволов привычно слились в размытый обод. Раздался стрекот, как если бы кто-то вздумал подровнять лужайку. Газонокосилка на высоте в сотню футов. Гильзы дождем лились на стройплощадку. Двадцатимиллиметровые снаряды прошивали кабинет Дракса. Большой босс замер в эпицентре шквального огня, словно принимал выстрелы грудью. «Бродяга» аккуратно шел по периметру, как огромная швейная машинка. Вряд ли он стремился кого-то убить.

Вертолет остановился. Здание будто выдыхало пыль. А потом раздался страшный скрежет: стена опрокинулась наружу и понеслась к земле. Где-то там, внизу, крохотный мистер Блэк еще боролся с акулой. А потом всё скрылось за большим БАХ.

Видимо, это и есть сигнал, о котором говорил Демпс.

¹⁴¹ о том, что это беглый пособник нацистов, газета почему-то не подумала

Сыщик резко выдернул еще один осколок. Был такой парень, Накатоми. Пошел на фронт, чтобы избежать интернирования¹⁴², да так и остался в армии. Доброволец на службе дяди Сэма, и все такое. Тот еще садист.

– Это должно было впечатлить? – с иронией спросил Дракс.

– Полегче, парни. Сантиметром правее, и... – указал на порванный ворот пансионарий. – О! Вы привели обед? Как мило...

Братья-палочники переглянулись.

По руинам комнаты шествовал бойцовый петух Микки. Его броня хранила следы битвы, шпоры цокали в обломках потолка. Он критически осмотрел территорию и грозно встрепенулся. За ним в остатках дверного проема появился Сержант Мясник собственной персоной. Он выглядел, как разгневанная утка из мультика. Разгневанная утка с пулеметом пятидесятого калибра.

А вот и кавалерия.

– Бунт на корабле! – сверкнул глазами старик.

Накатоми выбирал кого-нибудь из пленных и заставлял бегать по стеклу. «Ты ж йог¹⁴³, сука, ты ж это можешь!» – орал он. Но они не были йогами. Несколько бедолаг, которым не слишком везло в жизни. Теперь Ленни знал, чего им стоили те пробежки.

¹⁴² имеется в виду во Вторую мировую

¹⁴³ основная религия Залива – индуизм

– Джентльмены, это Луис и Дэвид, – представил своих фермер. Братья-палочники подобрались. – Луис, Дэвид, знакомьтесь – бунтовщики.

– Я Виллентретенмерт Дракс.

– А я, кажется, оглох на левое ухо, – пожаловался пансионарий.

«Бродяга» грохотал так, что было не ясно, как бы Хопс что-то слышал, даже не оглохни.

– Что ж, ребята, дружно шагом. Волшебник хочет побеседовать с вами лично.

– Не шуми, – вежливо попросил Вилентрочто-то.

Кравитц вырвал из себя гребаный лепесток люстры. Острый, как будто их точили специально для врагов.

– У вас нездоровый оттенок лица, сержант, – задумчиво сказал мистер Хопс. – Точь-в-точь под цвет земли, которой засыплют вашу могилу.

– Не ты ли засыплешь? – Демпс навел огромный ствол на пансионария.

– Вы не поняли, сержант. Это *мистер Ди*. – Он особо выделил имя. – Когда *мистер Ди* решит встретиться с вашим выродком, он сам назначит ему время.

– По мне, хоть президент Кулидж.

Сыщик не знал такого президента¹⁴⁴.

– Не стоит раздражать мист...

– Тихо! – рявкнул Дракс. Кажется, кто-то и без того был

¹⁴⁴ Калвин Кулидж, 30-какой-то президент США

раздражен.

Большой босс не стал грозить или биться в истерике. Он просто переместился. Это был невероятный по скорости и красоте прыжок. Ленни выбрал бы такой для обложки комикса.

Могучий ящер взял старт у того, что осталось от его до-рогущего стола, и приземлился прямо на кабину «Бродяги». Стальная птица содрогнулась всем корпусом.

– Я. СКАЗАЛ. ТИХО! – орал Дракс, с каждым словом нанося удар по закаленному стеклу «фонаря»¹⁴⁵. Лопасты едва не касались волос.

Ленни зачаровано наблюдал, как мистер Ди голыми руками дрался с армейским вертолетом. И выигрывал. Хьюи нелепо дергался, словно ему действительно больно. «Я вырву твое сердце и помочусь в дыру!» – греческий бог пробил кабину и выволок ошеломленного пилота. Тот был таким же долговязым, как братья-палочники. И как только уместился внутри.

Дракс держал долговязого на весу одной рукой, словно тряпичную куклу, и продолжал орать. Его челюсти раскрылись, как если бы он пытался откусить бедняге голову. Машину повело, но Дракс цепко удерживался на ногах.

– Когда я говорю «тихо», надо вести себя тихо! – выплевывал слова большой босс, медленно приподнимая наруши-

¹⁴⁵ здесь: прозрачная часть пилотской кабины. Будто бы Ленни служил в ВВС, ага

теля спокойствия. Чуть выше, еще чуть выше, пока голова пилота не оказалась на траектории винта. Лопасты срезали череп слой за слоем, точно чудовищная овощерезка. Тонкими ломтиками, будто шинковали апельсин. Закончив, Вилли равнодушно выбросил тело.

Стало ясно, почему Билли Блэк так и не решился надеть очки.

– Нееееет! – сержант взвыл, словно потерял близкого родственника. Его крик прошелся по воздуху и долетел до Лени образом непередаваемого отчаяния. Черного, как сама смерть.

Разочарования ожидают каждого из нас – сказал чуть раньше мистер Хопс.

В нашем деле следует ожидать потерь – напутствовал после учебки сержант Праймс.

Врагу следует причинить максимальные ущерб и разрушения за минимальное время – ставил задачу генерал Пэлтроу.

Весь в крови, мозгах и перемолотых костях Виллентре-тенмерт Дракс стоял на носу «Бродяги», как воплотившаяся угроза миру. На его лице можно было опознать только очки.

«Пепел к пеплу», – прокомментировал Тони и шагнул в тень за колоннами. Был – и нету.

Бригада Демпса замерла в немой сцене. «Ребята выглядят, как кучка дробил» – мог бы сказать на это большой босс. Единственным, кто сохранил способность к действию, остал-

ся петух Микки. Лавируя между развалин, пернатый воин набрал скорость и стремглав бросился в пролом прямо на несокрушимого Вилли Дракса.

Вертолет окончательно завалился и пошел вниз по дуге. Сам собой заработал миниган, росчерком ударив по стене здания. Ленни навсегда оставил в памяти этот момент, выполненный в акварели.

Механическая глыба, черная, как обломок скалы, замирает под невозможным углом на фоне неба, залитого аквамаринном. Дула из подбрюшья плюются снопами искр, зеркальные осколки падают в солнечном свете. Могучий за'ар и отчаянная птица бьются в кусочках отражений. Мистер Ди всеми силами старается удержаться на ногах. Микки в неестественной позиции подстраивает тело под траекторию вертолета. Когти в металлической защите нацелены прямым в лицо, круг лопастей едва не касается бронированного крыла. Еще секунда – и они сцепятся в смертельной схватке.

А потом Хьюи встретился с землей. И земля содрогнулась. Ударная волна пронеслась куда-то в сторону, по касательной задев окно: панорама быстро покрылась мелкой сеткой трещин.

«Бродягу» тащило по стройплощадке. Ленни видел, как в пыльном шторме возвышается фигура Дракса. Он стоял, верхом на поверженной машине, в позе победителя всего. Он покорил бурю.

Из пробитого глаза торчал кусок разбитой линзы. Как тебе

такой обед, сука ?

С отвратительным скрежетом вертолет врезался в дракону цитадель. Разверзся взрыв, прямо как тогда, в Заливе. Если постараться, можно было заметить, как снесенный ударной волной Микки кувыркается в ошметках брони. Как большой босс отталкивается от фюзеляжа. Как дрожащая лопасть втыкается между высоких штабелей. Песчаные лачуги проступили поверх индустриального пейзажа, и всю картинку пожрал огонь. Здание затряслось, и весь мир затрясся вслед за ним.

На прощание Хьюи выбросил столп сажи, окатив черным полосу стены. Пепел – к пеплу.

Демпс тяжело выдвинулся к пролому. Казалось, он постарел на сотню лет. Его пулемет безвольно смотрел в пол. Палочки следовали за ним, как свита.

Кабинет выглядел пустым. Только стоны умирающего здания и шорох расходящегося бетона. Они растянулись в линию, слишком далеко друг от друга. Потускневшие колонны стояли по обеим сторонам. За ними ожидала темнота, расплывчатая и тревожная. Братья бездумно водили шотганами. Скрип, неясное движение и – ничего. Джекки скорбно посмотрел вниз. Руины открыточного рая Дракса дымились под догорающим солнцем. Там остались верный петух Микки и тот чувак, который, вероятно, приходился фермеру кемто. Жизнь – это боль, как утверждал ныне почивший философ.

«Мы уходим», – тихо сказал старик, но не шелохнулся.

Больше здесь ничего не произойдет. Ленни облил горемычные ноги «White Lizard» и попытался забинтовать тем, что соорудил из простыни. «White Lizard», да: круг в очередной раз замкнулся.

Из угла послышался шум. Нарочитый, нахальный, дерзкий. Братья синхронно среагировали. Отвлекающий маневр. Белый призрак метнулся из теней позади. Всего лишь миг, и Тони Хопс оказался вплотную к первому, едва ли не засунув глушитель ему в ухо. «Бу-ух», – озвучил выстрел пансионарий и, сделав танцевальное па, исчез в тенях за противоположной колоннадой. Тело обвалилось, как обваливается сухая сосна. Брат-палочник обернулся на звук. Зря. Вынырнув из ниоткуда, Тони прилип к его спине. Ленни вспомнил пряное дыхание, совсем рядом. При других обстоятельствах это могло сойти за домогательство. «А ты останешься смотреть», – прошептал психопат и пустил две пули долговязому в позвоночник. И снова исчез.

Это походило на смертельную игру в салочки, только консьильеры всегда водил.

Старик тоже не успел. Мистер Хопс оказался перед ним, как будто вырос из пола. Искаженное ликующей яростью лицо отразилось в треснутых «авиаторах». А потом Святой Баптист вцепился зубами в глотку сержанта.

Прошли годы, прежде чем мистер Хопс свернул с аллеи.

Сделал шаг в сторону между кипарисов, как скрывался среди колонн. Сыщик едва не потерял его из виду.

Линии крыш постепенно опускались, прямые улиц петляли и завязывались, новостройки оборачивались довоенными¹⁴⁶ домами, приземистыми и ненадежными. За поворотами поджидали тупики, глухие, будто декорации для убийства. Подступы к Старому городу гнили под тяжелым июльским солнцем.

Болевой порог – индивидуальная вещь¹⁴⁷. Рано или поздно ты потеряешь сознание, но не сейчас. Кравитц ковылял за Хопсом, тот плутал в лабиринте безлюдных кварталов¹⁴⁸. Белая спина мелькала за поворотами и пропадала в конце проулков. Беспечный малый не учуял бы «хвост», даже если бы тот заехал ему по пяткам¹⁴⁹. Ленни наконец узнал местность: они были совсем рядом с Гулд-стрит. Куда же ты намылился, урод?

Пациент «Милосердия» свернул в тупик. Вот и развязка.

Сыщик остановился. Либо Тони зашел в одну из невзрачных дверей, либо поджидает его в тених с «22-ым» наготове. Что ж, посмотрим. Граната в кармане брюк все еще ждала своего часа. Кравитц поправил шляпу и последовал за пансионарием. В тупике никого не оказалось.

¹⁴⁶ здесь: до Второй мировой

¹⁴⁷ рассуждение Ленни на эту тему кажется нам лишенным всякого смысла

¹⁴⁸ все кварталы Динаполиса безлюдны

¹⁴⁹ каламбур, основанный на теории, что ранние предки за'аров имели хвосты

Он очнулся утром под безумный гомон клаксонов, на тех же половицах, на которых вырубился вчера. Тело разваливалось, будто его недопереварил и выблевал кит. Ленни попробовал сосредоточиться на чем-то кроме страдания.

По всему выходит, банда мистера Ди не поделила тушу осла с Волшебником. Кем бы ни был тот тип, его ресурсы впечатляли. А еще Рэд Берри, который «сидел под плэгасом» и мутил колоду. Видимо, у парней был общий бизнес в сфере туризма, а потом все пошло по говну. Но зачем им похищать Лори? Или зачем Лори бежать из города?

«А что ты знаешь об этой заре?» – мог бы спросить ехидный внутренний голос.

Допустим. Но причем тут, мать его, я?!

«Детектив может быть ключом к выходу из нашего положения», – сказал Хопс. Хорошо, а где замок?

Сыщик уже отчаялся выстроить в стройную картинку весь этот бред. События просто происходили. Неотвратно, безжалостно, хаотично. Но он все еще здесь, живой, в отличие от многих персонажей этой истории.

Кравитц застонал. Атомы бурлили в агонии. С улицы шел непрерывный вой гудков и тысячи глоток пытались разорвать его барабанные перепонки. Будто ты вновь на песчаном базаре в наивной надежде купить кебаб.

Стройплощадка была уставлена полицейскими карами. В мозаичной сетке трещин тревожно мигали маячки, капоты дымились на жаре. Всюду сновали за'ары, в форме и в казен-

ных костюмах. Мороженая¹⁵⁰ цитадель Дракса стала похожа на банановый сплит. Солнце терялось в ее острых углах, черных прогалинах и разгромленных арках. Лимонный дракон с пробоинами в треугольных крыльях тарашился из разоренного гнезда. Остов «Бродяги Хьюи» валялся, на треть увязши в песке, как выброшенный на берег кашалот. По нему сновали цварги¹⁵¹ из технической группы. Как лилипуты на теле мертвого великана.

С боевыми действиями в «центре Динаполиса» он, пожалуй, погорячился. Спиллейн-роуд – южный край Дракенсберга, отданный под массовую застройку. Ниже только Доки¹⁵². В таком месте можно смело ставить столы под бинго и продавать грошовые романы. Где-то неподалеку доживал свои деньки старик Смит, пока не исчез. Только тип вроде Дракса мог додуматься выстроить здесь отель с дворцовыми люстрами.

Со стороны дороги редела бесконечная река каров. Черный металл прогибался под адским солнцем, потные рожи из окон проклинали белый свет. Пробка на задворках Дино? Тупые копы перекрыли движение. Был бы Ленни потупее, сам бы...

«Ты и так тупой», – мог бы сказать кто-то вроде нового

¹⁵⁰ the ice-kream-kolored tower

¹⁵¹ представители цваргов часто идут в механики или инженеры. Группа техников, состоящая только из цваргов – обычное дело

¹⁵² Новые Доки

Донни Шилдса.

А потом Ленни увидел его. Вдалеке от общей суматохи за руинами площадки наблюдал белоснежный и непоколебимый мистер Хопс. Снова в неизменном костюме, будто собиравшийся на праздник. Сыщик помнил бешеный взгляд пансионария, когда тот перегрыз артерию обессилившему Демпсу, точно вампир. Малиново-алое пятно разрасталось по белой ткани, как вино на скатерти. Его наслаждение, когда кровь стекала с подбородка...

Ленни пристально посмотрел на фигурку консьежера, разделенную сеткой трещин, будто кто-то собрал психопата в пазле. Куда же ты намылился, адский пес?

Куда же ты запропастился, Тони Хопс? Облупленные стены, заколоченные двери, навсегда уснувшие окна. У этого места даже не было имени, только съехавшая вывеска давно закрытого бара. «Кадис» – будто название салуна в мертвом городе, который ждет финальной дуэли. Иссохшие колонны едва удерживали навесной балкончик над высоким крыльцом: не хватало разве перекасти-поля. Если не считать сыщика, глухой проулок был пуст.

– Меня всегда восхищала традиция Динаполиса давать названия барам в честь далеких географических объектов, – раздался медовый голос позади.

Сукин ты сын!

– Основанный за тысячу лет до Пришествия, Кадис был

поименован в честь римского бога Гадеса, что в текущей ситуации выглядит символично¹⁵³.

Ленни сообразил, что допустил фатальную ошибку.

– Когда я был мал, мы называли Кадисом весь этот проулок.

«Кадиссс, кадиссс, кадиссс» – точно змей шипел пансионарий.

Ошибка мертвеца. Ленни углубился в тупик, и оказавшийся сзади Хопс просто перекрыл отход. В армии это называют идиотизмом.

– Сюда приводили некоторых за'аров и оставляли их тела под крыльцом. – Кажется, змей облизнулся. – Как сказал Григорий Богослов по совершенно другому поводу: «Дальше Кадиса пути нет».

Ленни все-таки обернулся. Палевые стены узким коридором тянутся к бесконечно далекой фигуре. Искаженный перспективой Тони Хопс целится в него так, будто рекламирует гангстерский фильм. Тонкий глушитель смотрит прямоком в сердце. Черный кейс в эффектно отставленной руке добавляет образу налет профессионализма.

– Вынужден отдать должное, последние факты вашей биографии было непросто пережить.

Есть места, где жизнь определяется расстоянием между тобой и твоим врагом.

¹⁵³ сомнительно, чтобы эрудиция частного сыщика позволила ему оценить этот символизм

– Но, как это обычно бывает, в концовке вы допустили глупую оплошность. Поддались гордыне. И куда это вас привело? В тупик.

Есть места, где никто не услышит твоего крика.

– Я полдня наслаждался вашим мучением, вашей высокомерной уверенностью в том, что вы достаточно хороши, чтобы противостоять мне. Взгляните на себя теперь, да на вас смотреть больно!

В этот момент сыщику было больно смотреть абсолютно на все.

– Не волнуйтесь, как всякий христианин, вы отправитесь в единственно возможное место. В преисподнюю¹⁵⁴.

Ты разве не слышал, чувак? Динаполис – это и есть преисподняя.

– Так я больше тебе не нужен?

Вместо ответа мистер Хопс бросил взгляд на черный кейс, потом на сыщика и снова на черный кейс.

– Выходит, что нет, – пожал плечами пансионарий, как будто между чемоданчиком и жизнью Ленни существовала незримая связь.

– И как ты без меня выберешься из игры? Я же ключ, шанс, и все такое.

– О, вы так много слышали! – наигранно удивился Тони. – Но поняли так мало. Эффекты перехода бывают удивительно практичны. Я знал одного джентльмена, который... Впро-

¹⁵⁴ взгляды мистера Хопса на Учение вызывают массу вопросов

чем, неважно.

– А?

– Я хочу сказать, вы действительно крайне удачливы, частный детектив Кравитц. Но за нашу короткую прогулку стало совершенно очевидно, что вы не ключ. В перспективе, быть может, это и к лучшему. По крайней мере, для вас. Однако в ближайшем будущем вы умрете.

Ленни медленно потянулся за гранатой.

– Если вас это утешит, мистер Ди тоже умрет. Только чуть позже.

– Вот как?

– Вэл, конечно, могуч, как Тихоокеанский экспресс, но его мозг не в силах оценить масштаб происходящих событий.

Под взмахами винта голова-апельсин с шипением теряет слой за слоем. Кровь пузырится на грязных линзах. Расскажи-ка мне еще о мозгах.

– Его бурная деятельность – не лучше, чем пытаться утопить ковчег из брандспойта. Что касается меня, то нет, я не хочу «выйти из игры». Я хочу сыграть в нее по моим правилам.

Мистер Хопс снова говорил с особым жаром, как если бы продолжительное время был заперт в одиночной камере и теперь наворачивает упущенное.

– Ну а вы... Вы не нужны мне, частный детектив Кравитц. – Пальцы осторожно пролезли в карман. – Трагедия вашего существования в том, что вы не нужны совершенно

никому. Даже святые смотрят на вас с упреком. Одинокий ребенок, который стал одиноким взрослым – ваша эпитафия.

31 фут. Именно такое расстояние... Да что ж всякий раз, когда меня собираются прикончить, в башку лезет эта дикая байка?! Просто тяни время.

– Знаешь, я стоял на твоей могиле.

Полированная плита. Жаркий ветер стелет к черной земле желтые цветы...

– Смею думать, что я стою на вашей.

Пальцы наконец нащупали рельефный металл. Еще увидим.

– В смысле, в другом Дино. Кто-то ухаживал за ней все восемь лет.

Долетит ли граната прежде, чем он меня грохнет? 31 фут. Интересно, сколько это в секундах.

– Вы заберете это знание с собой.

Кажется, психопат смутился. Ленни был готов выдать что угодно, лишь бы Хопс продолжил говорить.

– Я потом подумал, не странно ли: нашелся в мире за'ар, которому дорог такой урод.

Только не это.

– Вы чрезвычайно занимательны для трупа, – растянулся в улыбке Хопс. – Будьте любезны, верните федору, и закончим.

– А?

Нужен правильный момент.

– Шляпу верни, – тоном, который выбирают для ино-

странцев и детей, пояснил мысль консьюльери.

Шляпа? Моя шляпа? Есть надежда, что этот придурок пойдет ее забирать?

– Иди сюда и возьми.

Надежда – привилегия коммуниста¹⁵⁵. А коммунизм – это синоним поражения. По крайней мере, об этом талдычил сержант Праймс, пусть их и готовили совершенно к другой войне.

– Тогда в печень, – пожал плечами Хопс и выстрелил.

Неимоверное движение. Никогда еще Ленни не видел, чтобы на крючок нажимали так быстро и элегантно. Рюгер покачнулся. Черное дуло послушно выплюнуло пульку. 22-ой – женский выбор. Ленни не успел даже подумать, чтобы дернуться. Эхо выстрела отразилось от палевой кладки. «Скорость звука быстрее скорости пули, – утверждал крысеныш Стегманн, – так что ты сможешь услышать выстрел, который тебя прикончит». Мучительно громкое эхо. Дальше Кадиса пути нет – мысленно повторил сыщик, заваливаясь спиной на мостовую. Последние, что увидел Кравитц, это красное пятно, расплывающееся по белоснежному костюму. И озадаченное лицо пансионария.

Далеко-далеко, в другой жизни, кто-то уронил на камни тяжелый металлический предмет. И наступила тишина.

¹⁵⁵ надежда – привилегия коммуниста, потому что ему больше ничего не осталось в жизни, – полная версия цитаты

Неаполь, у моря

08/01 We

Совсем близко уронили тяжелый предмет, и тишина разбилась на осколки. Ее кусочки покачивались в темном океане пустоты. Ленни медленно приходил в себя. Офис федералов: кажется, он провел здесь еще одну ночь. Свет давил на окружающий мир свинцовой плитой. Под такой стоило похоронить Хопса: чтобы не выбрался. Ковбой Брютс давно свалил, пообещав напоследок все кары небес, когда его шеф соизволит-таки явиться. Спустя несколько часов вечности кто-то наконец сел напротив.

Интересно, что там еще? Большой начальник с пудовыми клешнями, специализирующийся на традиционных методах допроса? Или очередной debil по типу заклинателя крыс? От этого мира стоит ожидать любой тупости. Кравитц с трудом поднял голову и разлепил веки.

Ни то, ни другое. Секретарша в клетчатом платъице, похожая на сельскую школьницу в День благодарения, вынимала из безразмерной сумочки папки. Красная клетка паутиной расходилась по груди. «Бум. Бум. Бум» – тяжелым эхом отдавалось в голове. Сыщик застонал.

– Как вы себя чувствуете, мистер Кравитц?

Мистер Кравитц чувствовал себя так, будто его оттрахало

стадо бегемотов.

– Хуже, чем выгляжу, – в горле еще драло от ядовитого перца Брютса, так что фраза получилась скорее жалкой.

– Тогда вы, должно быть, давно мертвы.

Ха-ха. Какой-то модник уговорил ее нацепить поверх бесцветную кофточку с огромными пуговицами¹⁵⁶. И сиреневый платок в стиле парнишки Шилдса. У них тут мода.

– Мы можем приступать, или вам вызвать медицинскую помощь?

Спасибо, крошка, я лучше подожду, пока страшный начальник отмутузит меня как следует. А там хоть катафалк.

– Ну что ж.

Крошка улыбнулась, будто пришла помочь, отчего стала похожа на маленького крокодильчика. Они такие милашки в своем возрасте. Но подожди, и любой из них сожрет тебе лицо, если получится.

– Приступать к чему?

До Ленни не сразу дошло, а потом он ее узнал. Секретарша раскрыла досье, и сделала вид, что видит бумаги впервые:

– Итак, Леонард Элмор Кравитц, по прозвищу Счастличик...

Из-за светлых кудрей, небрежно спускавшихся на плечи...

– Начинал с подпольных боев и торговли лизергином. Закончил под бомбами на побережье аль-Дэшила в 24 года. Не

¹⁵⁶ сказал чувак, который носит подтяжки с ремнем

повезло. Между этими двумя точками стремительная карьера в преступном мире. И такой несчастливый конец...

Из-за макияжа, неудачно подчеркивавшего черты...

– А теперь вы вернулись с того света. И устроили бойню с Вилли Драксом за территорию.

На Счастливого Элмора смотрело рассеянное, почти что сонное лицо Элизабет Дросс. И вряд ли она была здесь секретаршей.

– Но начнем мы с самого интересного...

– Лиз?

– Линда, – поправила женщина. – Спецагент Линда Дросс, – она дружелюбно протянула потертую книжечку; крокодильчик снова расплылся в улыбке. – Я уже представлялась, но, видимо, вы были не в том состоянии.

Дитлинде Элизабет Дросс. Карточка запечатлела милую отличницу, буквы расплзались в чернильном мареве.

Детли мать ее как?! И эта зара еще рассуждала о нацистах¹⁵⁷?

– Итак, тема дня на сегодня: откуда армейский вертолет взялся посреди Динаполиса?

– Я прилетел на нем из аль-Дэшила? – полуспросил Лени. Ему захотелось ее поддеть. Ему всегда хотелось ее поддеть.

Аль-Дэшил – та еще клоака. Портовый город, напыщен-

¹⁵⁷ только об их пособниках

ный, как военный марш. Был один парень, Хэмми, бывший коммунист. Мечтал добраться туда, чтобы посмотреть статуэтку в охренеть насколько крутом музее. Мир в огне, а этот debil все твердит про свои древности. Свистнуть хотел, как пить дать. Бедняга помер от туберкулеза где-то в песках. А музей сравнивали с пылью, вместе с городом.

– Это вряд ли. Вам ли не знать, что УН-1 не использовался во время войны в Заливе.

Линда похлопала ресницами и наиграно вздохнула, так вздыхают по мальчишкам на переменке.

– Послушайте, мистер Кравитц. Нам известно, что вы были в отеле. У нас есть свидетель. Парень без лица, припоминаете?

Так малыш Рэтс выжил. И сам стал крысой. Жизнь исполнена иронии.

– Вы не хотите говорить об этом?

Непривычная Лиз. Интересно, она и есть «страшный шеф», или это очередная попытка низового персонала вытянуть из меня хоть что-то?

– Окей.

Линда принялась рыться в сумке, словно нищенка в помойном баке. На столе появились самые неожиданные предметы от мятных леденцов до открывалки. Как минимум половина из них просилась обратно в мусор. «По крайней мере, служба в полиции сделала ее организованней, – размышлял Кравитц. – Гипотетически пристрелив того мудака,

я оказал Дросс неоценимую услугу. В смысле, она ж не оценит». Наконец, спецагент нашла то, что искала.

– Узнаете этого за'ара?

Мертвый Хопс, красивый и спокойный, лежал под мощными лампами «анатомички». Одухотворенный образ.

– А должен?

– Подворотня по Гулд-стрит, где у домов насечки вместо номера, припоминаете? – Она положила новый снимок. – Я знаю, что вы там были, мистер Кравитц.

Ленни вспомнил, как перекошенный яростью психопат перегрызал шею бедняге Демпсу. Выражение лица, когда красное пятно расходилось под его сердцем. Недоверие, изумление, обида. На что же ты обиделся, испуская последний вздох, Тони Хопс? На кости, что завершили бросок, на Бога, который отвернулся?

Мистер Кравитц определенно был на Гулд-стрит, когда под резонирующее эхо магнума бывший пансионарий опал на раскаленные камни. Но говорить об этом не собирался.

07/30 Мо

Рюгер покачнулся. Черный глушитель послушно выплюнул пульку. 22-ой – женский вариант. Тупой удар, точно в печень, – и сыщик заваливается назад. Бирюзовое небо, запертое коридором домов, расстелилось, словно парадная дорожка в рай. Далеко-далеко упал тяжелый предмет. Звук ме-

талла на жарких камнях. А потом наступила тишина.

В последний момент, говорят, жизнь пронесится перед глазами. Ленни много раз был на грани: видимо, недостаточно близко. Никто не пришел взглянуть на его смерть в грязном переулке. Ни молодой Донни, исполняющий фокусы в «учебке». Ни Лори, обнаженная в лунном свете. Старик Финн в окружении крысиных шкур не чавкал над его поверженным телом, и Ширес не ухмылялся в тених. Но в последний момент, когда сознание почти отступило, он увидел тот самый пейзаж.

Рекламная картинка, раскрашенная во все оттенки голубого. Дощатый домик на берегу в полукружье высоких деревьев. Маленький и славный, далекий, словно мечта. Тихие волны ласкают гальку. Ветер, замерший в кронах. На небе остались трещины там, где тонкие пальцы впивались в глянец. «Неаполь, у моря», – шептали тонкие губы. В тот вечер она вся была тонкая, будто сделана из стекла.

Vedi Napoli e poi muori¹⁵⁸. Ленни приземлился затылком на мостовую, и тишина разбилась на осколки.

Апартаменты Лори на 12-ом этаже кондоминиума по Уэстлейк-стрит напоминали магазин одежды, по которому прошел ураган. Женские тряпки, детские тряпки, заколки и косметички, и черт знает что еще. Кравитц откопал под грудой непонятно чего ротанговое кресло. Местный Элмор приобрел его прежде, чем отправиться в Залив: в берлоге сыщика

¹⁵⁸ увидеть Неаполь и умереть

до сих пор стоит такое же. Он бережно усадил Лори, но женщина почти сразу сползла на пол. Ее все еще трясло после тупика. Кравитц прошел по квартире, как комиссар, ожидающий засады.

– Ребенок? – отрывисто спросил он.

– Что? – Лори сидела на коленках, уставившись в молочный тюль. Ее взгляд оставался далеко отсюда.

– Девочка. Где девочка?

Последнее, чего он хотел, это объяснять малявке, почему ее маму колотит, будто к ней подключили провода. Или пристрелить, если та внезапно выпрыгнет из-под кровати.

– Холли? У матери.

О да, мамаша Риз – отличный пример для девочки. Любой Дракс должен забиться в угол при звуке ее шагов. Говорят, бешеная стерва начинала с боев без правил, и даже оттуда ее выперли за жестокость. В его мире она коротает дни охотой на саблезубых кошек где-то в Антарктике.

– Я не хотела, – тихо сказала Лори. – Это было необходимо, но я не хотела, – женщина смотрела на руку, как если бы обвиняла ее в убийстве. – Я пришла, чтобы сделать это... Так было нужно... Но она не...

Ленни закончил обход. Полки с одеждой, кухня с грязной посудой, выстроенной горным рельефом, ванная с витком волос в сливе и куча таблеток, разбросанных по тумбочке, как леденцы. Под кроватью тоже никого. В одном из шкафов он обнаружил шеренгу костюмов, стройно висевших на

плечиках. Сдается, именно Элмор отвечал за порядок в этом браке.

Лори продолжала лопотать себе под нос. Иногда она путалась и называла Хопса «ей». Все повторяла, что Тони «не заслуживала этого», или обвиняла во всем какую-то Пэт.

Ленни налил «Теда Купера», себе и ей. Женщины. Хлебом не корми, дай закатить истерику. Будто был повод.

Он пришел в себя от удара, мгновенно перекатился через голову и оказался на ногах. Тони Хопс неподвижно лежал в своем конце тупика. Широко открытые глаза смотрели в ясное небо. Дальше Кадиса пути нет. Позади него по выжженной зноем стене медленно сползала Лорелея Кравитц. Белая блузка, узкая юбка, все как он любил. И тяжелый магнум, дымящийся у ее туфель.

Ленни рванулся через проулок. Непонятная женщина, так похожая и так не похожая на его Лори, сидела на корточках. Ее трясло, голова поникла, волосы закрыли лицо.

– Прости, милый, – тихо сказала она. – Я не должна была приходить.

Она извинялась за то, что спасла ему жизнь. Это называется шоком. Кравитц подобрал револьвер, подхватил женщину и быстрым шагом направился домой. Всё другое было неважно.

Ленни расстегнул трексу и вынул чехол: бог знает, сколько он там бултыхался. Еще в башне сыщик перестал обра-

щать внимания. «Тяжелый том. Впору колоть орехи», – сказал мистер Черноватый или мистер Толстопуз. В бычьей коже осталась дырочка, почти не заметная на темном фоне. Пуля прошила твердую обложку, полтора десятка листов и остановилась. Бедняга Тони так хотел устроить ему мучительную смерть, а в результате застрелил мультяшного Финна. Меткий выстрел: точно в голову.

Ленни прошелся по страницам. Смятый кругляш из меди и свинца покатился по паркету прямо к Лори. Та уже прикончила снифтер и теперь завладела бутылкой. Капли стекали на блузку, делая прозрачной тонкую ткань. Бледная кожа, кружевной лиф стягивает грудь. Металлический шнурок уходит за линию обзора. Ей нравились блузки, ему нравились блузки на ней. И все, что под ними.

Лори небрежно сидела на полу. Женственная, растрепанная, уязвимая. В ее позе было больше секса, чем могло бы, сделай она это специально. Он наклонился, чтобы подобрать пулю, совсем рядом. Она перехватила его взгляд. Распахнутая трекса открывала торс, иссеченный рельефом шрамов. Твердый, как если бы его отлили из стали. Недостаточно твердый для Динаполиса.

Их лица оказались непозволительно близко.

– Закурить есть? – хрипло спросил сыщик.

– Потом, Ленни, – мягко улыбнулась Лори и закинула руки ему на шею. Мир закружился в ее духах, холодных и колких, как льдинка в стакане виски.

Она прильнула всем телом, обвила собой, как омела обвиняет дуб. Страстные, требовательные объятия. Измученный последними днями Кравитц не смог бы вырваться, даже если б захотел.

– Я не твой Ленни, – сбивчиво пробормотал он.

– Заткнись... Плевать...

Ее глаза полыхнули. Тонкие губы пахли янтарным виски.

– Теперь ты мой, – сказала Лори, прогнувшись под ним.

Ее ладонь легко скользнула ему за ремень. – Мой, мой, мой, – повторяла она, как шепот волн, ласкающих далекий берег. Он сгрел ее и потащил в спальню. Дощатый домик покачивался на морской глади, и ветер замер в зеленых кронах.

– Неаполь, у моря, – задумчиво прочла Лорелея и затянулась сладким дымом.

Изломанная картинка с буклета, он часто изображал ее в разных вариантах. Иногда домик становился бревенчатым, иногда вода окрашивалась еловой тиной. Береговая линия то приближалась, то отступала далеко назад, порой чайки мелькали по верхнему краю страницы. Постоянным оставалось одно: на рисунке никого не было.

Лорелея раскинулась на кровати, простыня волнами стелилась по телу, едва прикрывая грудь. Лорелея означает «шепчущая скала» на немецком. Она была очень целеустремленная девочка, даже в постели. Особенно в постели. Он повалил ее, разорвал блузку, сорвал трусики. Плотная

кружевная ткань в его руке – единственный трофей на сегодня. Она забрала инициативу, как и почти всегда. Отчаянная, неукротимая Лори: у него не было сил бороться. Она двигалась яростно, как в последний раз. Животная страсть, оставшаяся нам от пращуров. Мир содрогался, дерево трещало под ними. Великолепная женщина, страстная, обнаженная, его... Его Лори. Его Лори... Его ли?

Она извивалась на нем, будто хотела победить. Армейские жетоны Элмора раскачивались между ее грудей на цепочке. Дорогие костюмы Элмора выглядывали из-за полузакрытого гардероба. Ботинки Элмора притаились где-то поблизости. Она шептала важные для *него* слова, руки мертвеца лежали на ее бедрах. Лорелея Кравитц получила обратно своего покойного мужа, пусть даже и напрокат, и теперь старалась не упустить зря ни мгновения. Она была главной, даже распластавшись под ним. Она доминировала, даже когда умоляла не останавливаться.

Лорелея. Речная скала на восточном берегу Рейна, воспетая в местных легендах. Когда поднимается ветер и вода яростно стучится о камень, она будто ласково шепчет проходящим мимо судам. Какой-то чувак сочинил стихотворение, после которого имя и стало популярным. Кажется, «На Рейне в Бахаре¹⁵⁹» или что-то вроде того. В свое время Шилдс рассказал ему эту байку, чтобы Ленни блеснул эрудицией на первом свидании. Судя по всему, юной Лори был до лампоч-

¹⁵⁹ по нашим сведениям – в Бахарахе

ки далекий Рейн: она просто хотела затащить его в постель. Видит бог, у нее получилось с первой попытки.

– Мог бы и одну на двоих, – кокетливо сказала Лорелея, принимая сигарету. Ленни с тоской посмотрел на свою. Она казалась маленькой и тонкой: чем тут делиться? Женщины лишь бы отобрать всё.

– Откуда они? – Лори едва провела по рисунку на груди. Шрамы, мелкие, едва различимые, затейливой вязью покрывали почти все тело.

– Крысы, – ответил Ленни и затаился. Она курила дорогую приторную дрянь.

– Крысы?

Сыщик неохотно объяснил, и она захихикала в ответ.

– А мне сказал, что это от подпольных боев. Меты когтей...

Здорово, давай поговорим о твоей дохлом муженьке. Вообще, помереть в Заливе – это надо особенно постараться. Если, конечно, в твоём взводе нет такого мудака, как Ширес. Гребаные песчаники – те еще бойцы, это точно. Генерал Пэлтроу утверждал, что не нанял бы их готовить гамбургеры.

Лори продолжала о своем Элморе, словно за все эти годы наконец нашла возможность поговорить. Ленни по-хозяйски положил руку ей на грудь и притянул к себе, и она с готовностью прильнула. Шикарная женщина в его постели, и к черту все. Пусть себе кудахчет.

Он пролистал страницы. Только несколько работ оказа-

лись безвозвратно испорчены. А Финну так и вообще было лучше без башки. Ленни достал карандаш и принялся зарисовывать Южного Джентльмена. Он придал лохмотьям большее сходство с костюмом, а лицу – наивность ребенка. Бывший журналист смотрел дрожащими глазами на мир, и тень от бака служила ему постелью.

– У тебя талант, мог бы стать художником, – протянула Лори, устроившись у него на груди.

– Я думал об этом.

– Думал он. И что же?

– Пошел в издательство в Большом городе¹⁶⁰. Какой-то козел по имени Стенли сказал, что у меня слишком мрачный взгляд на вещи. Он там был шишка или типа того. Я вбивал ему зубы в глотку, пока меня не оттащили.

– Ахаха... Ты всегда был вспыльчивый.

Почем тебе знать? Он убрал волосы с ее лица и нежно поцеловал в губы. Какая все-таки она красивая, чьей бы ни была.

– Когда мы познакомились, ты торговал лизергином в подворотнях. – Лори затянулась. – Заводился с пол-оборота, мог забить до смерти за косой взгляд.

Вот как.

– А как же агентство?

– Контора? Делами заправлял Дон, он же у нас мистер Умник. Ты подключался, когда надо было сломать пару ребер.

¹⁶⁰ в Нью-Йорке

Или когда *хотел* сломать пару ребер. А так – скорее ширма для налоговой.

Прелесть-то какая...

– А что теперь?

– Теперь... Дон старается, конечно. Но жизнь показала, что без грубой физической силы сыскной бизнес в Динаполисе лишен перспектив. Все эти его маневры... Когда тебе было что-то нужно, ты просто брал это. Если при этом приходилось разбить несколько голов, ну что ж...

Лори рисовала совсем уж изуверский образ суженого. Изуверский – еще одно словечко Донни.

– Первое убийство совершил в 12 лет. Сбросил приятеля в колодец.

Глубокий каменный желоб, диск луны, заполняющий ночное небо. Хоть кто-то тебя прикончил, Ширес. Но посмотри, что из этого получилось, приятель.

– Потом девочки, вымогательство и так далее.

– Почему же ты за него вышла?

– Потому что влюбилась.

Они долго молчали, а потом Лори укусила его за губу, причем больно.

– Тебя называют Счастливым, потому что ты можешь выпутаться из любой передраги. – Она перевернулась на живот. Податливая женщина сверху. – Однажды тебя выбросили с последнего этажа «Дубов»: ни царапины.

Она повторяла «ты», словно пыталась внушить ему лич-

ность старины Элмора. Да пофиг. Ленни положил руку на поясицу и прошелся по гладкой коже вниз.

– Эй! – игриво взвизгнула Лори и рассмеялась. – Сегодня тебе тоже повезло, – женщина просунула мизинец в отверстие от пули. – Хопс обычно стреляет в голову, – мрачно добавила она.

Ну конечно! Элмор был бандит. А значит, был знаком с другими бандитами. «Счастливчик у нас сирота, – распинался в «Милосердии» пансионарий. – Загремел в приют в четыре». Тони знал факты биографии другого Ленни. Интересно, что знает Лори?

– Как случилось, что парень, который мог выпутаться откуда угодно, отправился мотать лямку в Залив?

– Это показалось отличной идеей. – Она скривилась. – После Бена федералы крепко упали нам на хвост. Дон предложил уйти добровольцем, пока тут не рассосется. У Бюро нет юрисдикции за пределами страны, и так далее. Но получилось не так чтобы хорошо... – Она затынулась, почти до фильтра. – Теперь Умник перечисляет нам процент дохода, якобы за бренд.

– Чтобы загладить вину?

Совсем как я плачу половину семье Шилдса. Зеркальная реальность.

Лори неопределенно фыркнула:

– Он проводит платежи по программе поддержки семей ветеранов и получает налоговый вычет. Не удивлюсь, если

этот жлоб в итоге выходит в плюс.

Извращенная зеркальная реальность.

– Ребенок от него? – вдруг догадался Кравитц.

Отстраненная девочка в коридоре. Настолько серьезная, что это даже пугало.

– Холли? Фу! – сморщила носик Лори. – У мужиков совершенно нет фантазии!

Она перевернулась обратно на спину и натянула простыню до шеи. Ну вот.

– Мне стоит ревновать? – тонкий пальчик провел по серебряной бумаге.

Растрепанная секретарша в неустойчивой позе жалобно смотрела со страницы. Как будто запнулась, и вот-вот потеряет равновесие. Поднос накренился, дымящийся кофе опрокидывается прямо на тебя.

Извините-мистер-это-можно-отстирать-содой...

– С натуры писал?

Печатные листы кружили на заднем плане, словно осенние листья. Похожая на лепестки марипосы блузка подчеркивала движение. По краям Ленни тщательно отрисовал несколько клякс.

– А это что за гадость такая?

Внимание Лори отвлекло ошипанное существо с фермы. Алхимик у автора получился похожим на головастика.

– И почему без руки?

– Неизвестная форма жизни. Может, и у вас такой есть.

– Прости, я ошиблась. Фантазия у тебя – не дай бог, – она затянулась приторным дымом и выбросила окурок куда-то в кучу тряпья.

А потом нашла единственный рисунок, который не стоило находить. Не ей, не сейчас.

– Неаполь, у моря, – задумчиво прочитала Лорелея, и мир разверзся под бедным сыщиком.

Неаполь, у моря – как письмо, потерявшемуся адресату. В тот вечер она пришла поговорить. Их последний вечер, остальное – не в счет. Сигаретный дым держался в комнате густым туманом. Ленни тупо пялился в стену. Барханы медленно вставали среди узоров, цепочка солдат уходила в горизонт. Ленни сидел и ждал, когда из ниоткуда раздастся выстрел и маленькие фигурки рассыплются по земле; снайпер в безвольной руке пустел никуда не торопясь. Она вошла к нему без предупреждения, будто имела на это право. Взволнованная и тонкая, не похожая на себя.

Она сказала: уедем из Дино. Она сказала: к черту всех и всё. Этот город никогда тебя не отпустит. Этот город сожрет тебя целиком. Война закончилась, Ленни, она закончилась для тебя. Есть места, где война никогда не начиналась. Есть места... Она пришла с геккошкой, улыбочивой песчаной ящеркой, будто хотела взять ее с собой. И теперь она выставила зверька вперед и тоже улыбнулась, совсем по-детски. Словно говорила: смотри, какая милашка, ты же не смо-

жешь нам отказать. Сколько ей было? Двадцать три? Двадцать пять? Как молоды мы были еще недавно.

Она сказала: смотри. Рекламная книжечка, раскрашенная на все оттенки голубого. Неаполь, у моря. Далекое побережье, где никто не знает о войне. Где нет этой невыносимой жары¹⁶¹. Где много раз в году идет дождь. Где стебли утром тяжелы от росы, и всё хорошо. Она сказала: уедем из Дино, только ты и я. Она дрожала посреди табачного дыма, будто сама стояла под дождем.

Она говорила, и песчаные кварталы застилало огнем. Она говорила, и небеса ревели, словно больной ребенок. Ленни обернулся. Тонкая, наивная Лори в темноте, под блузкой просвечивает бюстгальтер. Пальцы нервно сжимают буклет, будто вырванное у жизни счастье. Она просила. Она сжимала своего геккошку, как будто это все, что у нее было, кроме него. В ее глазах дрожали крупинки утренней росы, глянцевая синева проглядывалась между фалангами.

Ленни обернулся. Ее груди тяжело вздымались из жестких чашек почти до самых сосков.

– Давай потрахаемся, раз пришла, – ответил он.

Глянцевая синева стала черной, как крыло бомбардировщика. Капли росы брызнули из ее глаз.

Она вlepила ему пощечину. Тяжелый удар: щека болела несколько дней. Он накрепко запомнил тонкие пальцы, веером несущееся по дуге. Единственный раз, когда она его

¹⁶¹ морской климат на юге ди'Америки значительно мягче континентального

ударил. Единственный раз, когда он не дал сдачи.

Так они расстались. Он не думал, что это конец. Если честно, ему было не до нее. Когда на следующей неделе пришел Ширес, кажется, на полу еще валялся скомканный рекламный буклет.

– Нетипичный рисунок, – сказала Лори, и наваждение распалось.

Когда сыщик сказал «я не твой Ленни», он неверно поставил вопрос.

– Почему нетипичный?

Когда он думал: это не моя Лори, он не понимал, что это действительно значит.

– Как-то безлико, здесь нет души.

Его Лори блуждала где-то там, несчастная, потерянная в чужом городе. Или много лет назад – в плотной синеве табака.

– Моя душа осталась на полу, скомканной в рекламный буклет.

Он должен найти ее. Не из-за Ширеса с пухлым конвертом. Просто потому что должен.

– Что?

Найти, и больше не отпускать.

– Мне нужно идти.

Она заглянула в глаза и тихо ответила: «Я знаю».

Он собирался стремительно: острое чувство выгоняло его

прочь. Словно он сделал что-то совершенно неприемлемое. Изменил своей женщине с ее сестрой, или типа того. После всей херни, которая приключилась за эти дни, одежда сыщика напоминала скорее материал, из которого Вонючка-Дракс свил свое жилище, даром что пахла несколько лучше. Ленни с интересом посмотрел на шмотки Элмора, бережно развешанные в шкафу. Да какого!

Гавайская рубашка под размер, брюки из ткани с мелкой текстурой. Вместо чужих ботинок – классические туфли¹⁶² Счастливчика. Единственная его вещь, которая хоть как-то соответствовала гардеробу, – это чехол для блокнота. «Gator holster» ручной работы: седельная кожа, барабанное крашение, застежки типа «pearl snaps» из настоящей орихалковой меди. Штука не из дешевых, хоть и выбирал за удобство. Ленни подмигнул расфуфыренному парню в зеркале, и тот ухмыльнулся ему фиксой.

Когда расфуфыренный парень вышел из спальни, Лори странно посмотрела на него, будто увидела кого-то еще. Вот же черт, об этом он не подумал...

– Мне пора.

Она вертела в руках многострадальную федору и не отводила взгляд.

– Мне пора, прости.

И на ней не было абсолютно ничего.

– Дай хоть почищу.

¹⁶² эти туфли называются «броги», Ленни

Судя по бардаку в квартире, предложение стоило расценивать как угрозу.

– Просто верни, – сыщик осторожно потянул за край...

«Шляпу верни», – тоном, который выбирают для полных кретинов повторил консьежери. И все сразу стало так просто. Единственная вещь, которую можно вернуть... Он улыбнулся, Лори обиженно отстранилась.

Когда он уходил, Лорелея Кравитц сидела в ротанговом кресле, вызывающе раздвинув ноги. Светлый пушок едва прикрывал ее лоно, гладкая кожа лоснилась в закатных лучах. Она смотрела на него с укором. Шикарная женщина, делай с ней что хочешь. Ленни хотел отыскать свою.

Его электрический стул

08/01 We

Бум! Резкий звук выдернул сыщика из небытия. Странная Лиз то ли хлопнула в ладоши, то ли ударила папкой по столу. Кравитц легко представил, как спецгент в школьной форме вызывающе лопаёт розовый пузырь. Бум! И он снова в свинцовом склепе, все так же прикованный к стулу, а она как ни в чем не бывало продолжает жевать резинку.

– Вы не будете говорить о мистере Хопсе? – ласково спросила Дросс. Смешная девчонка: думает, если повторять снова и снова, из этого выйдет что-то хорошее. Это тебе не минет, крошка.

– Что ж, тогда я расскажу кое-что вам.

Когда она дышала, красные линии двигались по белой ткани, соединялись и расплзались, как пятна крови. Будто Тони изрешетил ее из своей пукалки.

– За’ар, известный как Энтони Хопс, был обнаружен у бывшего бара «Кадис» рядом с Гулд-стрит в 3:15 пополудни. Он умер не сразу. Пуля пробила легкое, и мистер Хопс захлебывался собственной кровью... – она сверилась с бумагой, отчего стала похожа на училку, – ориентировочно около пятнадцати минут. Когда агенты прибыли на губах еще пузырилась красная пена. В его руке находился малокалиберный пистолет с глушителем, а именно «рюгер» первой модификации. Технари говорят, что это коллекционная редкость. Рядом лежал небольшой кейс черного цвета. В мистера Хопса стреляли со спины из револьвера «магнум», который изъяли у вас при аресте...

Ты поймала меня, крошка.

– Вместе с учебной гранатой...

То есть как, учебной?

– Первичный осмотр места преступления дал противоречивые результаты.

Демпс меня подставил? Или что? И на кой? Будь готов убить любого, кто тебе встретится? Чем, пальцем? Я сам для него был что-то вроде шумовой гранаты¹⁶³...

– Поэтому... поэтому... – она запуталась в записях.

¹⁶³ то есть отвлекающим маневром

Хрен с ним, старый хрыч все равно покойник. На этот раз не воскреснет¹⁶⁴.

– Была привлечена кинологическая группа.

Собаки-ищейки, да. Ленни оскалился: и кого же обнаружили эти клоуны? «Пощады нет, спускайте псов войны!» – как сказал бы Шилдс. В отличие от за'аров со сверхразвитым обонянием в настоящей заварушке твари чуть менее чем бесполезны. Для сыска – с переменным успехом. Фокус в том, что собаки не станут брать след хищника, если почувствуют реальную опасность. В их представлении парни типа Элмора – просто массивные ящеры, которые, если достаточно свирепы, могут сожрать кого угодно, в том числе и пса. Дело в особых феромонах или еще в какой-то фигне. В свое время Шилдс прочел ему целую лекцию на этот счет. Вот интересно, за кем пошли ищейки? кто страшнее, я или дохлый психопат?

– Хмм... собаки следа не взяли, – Линда сделала кислое личико.

К чему все это? Либо она не подготовилась к допросу, либо?.. Что у них вообще на меня есть? Граната, которая не работает, и пистолет, который я нашел? Мало ли что валяется в Старом городе, сестренка.

– А, вот: был приглашен погонщик из разведывательного подразделения... Интересно, – она перевернула страницу.

Вараны. Они использовали варанов! А ребята крепко взя-

¹⁶⁴ на заметку частному сыщику: в «его» мире действовал другой Демпс

лись. Натасканных на запах ящериц держали в основном армейские части. Не «нюхачи», конечно, но все же. Мощные твари в три центнера¹⁶⁵ весом, готовые сожрать хоть мистера Блэка. Ленни встречал таких: бесконечная тупость в глазах и вонь парного мяса из пасти. Вот только они не переносят алкоголь. Лучший способ выжить при встрече с таким – напиться. Кравитц снова оскалился. Пропитанные «White Lizard» ноги буквально спасли его шкуру.

– След привел на Спиллейн-роуд. Вы знаете, что находится на Спиллейн-роуд?

Остатки банановой башни Дракса тлели в закатном свете, как угли на ветру.

– Понятия не имею.

– Я так и запишу... – то ли спросила, то ли проинформировала Лиз, но записывать ничего не стала. – Таким образом была установлена связь между двумя локациями. Тот, кто участвовал в бойне «Капитана Ди¹⁶⁶», убил Энтони Хопса из оружия, найденного у вас при аресте.

Что-то в девчоночьем тоне неуловимо изменилось, и эти изменения сыщику крайне не понравились.

– Вы все-таки были в отеле. У нас есть свидетель. Парень без лица, помните?

Она начинает повторяться. А он не курил уже лет двести.

– А сигарета есть?

¹⁶⁵ центнер – около 50 килограмм

¹⁶⁶ игра смыслов: Капитан Ди – популярный супергерой из комиксов

Дросс забавно скривилась.

– У вас найдено орудие преступления. Мотив, средства, возможность. Триада криминалистики. Этого вполне достаточно, чтобы отправить вас на электрический стул.

Раздался треск, и голубые молнии метнулись по веревке, словно пытались ее сожрать. Маленькие искорки, что еще вы можете прожечь, а? Накрепко примотанный Ленни плотно сжимал подбородком рукоять погонялки, парень пока еще с лицом тихо попискивал в углу.

Если вы когда-нибудь решите освободиться с помощью переменного тока, не делайте этого!

Мириады колючих электронов забрались под кожу, словно ждали этого момента всю жизнь. Боль неслась по желобам вен раскаленным потоком, кровь начала закипать прямо внутри. Казалось, еще чуть-чуть, и электричество домчит к сердцу, и сердце разорвет на клочки. Багряные ошметки будут трепыхаться по грудной клетке, как щупальца осьминога на рыбном рынке. Еще чуть-чуть, и невыносимый поток ворвется под череп, глазные яблоки лопнут и отвратительным желе стекут по щекам, мозговая жидкость ползет из ушей...

Если бы вместо понтов с клетками малец устроил ему взбучку погонялкой, вряд ли бы сыщика хватило дольше пары заходов.

Кравитц сам не понял, как удержал «зубочистку». После сотни лет пытки он с трудом скосил налитый кровью глаз.

Проклятая веревка едва почернела в месте удара. Сука!

«И стоило столько страдать, чтобы получить так мало?» – выплыл из глубины памяти Стегманн Моттс.

Выгнув шею под невозможным углом, сыщик принял-ся дербанить наконечником-вилкой поврежденные волокна. Кропотливая работа, в процессе которой он еще несколько раз получал разряд. Когда он уже думал, что так и останется здесь до прихода очередного мордоворота, натяжение все-таки ослабло. Еще несколько секунд и Ленни был свободен, как вольный ветер. Вольный ветер, который нещадно лупили в течение дня.

Он покидал бетонный короб, оставляя за спиной одино-кое кресло, утопленное в пол. Кажется, дерево еще дыми-лось. «Мой электрический стул» – невесело усмехнулся Лен-ни, закрывая за собой дверь. Впереди ждал ад, но Леонард Элмор Кравитц не догадывался об этом.

– Вас совершенно не пугают перспективы? – наигранно удивилась Линда.

Ленни перевел взгляд на специального агента. А она ми-лая в этом платье. Смешная девчонка из провинции в де-шевых туфлях, которую послали выполнять мужскую рабо-ту. Будто здесь конкурс на самую большую в округе тык-ву. Откуда она? Кажется, Харлан, Кентукки. Родина Фор-та-Нокс и мятника¹⁶⁷, чем бы ни была эта дрянь.

¹⁶⁷ вообще-то мятлика, но, и правда, плевать

– Смертная казнь в штате Дин отменена в 11-ом году, крошка¹⁶⁸, – ехидно улыбнулся Ленни. Ему снова захотелось ее поддеть.

– А у нас *федеральная* контора, милый, – будто к страдающему заболеванием мозга обратилась не-Элизабет Дросс. – И судить тебя будут по *федеральному* законодательству. Смекаешь?

Улыбка медленно угасла, как головни под морозящим дождем. Не то чтобы сыщик переживал, что его казнят, просто не хотелось выглядеть идиотом перед этой пигалицей.

– Вам нравятся слова, мистер Кравитц? – медовым голосом протянула провинциалка.

Ему нравились сигареты, хороший скотч и красивые женщины. Ему нравилось бить других.

– Я все время повторяю, *найденного у вас револьвера*, а вы не обращаете внимания.

Он вспомнил, как она алым огнем извивалась в пыльной буре. Вечернее платье сползло по гладкой коже, обнажая тонкое тело. Вот на что стоит обращать внимание.

– Дело в том, что вараны взяли еще один след.

Ленни нахмурился.

– Который привел в кондоминиум по Уэстлейк-стрит.

Ленни замер.

– В списке жильцов которого, о чудо... – она ловко вытащила из хаоса бумаг требуемый листок, – фигурирует некая

¹⁶⁸ так ее!

Лорелея Кравитц. Ее вы тоже не знаете?

Ленни перестал дышать. Впервые за перипетии последних недель стало по-настоящему холодно. С улицы потянуло сквозняком, или это наконец заработал кондиционер? Окна как будто покрыла изморозь, в воздухе замерли крупинки инея, полярный свет заполнил офис Бюро. Когда он все-таки выдохнул, облачко пара зависло перед лицом, и будто бы выбрались из теней призраки тех, кто побывал на его месте. «Эти цепи я ковал всю жизнь!» – закричал старик в тюремной пижаме. Ленни вздрогнул, морок рассеялся. Дросс сидела напротив, вцепившись взглядом в его лицо, как коршун в добычу.

Она ничего не докажет.

– Вы слишком самоуверены, – будто бы прочла его мысли Дросс. Из улыбчивой секретарши она на глазах превращалась в уверенного агента Бюро. – Вы не избавились от револьвера. Вполне возможно, просто не успели. А это было *ваше* оружие, зарегистрированное на *ваше* имя. Вы не нашли его, любуясь красотами Кадиса. Револьвер оставался у вашей вдовы после того, как вы вернулись с войны в цинковом ящике. – Ее темп речи убыстрялся. – Но сейчас, как видите, вы мне не интересны. Меня интересует *миссис Кравитц*. Что связывает ее с переулком, спросите вы. – Удар! Дросс отрепетированным движением вытащила из сумки тяжелый блокнот и вмазала им по столу. Блокнот с его рабочими записями. – Вот здесь, – острый палец указал на дырку от вы-

стрела, – технари допускают 22-ой калибр. Хопс стрелял в вас. Она стреляла в него. Поставите две сотни, мистер Кравитц, что супруга не сохранила на память пулю?

Она сверху. Военные жетоны Элмора раскачивались между обнаженных грудей. Мистер Кравитц не поставил бы и цента.

– Так что, нет, вы мне совершенно не нужны...

«Вы не нужны мне, частный детектив, – улыбался мистер Хопс. – Ваша трагедия в том, что вы не нужны абсолютно никому». Кому-то нужен. Пусть и не совсем я. Лори. И что из этого вышло? Уж лучше бы ты оказался прав, чертов псих.

– Я возьмусь за нее.

Свинец. Холодное дерево, холодные полосы на паркете, холодное солнце за прозрачным, будто корочка льда, стеклом. Словом и убить можно. Если только ты не лаосец. Хотя обычно убивает свинец. Все что угодно убивает. Каждый день по чуть-чуть, или однажды – разом и навсегда. Совсем недавно один тип прикончил Джонни Бэнкса окурком. Кажется, этот тип был где-то поблизости.

– У нее есть ребенок. Подозреваю, что не от вас. Чудная девочка, вы знакомы?

Русая малявка в коридоре чересчур серьезная для ребенка. Слишком близко к нему. Ее запах, теплый и пряный, рассудительные карие глаза.

– Когда я арестую вашу жену, малютку возьмут под опеку. И знаете что? Это будет не ее бабушка. Анархистка с ис-

торией насилия длинной в милю – вряд ли хороший выбор для ребенка. Но не волнуйтесь, я прослежу, чтобы Холли отравили в приют. Муниципальное учреждение где-нибудь на краю Предместий.

«Orphan Children» надпись на каменной глыбе за могильной оградой из заостренных зубцов.

– А знаете, что происходит в таких местах, мистер Кравитц? Я полагаю, знаете довольно точно. Будет большой удачей, если она отправится ловить крыс по колено в дерьме. Годам к 12-ти (если жизнь ее не слишком изуродует, конечно) она прибьется к какому-нибудь борделю. Она будет обслуживать потных скотов по 18 часов в день только потому, что много лет назад один урод не захотел сказать мне то, что я хотела от него услышать.

Темп речи ускорялся, слова становились тише. Лицо пайдевички обращалось в оскал мегеры. Линда продвигалась все ближе, нависая над столом, и последние фразы она шептала почти вплотную. Еще одна женщина непозволительно близко от него. Но в этом не было ни капли секса. Только шипение змей на раскаленной сковородке – в самое ухо. Он мог бы свернуть ей шею. Или задушить нелепым фиолетовым платком. Но был не в силах пошевелиться.

Но почему? Очередной ребенок, выброшенный жизнью на улицу. Не его дочь, не его женщина, и даже не его мир. Но что-то провалилось внутри, и на каждом втором слове Лени вздрагивал, как если бы его лупцевали кнутом.

Да, лучше бы его действительно избили, лучше бы усадили на электрический стул и подключили провода. Он был бы рад, если бы его глаза стекли по щекам. Или сожрать ящик хабанеро. Только не это.

Закончив, Линда вытерла лоб рукавом. Огромные пуговицы грозно смотрели на подозреваемого. Кравитц уставился в чашку, любезно оставленную Брютсом, будто надеялся отыскать спасение на дне колодца. Черная вода призывно колыхается в полярном свете. Стоит только нырнуть и...

– Впрочем, возможно, я ошибаюсь. Возможно, вам нет дела до чужого отпрыска бывшей, – она принялась собирать бумаги и в беспорядке засовывала их в сумку. – Тогда я, пожалуй, пойду. Не покидайте город на время судебного процесса.

Она сделает это, даже если не хочет. Из одних только стерживости и упорства. И не важно, какой сукой она будет чувствовать себя потом. Это называется переть на принцип.

«А я был прав, м? Такое и в кошмарном сне не приснится», – весело подмигнул из отражения Брютс. Ленни поднял голову от чашки. Дитлинде Дросс собиралась с видом беззаботной секретарши.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты конченная мразь?

– Бывший муж во время развода, – она кокетливо улыбнулась, намереваясь уйти. Уйти и не вернуться.

– Линда, подожди, – попросил сыщик. Так просят на хлеб те, кому действительно надо.

Женщина в нелепом клетчатом платье внимательно смотрела на него. Он сломался. Она видела это в его глазах.

– Я расскажу все.

Про Дракса, Хопса, Шилдса, кого угодно. Про преступные разборки, нелегальные ставки и все, что придет в голову. Про то, как избил чувака в приемной, сжег Бэнкса и взорвал потолок большого босса. Про Демпса с его штурмовой бригадой, про нищего в переулке. Все преступления под небом Динаполиса, о которых знал, слышал или просто догадывался. Всё, что могло иметь какой-нибудь смысл.

Лицо спецагента Дросс стало мрачным, а взгляд тяжелым, будто все маски схлынули разом, оставив только ее суть. Ничто. Больше всего Ленни боялся, что она рассмеется ему в глаза. «Теперь мне это не интересно. Я просто хочу, чтобы ты страдал», – ответит конченная мразь, и всё будет кончено.

Она наклонилась, уперев руки в стол, точно паучиха, готовая броситься на добычу.

– Будьте добры, мистер Кравитц, расскажите мне, что вы знаете о «Дыре».

Красный узор паутиной расплзлся по ее белому платью. Ее медовый голос был полон горького яда.

Шкатулка с секретом

07/30 Мо

Беспокойные тени в коридоре, темная полоса под две-

рю, темнота за узорами стекла. Ленни осторожно шебаршил проволокой в замке. Единственная вещь, которую можно вернуть... Донни-Донни, что же ты наделал, старинный друг? Сыщик легко справился с задачей. Офис «**Kravitz Investigations**» казался наполненным тревожной ночной тишиной. Здесь он душил сутенера в лаковых туфлях. А здесь рухнул, как подстреленный слон. Дорогие ботинки Элмора наступили на вмятину в паркете. Ленни толкнул следующую дверь, и та с протяжным скрипом отворилась. Будто саксофон из виетролы. Кабинет Донатаса Патрика Шилдса лежал перед ним почти таким же, каким он его покинул. «Шляпу верни», – распорядился мистер Хопс. Единственная вещь, которую можно вернуть, это та, которая тебе не принадлежала. Кравитц аккуратно повесил федору на место. «Твоя?» – спросил он тогда. – «Из клиентов кто-то забыл». Почти что правда. Кравитц вернул федору туда, где Тони Хопс ее оставил. Холодный свет города тонул в молчаливой темноте.

«Не все из действующих лиц были с тобой честны», – сказал Шилдс.

Сыщик не торопясь обошел комнату. Скрытые панели, тайники в половицах, маленькие секреты волшебной шкапулки, в которую друг превратил его кабинет. Он обшарил всё: закладки были обескураживающе пусты. Самый умный за'ар в комнате будто бы издевался издалека.

Это мы еще поглядим.

В китайском шкафу за запертым стеклом стояли украшен-

ные яйца. Ленни прищурился на свое отражение поверх побрякушек, и оно моргнуло в ответ. «Шагом марш, и докажите мне, что у вас есть яйца, салаги!» – орет сержант Праймс, мужик был просто помешан на теме гениталий. «Можно мне, сэр», – застенчиво поднимает руку Шилдс, и когда разъяренная рожа нависает над его смущенной физиономией, изящным жестом достает из воздуха яйцо. «Вот оно, сэр», – говорит Умник, и парни затаив дыхание следят за ним: они знают, что все не может быть так просто.

«И это всё, на что ты способен, рядовой?!» – спрашивает Праймс, и брызги слюны летят во все стороны. Донни вздергивает бровь и подносит руку к губам. Изящные пальцы замирают в причудливом пассе. Он не здесь, он на карнавале, под шатром, до отказа забитым публикой. Донни набирает в грудь воздуха и резко дует. Скорлупа соскальзывает на пол. Он демонстрирует обнаженное яйцо зрителям, а затем резким движением глотает. Но яйцо слишком большое. Он хрипит, кашляет, колотит себя в грудь, кажется, синееет. И когда даже на лице Праймса появляется что-то похожее на испуг, Шилдс выпрямляется. Он широко раскрывает рот, и оттуда пронзительно желтым пятном выпархивает цыпленок, хотя яйцо, разумеется, не куриное¹⁶⁹. «Надеюсь, он не попадет под сигнал воздушной тревоги», – выдает Умник финальную шутку. Казарма стоит на ушах, сержант орет, но его никто не слушает.

¹⁶⁹ за'ары относятся к курицам как к домашним питомцам

Фокус это не фокус. Фокус – это подготовка. Бог знает, сколько Донни разрабатывал этот номер. Сколько ждал, чтобы подгадать момент.

На столе лежал серебряный доллар, большой и тяжелый. Видимо, коллекционный экземпляр. На его узоры играл холодный свет улицы, хотя окна рядом не было. Еще одна иллюзия волшебной шкатулки. Рядом с монетой стояла фотография. В черной рамке, будто траурный снимок. Непозволительно молодые Арчи, Краун, Элмор, Донни и еще каких-то два типа замерли у барной вывески. И Лори. Удивительно счастливая Лори в самом центре кадра прижимается к нему. «Крысиная стая» – гласила косая подпись в углу.

Своего кореша ты тоже кинул, или что?

Он еще раз посмотрел на фотографию. Какая же она все-таки красивая. И неужели такой урод, как Элмор, мог сделать ее счастливой? Так мог ли я? «Найди то, что любишь, – сказал один хмырь, когда они чалились в каталажке в Большом городе. – Найди то, что любишь, и позволь этому себя прикончить». Кажется, в его версии это был дешевый портвейн. Я найду тебя, детка. И будь что будет.

Щелкнул замок, рифленое стекло загорелось размытым светом. Тлеющий желтым прямоугольник прямо напротив сыщика. Движения за'ара за стеной были отрывисты и торопливы. Лишь перед самой дверью силуэт замер, словно прислушиваясь к внутреннему голосу. Казалось, еще немного, и он испарится, как карнавальная иллюзия. Исчезнет, слов-

но фантом из театра теней. Сыщик приготовился пуститься в погоню, когда Донатас Патрик Шилдс все-таки повернул ручку.

Шилдс зашел в кабинет и не глядя бросил пиджак в темноту. Он быстрым шагом пересек помещение и зарылся в полках комода. Размытый силуэт в темной комнате копошится в скоплении теней. Теплый янтарь мягко мерцает у него на груди. Легкая мишень.

– Ну, здравствуй, старый друг, – сказал Кравитц и дернул за шнур лампы. Тяжелый свет вспыхнул под абажуром, чтобы утонуть в полумраке.

Старый друг вздрогнул, как застигнутый врасплох вор. Частный детектив располагался за его рабочим столом. Грозный магнум был направлен в его сторону. Всего мгновение Шилдс обдумывал ситуацию, а потом стал мягким, как коробка щенков:

– Долго же ты соображал, приятель, – непринужденно отозвался он, словно сам пригласил сыщика на встречу.

Хорошая мина при проигранной партии.

– Впрочем, твой доплер вряд ли бы сложил картинку.

– Доплер?

– Двойник, копия, другой. Как ты называешь того, чье место занял?

Место здешнего выродка – цинковый ящик в шести футах под поверхностью земли.

– Элмор. Я зову его Элмор.

– Забавно, его всегда бесило это имя. Столько лет прошло... но кое-что не забывается, не правда?

Только то, о чем мечтаешь забыть.

– Тупой как пробка, злющий как черт...

Изящный силуэт в темноте, янтарная брошь мягко светит, приоткрывая уголки губ, сложившиеся в полуулыбку.

– А ты молодец, Леонард. На самом деле – молодец. Тебя водил за нос едва ли не каждый персонаж этой истории... Но вот ты здесь.

Изящный силуэт говорил, но никак не мог наладить контакт с собеседником. Главный герой внимательно следил за тем, как очередной *персонаж* пытается его поймать.

– Если не секрет, за что ты зацепился?

– За шляпу, – коротко ответил Кравитц.

– Федора Энтони. – Шилдс понимающе кивнул. – Надо было сказать, что моя... Но я так торопился сплавить тебя подальше, что совершенно не сообразил. *Mea culpa*.

– А потом ты меня сдал, – сказал сыщик, и в его голосе прозвучала горечь. Как глупо, как чертовски глупо, но мысль о том, что Донни, пусть даже *этот* Донни, лгал в лицо, все еще отдавалась сосущей болью. – Послал в переулок и бросил мне на след парней Дракса.

Это называется предательство. В любом из миров.

– Слушай...

– Выйди-ка на свет, Умник. – Ленни махнул стволом. –

Хочу посмотреть, настолько ли ты умен.

Мистер Предатель послушно встал под холодную полосу фонаря. Лишенный покрова теней он казался растерянным, как комик, впервые попавший под софиты. Тонкие пальцы подрагивают, на лице сверкают капельки пота. Что-то пошло не так в твоей блестящей игре? Или это очередной трюк, чтобы сбить меня с толку?

– Слушай, ничего личного... Просто стратегия выживания...

Его Донни никогда бы не опустил до настолько никчемного образа. Что ж, *pleu ze geum*...

– Ну так выживай.

Кравитц взвел курок.

– Стой-стой-стой-стой, – затараторил дрожащий комик. – Посмотри на меня, окей? Подумай, как я, нет, ты просто прикинь. Чувак вломился в мой офис, чуть не прибил Джейкоба, сорвал встречу... Страшный, огромный, мертвый. Что я должен был сделать? Что бы сделал ты? – он окончательно смешался и боязливо развел руками.

Чертов мерзавец определенно ломал комедию, притом дешевую. Брось, парень, даже перед Праймсом ты выдал намного больше.

– Это мой бизнес, моя жизнь... Я думал, ты отберешь у меня все...

Эка драма, впору заплакать. Ленни захотелось отстрелить старому другу что-нибудь ценное, но револьвер был не заря-

жен. Единственная пуля ушла в проклятого Хопса.

А ведь он уже видел что-то похожее... Холодное вязкое чувство дежавю внезапно овладело сыщиком. Жалкий тип в потекшем гриме отчаянно ищет ноту, способную зажечь публику, а находит эхо в практически пустом зале... Нет, стоп... да. Репетиция.

– Бизнес, – сквозь зубы бросил Кравитц, просто чтобы Донни не останавливался.

Это было очень, очень давно. Кто-то тоже стоял в серых полутонах шатра, а номер все не получался. Кто-то, но не Умник.

– Бизнес?

– Расскажи мне о нем.

Это казалось важным. Пустая сцена. Маленький Ленни в укромных тенях сосет подаренный леденец. Он занят, он наблюдает за тем, как создается волшебство. Жженый сахар оставляет на губах горечь.

– Дракс, Берри, Башня, – нервной скороговоркой выпалил Донни. Его камень учащенно мерцал, будто отбивал пульс. – Дракс, Берри, Башня. Они держат почти весь город.

Таро. На тумбе, на черном атласе блестят магические карты. Их рубашки, соединяясь между собой, образуют таинственный узор. Ткань идет складками, такая гладкая, что свет соскальзывает с поверхности и пропадает в темноте подмостков.

Сыщик скосил взгляд. Между групповым портретом

«крысиной стаи» и тяжелой серебряной монетой лежала гадальная колода. Детское воспоминание оборачивалось безумным ремейком.

– Они называют это Фирмой.

Сыщик снял верхнюю карту. Интересно, что уготовила судьба?

Повешенный. В переплетении ветвей на фоне бледной луны вверх тормашками висел молодой за'ар в глупом наряде. Одна нога в петле, другая неестественно подломлена. В чертах его лица Ленни на секунду узнал себя.

– Вэл отвечает за охрану труда. Берри осуществляет *переходы*. Башня – финансовые вопросы и общее руководство.

Ломкий за'ар – в бледном овале прожектора. Пылинки роятся косым лучом, спущенным с небес. Он смотрит, почти так же, как сейчас Шилдс, только не на Ленни.

– Они быстро пришли к точке гармонии. Лишь Вэл мог справиться с улицей, лишь Берри в состоянии управлять пропильоном, у Башни был рецепт той бурды, необходимой для *перехода*. Идеальный союз.

Сыщик перевернул новую карту.

Башня. Пронзающий бурю монолит, напоминающий отель Дракса. Нижний этаж поедают языки пожара, в верхушку вонзается зигзаг молнии. Молодой за'ар, чем-то похожий на Донни, летит головой в бездну, нелепо размахнув руки. Внизу, у самой границы карты, голубой дьявол отчаянно играет на контрабасе, будто пытается укротить пламя.

– Слушай, я не просто сдам тебе всю схему... Ты не представляешь, в насколько выгодной позиции мы находимся. Фирма трещит по швам. Фракционная борьба, ну ты знаешь. Если ударить в правильных местах, мы сможем подмять всю организацию под себя, понимаешь?

Шатер. У самого полога в пересечении ярмарочных линий почти невидимый стоит господин. В смокинге и цилиндре, будто сошел с цирковой афиши. Единственный, чье мнение для артиста действительно важно.

– Рэд мужик серьезный. Дракс залег на дно, но у меня есть пара наметок, вместе разыскать сумеем...

Господин в цилиндре бросает недовольную фразу и выходит в чернеющий вечер.

– На самом деле, единственный, кто нам важен, это чертов Толстяк. Кроме него никто не может управлять этой штукой...

Ленни с грустью следил, как распался прекрасный артист. И это все, на что ты способен, рядовой?

Господин в цилиндре говорит свою фразу, и ломкий за'ар вздрагивает, как от кнута. Очевидно, номер не удался.

– Вэла и Башню можно смело сбросить с доски...

Бессмысленное выражение, которое понятно только своим. Карнавальное аргю. Никогда в жизни Ленни больше его не слышал.

– Ты не представляешь, какие это деньги!!! – голос Донни пошел на срыв. Янтарный камень забился, будто в припадке.

Ленни печально пострел на друга. Шоумен, артист, фокусник, иллюзионист, маг – кто угодно, но не предатель.

Шилдс осекся и замер в полосе холодного света. Точь-в-точь как его отец остался в пятне прожектора, когда странный за'ар покинул его шатер. Дон понял, что проиграл.

Господин в цилиндре сказал: «Безвкусный как черный веган». И вышел за полог.

Нельзя предать того, на чьей стороне никогда не был.

Сыщик перевернул последнюю карту.

Маг. Красное существо в арке из розовых кустов. Гладкое, неприятное, чем-то похожее на Алхимика-Добрински. Существо твердо смотрело на сыщика с растресканной поверхности картона. Правая рука вздернута в характерном нацистском жесте.

Нельзя предать того, кто так или иначе сам пошел против тебя.

Знаете, как еще называют мага? Волшебник.

Все было, как в тех дрянных детективах, где разгадка с первых страниц, на самом виду. Просто как гвоздь. Последний гвоздь в крышку гроба нашего печального детства.

– Я знаю, что ты Волшебник, – тихо сказал Ленни.

Старые друзья, они такие. Все время норовят выскочить из прошлого и повернуть оставленный в спине нож.

Самый умный за'ар в комнате медленно поднял взгляд. За секунду бледное лицо исказилось. Непонимание, удивление, беспокойство, раздражение, досада, жалость сменялись

в диком калейдоскопе, пока наконец не слились в сплошную жутковатую массу. Будто художник решил изобразить сразу все. А потом эта мешанина расплылась в невозможной, чудовищной улыбке.

Донатас Патрик Шилдс расхохотался.

«Что ж, маски сброшены», – отрешенно подумал Кравитц, наблюдая за согнувшимся в истерическом припадке магом. Все линии наконец сошлись в единственный узел. Сыщик часто размышлял о том, каких высот достиг бы друг, не попади он под самоубийственную атаку Джимми. Результат действительно впечатлял. Но не сказать, что это было тем впечатлением, которым тебе захочется поделиться.

Главарь синдиката, подмявшего под себя город. Похищения, убийства, пытки и черт знает что еще. Несмотря на все дерьмо, которое случилось в жизни, на все то, что ему приходилось совершать, Ленни был внутренне уверен, что находится на правильной стороне. Да, его моральные границы давно размылись, но он спускался в темноту только, когда этого требовали обстоятельства. И всегда возвращался обратно.

– Господи, какой же ты тупой... – с непередаваемым выражением произнес Донни. Он стоял в центре комнаты на полосе уличного света. Без страха, без притворства, таков как есть.

– А?

– Ты правда детектив или так, куриц по деревьям снимаешь?

– Я что-то упустил?

Черт, а ведь это *его* офис. Это его *представление*. Шилдс мог запросто вытащить из ниоткуда пистолет. Нажать на половицу, и кресло вместе с непрошеным гостем провалилось бы в пропасть. Обрушить часть потолка простым щелчком. Так много вариантов и столько времени на подготовку...

– Я не Волшебник, – вместо этого спокойно произнес Донни.

– Я должен тебе поверить, потому что?..

– Не должен, – коротко ответил старинный друг и с умилением посмотрел на сыщика. Так женщины смотрят на детей.

Иногда фокус это совсем не фокус.

Ленни не понял этого взгляда, но ощутил что-то, что невозможно подделать. Искренность. Вот кто я для тебя: неразумный ребенок, влезший в большое взрослое дело. Поглядим.

– Допустим, – сквозь зубы проговорил сыщик. – Но как же...

– Да-да, черный веган. Старая шутка, которую Бен притащил из своих приключений. Что-то про археолога, который сожрал пигмея или вроде того.

Точно, дядюшка Бенджамин. Так звали того мудака с афиши. Вечно с недовольным видом, будто ему нассали в суп.

Он то исчезал, то появлялся, пока в один день не исчез по-настоящему.

– Не думал, что огребу проблем из-за моего чувства юмора. – Умник активно замотал головой, демонстрируя, насколько именно он «не думал». – Со временем в нашем кругу выражение стало означать что-то типа «банально до невозможности» в самом уничижительном ключе. Бог знает, откуда Хопс его выцепил.

Удивительно, но Ленни испытывал иррациональное облегчение оттого, что Шилдс не возглавлял это кабаре жестких психопатов. Или возглавлял?

– Каюсь, виновен. Я действительно работаю на Фирму. Так, шоумен на подхвате. Решаю трудные задачи элегантным способом. Не уверен, что много значу для организации, но некоторые вещи мне доверяют. Например, я отвечал за ребрендинг главного предприятия.

Пальцы пианиста складывались в непринужденные пассы, чертов камень светился тонким золотым светом.

– Ребрендинг?

– После того, как букмекерская контора накрылась.

«Счастливый номер». Мистер Смит упоминал.

– А что так? Жирный боров не мог рассчитать коэффициент?

– Грабители. Легкие деньги, плохой район, et cetera. Рэдмонд был вынужден постоянно выносить мусор. Стали возникать вопросы. Ну, ты понимаешь.

«Несколько ребят вламываются в кафе, такое как наше, – глумился мистер Берри. – И больше их никто никогда не видит».

– Для нового прикрытия я выбрал кое-что неброское, кое-что совершенно безобидное.

Кое-что травоядное...

– Ну кто, скажи на милость, станет наезжать на веганов?

Нет ничего менее подозрительного, чем вегетарианское заведение.

– Мне показалась забавным... Ты позволишь?

Не дождавшись ответа, Донни сделал смелый шаг в темноту. Кравитц проводил его путь дулом магнума. Щелкнули кнопки, игла с шипением скользнула в прорезь винила. Под тихие ноты блюза «шоумен на подхвате» легко подставил плетеный стул и сел так, чтобы оказаться полностью в зоне видимости сыщика. Он не хотел проблем.

Поздновато спохватился, приятель.

– Мне показалось забавным оставить себе возможность для шутки. Веган, сфера Шварцшильда и еще несколько прекрасных мелочей, которые скрасили мой мир.

Ленни помнил про эту штуку. Пространство возле черной дыры, из которого никто не вернется. Как из каирна.

– Нарастающая кампания за здоровье нации позволила скрыться в общем потоке. Все крайне удачно получалось...

– Момент-момент. Так они не связаны?

– Кто?

– Твой синдикат и Святая Троица?

– В смысле, Фирма? Если честно, понятия не имею. – Он заложил ногу за ногу. – «Элизиум» поставляет продукты в кафе, но за внешние контакты отвечает Волшебник, а не Рэдмонд. Если есть связь между Башней и Сестрами¹⁷⁰, кроме очевидной, мне не удалось обнаружить.

– Так, может, пойдём и спросим у твоего мага?

Донни поморщился.

– С этим возникнут определенные проблемы...

– То есть? – Ленни угрожающе сдвинул ствол.

– Волшебник живет в Башне, это все, что я знаю...

Похоже на начало детской истории.

– Похоже на начало сказки, но это правда. За'аров, которые с ним встречались, можно перечислить по пальцам одной руки.

– Тогда начинай.

– Ну...

Ленни снова взвел курок, неясным образом возвратившийся на место.

– Имена, колись.

Нет, его друг не был главным в банде подонков. Он просто подбирал кости под их столом. Сыщик решил, что если Шилдс сейчас заартачится, это будет хорошим поводом пустить в него пулю¹⁷¹.

¹⁷⁰ то есть Троицей, ох уж эти жаргоны разных миров

¹⁷¹ кто-то забыл, что магнум был не заряжен. Впрочем, лучший блеф тот, в

– Дракс и, возможно, Хопс, – неохотно начал Донни. – Однозначно Рэдмонд. С сержантом Демпсом не все ясно. Понятно, что он трудится не столько на UVCO, но, кто непосредственно отдает ему приказы, не представляю... Алхимик точно встречался... – Он прищелкнул пальцами, вряд ли ради эффекта. Кажется, просто не смог вспомнить. – Бардовский, или как там его...

Однажды *его* Донни на спор прочел телефонный справочник и повторил выбранные страницы от и до.

– Ну и... ты, конечно.

Ленни в недоумении уставился на шоумена. Желай Шилдс выкинуть фокус – вот он, идеальный момент. Но ничего подобного не случилось.

– Я имею в виду Элмора, – невесело рассмеялся друг. – А ты думаешь, с какого черта я очутился в этом переплете?

Все уходило слишком далеко от начальной цели. Лори.

– И с какого ты очутился в этом переплете?

– Когда Волшебнику понадобилась сила, которая сможет удержать улицу, он обратился к самому отбитому за'ару в Дино. И это был не мистер Дракс, понимаешь?

Он обратился к Элмору, Шилдс шел в комплекте как младший партнер. Логично. Но что-то в этой логике выбивало сыщика из колеи. Возможно, резкие аккорды виктролы.

– Какое-то время дело двигалось прекрасно, а затем ты сорвался с поводка. Все стало очень круто, и в итоге федера-

лы упали нам на хвост. Может, их спустила Башня. Может, Вэл решил вмешаться в игру...

А может, это был ты...

– Или масштаб твоих деяний перешел все известные пределы. В общем, мы на время отправили тебя за океан. Ни у кого и в мыслях не было, что ты попадешь там под раздачу.

Пелена неба плавится под солнцем, свист авиационных бомб сквозь перепонки проникает под кору черепа так, что в какой-то момент ты представляешь себя снарядом, несущимся к неумолимо приближающейся земле. Удар – и яростное пламя превращает все в сплошную черноту. А потом ты открываешь глаза на руинах известного тебе мира. Или *не* открываешь. Как тебе такая *раздача*?

– Элмор, – глухо перебил сыщик.

– Прости?

– Это Элмор «попал под раздачу».

– Ну да, извини. Твой доплер был не самым приятным персонажем и оставил глубокий след в судьбах всех, с кем взаимодействовал. Так что я порою забываю, что ты не он. Особенно когда ты сидишь напротив в его костюме и тычешь в меня его стволом¹⁷².

О, гавайская рубаха Счастливики и туфли, от которых сводило ноги – немудрено ошибиться. А то, что этот тип терроризировал город, а я здесь никого и пальцем не тронул¹⁷³,

¹⁷² для справки: револьвер Элмора – Smith & Wesson 28-ой модели

¹⁷³ ну да, абсолютно никого

тебя никак не смущает?

– Значит, мистер Ди взошел на уличный трон?

– Le Roi est mort, vive le Roi, как сказал бы Джонатан Бэнкс, с которым вы наверняка познакомились в отеле.

– Больше не скажет.

Брови Донни... Кравитц решил называть его Донатас. Брови Донатаса приподнялись, в глазах мелькнули нотки печали.

– Жаль слышать.

– Я облил его смолой, поджег и выбросил из окна, – добавил кровожадных деталей сыщик. Он почувствовал себя гангстером из фильма. Парень очевидно боялся Элмора, пусть боится и детектива с Гулд-стрит.

– Это... как-то... избыточно... на мой вкус.

– Да брось, – продолжил свою линию Кравитц, – такое может случиться с каждым...

Ему показалось, или при этих словах собеседник на секунду внутренне сжался в комок? Хорошо.

– Так что за «фракционная борьба»?

– Элементарно. – Шилдс помотал головой, словно отгоняя тяжелое воспоминание. – Пока каждый не выходил за рамки взятой роли, сторонам удавалось держаться в моменте гармонии¹⁷⁴.

– Но все мы хотим большего...

– Вот именно. Со временем Дракс накопил ресурсы. Рэд-

¹⁷⁴ kumbaya moment

монд смог воссоздать формулу зелья. Башня завела собственную армию под командованием Демпса. Теперь любые две стороны могли обойтись без третьей.

– Но только с Берри. Ведь так?

Донатас увел голову вниз вслед за взглядом. Это означало, что он не уверен в следующей реплике:

– У Хопса была дикая идея, что сами пропильоны каким-то образом можно обойти. Если это так, то Башня уж точно в состоянии повернуть подобный трюк.

Какая гладкая выходит история.

– В итоге Вэл и Рэд решили сдвинуть Волшебника с доски.

– Почему именно они против него?

– Потому что его кусок пирога самый толстый.

Гладкая история с одним недостающим звеном.

– А какая здесь твоя роль?

– Я просто пытаюсь выжить, – изящно развел руками Умник.

Он вольготно сидел на плетеном стуле и меньше всего походил на выживающего. Магический янтарный свет теперь стремился вовнутрь камня, и увязший в меду комар, казалось, довольно потирал лапки.

Что-то ты расслабился, старый друг.

– Что ж, тогда я дам тебе такой шанс, – зло сказал Ленни и в который раз направил дуло на собеседника. – Где Лори?

– На Уэстлейк, 19, 99. Я полагаю, – изобразил недоумение Шилдс. – Где же еще ей быть?

Так вот что в рассказе выбило сыщика из колеи, и это был вовсе не плач виолончели. Не та Лори. Ясная вспышка мелькнула на самом краю сознания. Счастливчик Элмор работал на Башню. Счастливчик Элмор работал на Башню, потому что был известным бандитом. Потому что любил крушить черепушки других подонков. «Когда ему было что-то нужно, он просто брал это», – сказала Лорелея Кравитц. Получается, что она в теме? Он уже знал ответ. Она не сказала: «Откуда ты?» Она не сказала: «Как такое возможно?» или «Почему ты так похож на моего дохлого муженька?» Просто трахнула и назвала чужим именем. Она в точности знала, кто он такой. А ведь действительно каждый персонаж этой истории так или иначе пытался его поймать...

Сыщик горько улыбнулся этой мысли.

– Где *моя* Лори?

Та, что умоляла: уедем из Дино, только ты и я. Туда, где идет дождь и стебли утром тяжелы от росы... Она все-таки ушла. Одна. Не в Неаполь, намного дальше.

– А, ну... честно говоря, без понятия. Но знаю точно, где ее нет. Здесь. В смысле, в этом мире.

И началось...

– Давай покончим с этим фарсом, окей? Никто не похищал *твою* Лори. Фирма в принципе этим не занимается. За исключением некоторых эксцессов мы оказываем квалифицированные услуги по перемещению за'аров. Разумеется, на добровольной основе. Иначе какой в этом смысл?

– Хорош гнать, – начал заводиться Кравитц. – Мое расследование...

– Все твоё расследование, – жестко перебил Шилдс, – это чудовищная апофенистическая ахиня.

Ленни не знал такого слова¹⁷⁵, но подозревал, что это нечто обидное.

–... Примерно так. А весь тот бред, по дороге из которого ты шел, достоин разве что колонки в «Шрайке», – брезгливо поморщился Донатас. – Помнится, у них был холистический период.

Они так и сидели, друг против друга, и колючий вой саксофона стелился по холодной дорожке света между ними. Аккорд за аккордом, снова и снова, как если бы проклятую виктролу вконец заело. Впрочем, Шилдс не обращал внимания на неуклюжий мотив. Кажется, он просто пытался заглушить блюзом что-то в своей голове. Возможно, мычание совести.

– Лори, – устало повторил Кравитц.

Сыщик поклялся, что если тип напротив начнет задвигать про «второе правило», то он засунет тому в глотку револьвер и пропихнет до самого ануса.

– Первое правило, – словно почуяв угрозу, извернулся шоумен. – Женщины в целом нестабильны, и *переход* дается им с большим трудом. Побочные воздействия могут разру-

¹⁷⁵ МЫ ТОЖЕ

шить психику, остаточные эффекты проявляются потом годами. Однако при должной степени осторожности и минимизации рисков совершить такое путешествие возможно.

Минимизация рисков, ну да.

– Но есть первое правило, – четко повторил он. – Без доплеров.

«К черту правила, друг мой, – сказал в психушке мистер Хопс. И добавил: – Миссис Кравитц ничем не хуже нас с вами».

– В смысле?

– Нельзя приводить тех, кто уже присутствует в мире.

– Иначе что? Повредится континуум и вселенная схлопнется из-за того, что кучка дебилов нахимичила с не понятным им устройством?

Он видел что-то похожее на дешевом сеансе в кино.

– Я называю это *источением*. Алхимик звал как-то иначе. Если коротко – смерть души, причем для обоих. – Умник стал мрачен, словно читал толпе волшебную сказку. Медовый янтарь начал отдавать красным. – Когда в одном мире оказываются двое, сама реальность будто противится этому. И она пытается их... я не знаю... слить в одно? В общем, альфа начинает забирать силы у беты, до тех пор пока последний полностью не источится. Физически и ментально. Этот процесс не остановить. Его можно замедлить, вернув доплера обратно в его мир, но и только.

– Вот как?

– Вот так. После того, как это было обнаружено, я не слышал, чтобы Фирма предпринимала что-то подобное. Единственным исключением стал Дракс.

– Вот что-то не похож он на больного.

– Он намеренно прошел через Коридор и вернулся, справедливо полагая, что сильнее своего двойника. С тех пор его физическая мощь возросла. А Вонючка... ну, вы встречались.

Звероподобное существо жметя в куче тряпья. Таков секрет твоего величия, о греческий бог!

– А как же смерть души?

– Полагаю, Вэл решил, что этот орган для его дела излишен.

«Вонючка спустил жизнь в сортир, но я все равно относился к нему как к брату», – разглагольствовал Большой Босс. Типа, сожрал?

– Но со временем его ментальное здоровье пошатнулось. Душа оказалась важнее, чем предполагали ранее. – Умник изящно улыбнулся. – Впрочем, Дракс изначально был ублюдком.

Ленни хмыкнул в ответ.

– В общем, если бы твоя Лори перешла на эту сторону, с нашей стало быть все довольно печально. Особенно в первые дни, когда организм еще не адаптировался к эффекту.

– С чего ты взял? Может, это *моя* сейчас валяется в какой-нибудь канаве?

Или лежит на столе Самары Морган.

Донатас криво усмехнулся и увел взгляд. У него была железная уверенность, кто в этой паре альфа. Интересно, откуда?

– Слушай, если бы я знал, где она, я бы лично притащил ее к тебе и препроводил вас обоих на восвояси. Это был бы самый простой способ избавиться от тебя, ведь так?

– То есть ты это можешь?

Шилдс рефлекторно бросил взгляд на стол. Туда, где под желтой лампой поблескивал коллекционный серебряный доллар.

– Вот значит как...

Ленни покрутил на пальцах монету, а потом с силой сжал. В отличие от медальона Вонючки доллар был вполне себе цельным.

Что ж, картинка сходилась. Медленно и глупо, но все же. Безумное расследование подходило к концу, а он остался там же, где и начал. Продвижение по сюжету не приводило к поставленной цели. Расстояние не изменялось. Лори по-прежнему была неизвестно где, а он тут – в совершенно другой реальности. Одну из последних мыслей он, кажется, произнес вслух.

– Парменидас полагал, что бытие однородно, но движение требует относительности, – неожиданно выдал Умник. – А следовательно, можно сказать, что все мы с огромной скоростью стоим на месте.

Ленни не понял ни черта, кроме того, что он не одинок в своем горе. По крайней мере, тот чувак без глаз за него¹⁷⁶.

– Интересно, а мистер Берри поет мне эту же песню?

– Вряд ли он знаком с Парменидасом, – невесело улыбнулся Шилдс.

Сыщик тяжело поднялся из-за стола. Старый друг синхронно поднялся вслед.

– Колеса есть?

– Прости?

– Тачка, кар, колымага, – раздраженно пояснил Кравитц. Он не курил целую вечность, но отвлечься в присутствии Шилдса не рискнул. – Ну не идти же мне в «Дыру» пешком, верно? Да еще в этом. – Свободной рукой он указал на лаковые туфли Элмора.

Умник задумался, его камень почти потух. Ленни снова увидел, как мысли носятся по заострившемуся лицу. А потом все прекратилось.

Пластинка плавно наполнила офис плачущей трубой. Донатас элегантно собрал пальцы в кулак, а когда раскрыл в ладони блестели ключи с брелоком странной формы. Фокус-покус, тра-ла-ла. Он сделал легкий пасс, подкинув их в сторону Ленни. Сыщик мог бы поклясться, что связка пролетела по воздуху намного медленнее, чем должна в соответствии с законом физики. Чертов ловкач.

– За углом в проулке под брезентом, – спокойно сказал

¹⁷⁶ мы уверены, что это был совершенно другой слепой грек

ловкач. – Ее немного потрепало, но ездить может.

Брелок был в виде головы геккошки. В неверном свете он казался насыщенно синим, словно волны под вспышкой молний. Совсем как тот питомец Стегманна. Ленни уже не помнил, как его звали.

– А что со мной? – спросил Шилдс. Его беспокойство ощущалось в едва слышимых нотках на конце фразы.

– Интересный у тебя агрегат, – Кравитц подошел к сейфу. Могучая глыба «Carbondale» выпирала из стены, как айсберг в ночном тумане. – В таком и ко дну пойти не стыдно.

Виктрола ударила резким звуком, и Ленни от неожиданности чуть не спустил курок. «I'm goin' down to St. James Infirmary», – хрипло сообщил нахальный голос.

– Комбинацию.

– Да там и нет ничего...

– Комбинацию, – повторил Ленни и под рваный рассказ блюзмена снова навел незаряженный магнум.

– Ноль пять, двадцать два, три ноль, – нехотя ответил Донатас, и они оба знали, что это значит¹⁷⁷.

Сыщик отворил тяжелую дверь. За ней действительно ничего не было. Мрачный ящик, наполненный запахом мужского парфюма. Еще одна из ярмарочных обманок.

– Я же говорил.

Аккорды струнных, клавишных и ударных тянулись друг за другом, будто шагали в похоронной процессии.

¹⁷⁷ нам бы кто сказал...

– Полежай, – он махнул револьвером.

– Прости?

– Внутри. Пока я повидаюсь с Толстяком. Если твоя история хоть отдаленно сойдется с его, скажу, где тебя искать. Заодно проверим, насколько ты для них ценен.

Донатас попятился в сторону сейфа, по следам аккордов.

– Это лишнее.

– Хочешь, чтобы я тебя заставил?

Резко ударила труба. Старый друг продолжал пятиться, его кожа побелела, даже на руках, комар судорожно бросался на стекло, будто пытался выпрыгнуть из броши. «When I die, bury me a straight laced shoes» – завещал нахальный голос.

– Хочешь, чтобы я тебя заставил? – повторил Ленни.

Сын иллюзиониста категорически не соглашался быть запертым в сейфе. А как же гены?

Наконец спина в потертом пиджаке уперлась в ребро раскрытой двери. «So the boys'll know I died standin' pat» – пообещала миру виетрола. Умник саркастически улыбнулся и с вызовом вошел в сейф. Ленни наблюдал, как в сужающейся щели пропадает знакомое лицо незнакомца. Призрачный свет и тяжелые тени наложили свои печати.

– Ты совсем не он, – тихо сказал детектив с Гулд-стрит.

– Fallaces sunt rerum species, – зло продекламировал Шилдс из темноты стального ящика, словно пророчество из гроба.

Янтарный камень лукаво подмигнул на прощание, и мас-

сивная дверь затворилась.

Еще несколько минут Ленни таращился на мертвый металл. Так что же все-таки с ним случилось? Нет, это не его Донни, но был ли когда-то его? Если сбросить десяток лет и всю эту боль, станет ли он тем парнем, что изображал любопытного цыпленка в казарме? Далеко-далеко тоскливая труба взяла свою финальную ноту, и фонарный луч расстелил холодный путь по аллее за спиной.

Удачи, старинный друг. Надеюсь, ты больше не попадешь под сигнал воздушной тревоги.

Дорога Дьявола

07/31 Tu

Подвеска взвыла, когда Ленни жестко вывернул с Гулд-стрит, фары вырвали из ночи обветшалый фрагмент фасада. Старый город по обеим сторонам сливался в черное море. «Я просто пытаюсь выжить», – ответил бывший друг и улыбнулся. Кравитц вдавил педаль, перекошенные губы сжимали жалобно мигавшую сигарету.

Кар ждал его под брезентом, ровно на том месте, которое назвал Шилдс. Лупоглазый фиат, маленький и желтый, как женский чемодан, забытый на транспортной ленте. Сыщик еле пролез в салон.

«Твое расследование – полная чушь», – резко оборвал Донатас. Он сидел, заложив ногу за ногу, надменный, прене-

брежительный, умный. Послушные тени под режущий блюз виктролы клубились у него за спиной.

Он сказал: Фирма не похищает за'аров.

Он сказал: представь себе, мы просто предоставляем *переход* тем, кто нуждается. Тем, кто будет полезен нам.

Ленни представил Крысолова. Его навыки были крайне... полезны.

«Рексфорд Джонс, – медленно ответил Шилдс. – Неудачливый барыга там, наследник миллионного состояния тут».

Что ж, деньги не сделали его счастливей. Однажды юный Джонс обдолбался лизергином больше обычного и помер в одном из притонов Дракса. Его неодолимая тяга к тяжелым наркотическим веществам по обеим сторонам реальности как минимум вызывала уважение.

Ленни выпустил струю приторного дыма и лихо крутанул руль. Ядовито-желтое пятно бешено летело по извивавшейся линии дороги. Протекторы впивались в жесткие камни брусчатки, и каждая грань отдавалась болью в заднице. Чертов фиат словно мстил простому американскому за'ару за победу в Великой войне.

Сыщик испытал облегчение, когда женский чемоданчик дернулся с места. Шилдс мог подготовить ловушку, примерно для таких случаев. Нажми газ – и взлетишь на воздух. Нажми тормоз – вмажешься в стену. Или сгоришь заживо. Но ничего не произошло. Его Донни всегда играл тоньше. «Алло, полиция? У меня только что угнали кар...» – Ленни

представил, как Умник прижимает плечом трубку в красной будке на углу, и резко вывернул вправо. Он доберется до кафе другим маршрутом.

«Твое расследование – полная чушь», – бросил Донатас, его тон был наполнен горьким презрением.

Рексфорд Джонс. Парень даже не понял, на какие бабки его кинули. Подписал несколько бумаг и отправился на свободу, как вольный ветер. Новоявленный владелец сети скобьяных лавок мистер Смит отдал половину. Старый лудоман оказался круче, чем выглядел.

Примитивная подмена? Параллельные миры. Возможно, крупнейшее открытие в истории, и это все, что вам удалось придумать, парни? Банально. «Я бы сказал, безвкусно, – охотно подхватил Шилдс, – как черный веган». Его глаза смеялись веселыми искорками в холодном свете.

«Разумеется, деньги не главный инструмент. Это вопрос влияния. Судьи, чиновники, учителя, полицейские, врачи. Я слышал, есть даже сенатор. Выбор цели и ее замена предполагают большой осторожности и сложных расчетов. А главное – добровольного согласия. В обычном случае это – преступления без жертвы».

Лиззи Дросс звонко расхохоталась из капитанского кресла.

Сыщика занесло, шины панически взвизгнули. Фиат ободрал левую сторону, оставив лимонный росчерк на черной пелене ночи. Массивное тело за'ара занимало практически

весь салон, чехол для блокнота неприятно впивался в поясницу. Он был похож на слона, которого упаковали в коробку. Казалось, еще немного и он продавит головой крышу. Гребаные фашисты! Всему остальному *его* Донни предпочитал просторный клáрксон: старый, пузатый и капризный, настоящий фермерский кар. Надежный, как сельская Америка. А этот? Кравитц вспомнил мага, зигующего с гадальной карты. Вот-вот.

Добровольно? А как же я? Я уж точно не просил перемещать меня в эту жопу.

«Давай прикинем. – Под жесткие аккорды блюза шоумен безуспешно пытался подавить ехидную улыбку. – Ты пришел в «Дыру», показал *метку* и потребовал «Черный веган». То есть буквально заказал себе *переход...*» Комар в янтарной броши всю глумился над жалким детективом с Гулд-стрит.

Ленни яростно выпустил дым в лобовое. Он втягивал тонкие сигареты Лори до фильтра, одну за одной. И надо же так подставиться! «Твое расследование – полная чушь», – раз за разом повторял Умник, и голова геккошки на свисавшем брелоке тряслась в безудержном смехе.

Ленни вывернул руль и на полной скорости вошел в поворот. Мир закачался, ремень врезался в гавайку Элмора. Колесные диски трусливо скулили до тех пор, пока фары наконец не выдернули гладкое полотно хайвэя. Желтый чемоданчик летел в ночи на фоне высоких силуэтов гор вдоль рас-

пластанных внизу огней Динаполиса.

Старый путь дьявола – так про нее говорили. Та же дорога, что привела его на ферму Демпса. Та же дорога, по которой он возвращался с разгромленных «Райских полей». Ленни плюнул окурком в приборную панель, по которой метались стрелки, и вытащил зубами новую сигарету. Тонкую, как макаронина. Словно и ее слепили фашисты. Салон уже давно заполнился дымом, и все, что можно было разобрать, это мутная чернота и колыхающийся город справа за стеклом.

«Нет никакой связи между поставками зелья и исчезновением за'аров» – узкая полоса лица Шилдса твердо смотрела сквозь смог из зеркала заднего вида.

«Зелье в кафе хранится галлонами» – вторили вытянутые Шилдсы из боковых зеркал.

«Количество прошедших Коридор давно перевалило за тысячу».

«Чушь! Чушь! Чушь!» – хлестало со всех сторон.

«Но... ведь я здесь...» – промямлил несчастный детектив. Несмотря ни на что, он практически дошел до финала.

«И это самая большая загадка этой истории» – три Умника синхронно скривились со своих мест.

Духота душила. Тело Ленни, казалось, разбухало в тесной кабине, заполняя последние кусочки пространства. Цементная полоса дороги уплывала в табачном мареве. Дым, дым, дым. Словно сыщик горит в проклятом фиате. «Точь-в-точь

как Кэссиди» – мелькнула страшная мысль. Вплавленная в обшивку кожа, костный мозг, обращенный в пепел, подкожный жир, осевший на потолке. Славное выйдет фото, для первой полосы, не иначе. Кравитц сделал вдох, но кислорода в легких не ощутил. Он рванул окно, и медленная струйка потянулась в ночное небо, постепенно накрывая простертый внизу город пеленой смога.

«На раннем этапе Фирма действовала вслепую, – свободно рассуждал Умник. – Побочные эффекты, с которыми столкнулись первые *путешественники* потребовали длительных экспериментов. Кто-то сходил с ума еще в Коридоре. Кто-то умирал в первые дни. Кто-то... – Он осекся. – Не суть. В общем, они использовали за'аров в качестве подопытных. Тогда Рэд действительно применял «Черный веган» как генератор случайных чисел. – Донатас поджал губы, словно только что вспомнил, с кем ведет беседу, и любезно пояснил: – Любой мог зайти в кафе и выбрать не ту строчку в меню. Это как лотерея, только с противоположным результатом».

Черная метка. Тот, кто заказывал веганский бургер, – исчезал навсегда.

Зелье необходимо для *перехода*. Оно сглаживает пост-эффекты. Этим в своей норе и занимался однорукий Алхимик.

«Правда, в последние годы его работа заключалась в шлифовке продукта и не имела практической ценности для предприятия».

Тонкокожий урод ныкался, как Гитлер в бункере, а помер и того гаже. Кому-то все-таки понадобились твои бумаги, не так ли, сперматозоид?

«Парни Брютса выглядели, как кучка дрочил», – сказал Дракс. Походу, Большой босс охотился за формулой, которая и без того была у его приятеля Рэда. Есть ли хоть кто-то в этой истории, кто не пытается подсидеть всех?

Ленни с трудом удерживал руль. Ядовитый фиат, жалобно сопя, продолжал нестись по извивавшейся дороге Дьявола. Далеко внизу россыпью лежали огни Динаполиса. Яркие, еще не угасшие в ночи. Парадный Центр и бледнеющий Ньютонн, тихий Оушен, карамельный росчерк бульвара Стаута вдоль реки. Даже всегда мрачные Предместья отдавали крупицы света.

Если присмотреться, казалось, можно увидеть угрюмое строение, особняком отстоящее от всего. Помесье Уэллрок. Черная ограда и зловещая надпись на полукруглом постаменте, будто могильная плита. «Orphan Children» – как приговор всей его жизни. Дай святой сестре воспитать ребенка, и она непременно выколотит из него душу.

Интересно, есть ли там приют кармелиток, или безумный Краун этого мира разогнал их сыромятным кнутом?

«Опознано тело одного из участников бойни в Рэнде. Им оказался ветеран трех войн, известный бизнесмен Дженкинс Харрисон Демпс».

Сыщик чуть не скинул фиат в пропасть от неожиданности.

«Полицейский департамент отказывается от комментариев».

Он с опаской покосился на шипящий приемник и сбросил скорость. Ну мало ли.

Могучая Рэнсонс Тауэр без своей подсветки казалась мертвой, словно поминальная стела всему городу. «Волшебник живет в башне, – сказал Донатас. – Это все, что я знаю».

В целом, не так и плохо. Вряд ли в Дино много небоскребов. Та же Рэнсонс подходит, например.

«Сто сорок пять, – уверенно ответил Умник. – Я проверил сто сорок пять высотных строений в городе и его окрестностях. Все, что хотя бы спяну можно принять за башню. – Он помолчал и добавил: – Включая некоторые водонапорные».

Сильно же тебя приперло, парень.

«Элементарное желание знать немного больше о том, на кого гнешь спину», – словно прочитав мысли, сказал Шилдс.

Охренеть какое желание. Задницу прожгло, не иначе.

«Последствия крупнейшего в истории города блэкаута продолжают сказываться на повседневной жизни за'аров. На этот раз сбой произошел в новейшей автоматической системе управления светофорами «Зеленая волна». В результате транспортный коллапс парализовал движение в Дракенсберге, Ньютонне и части западного Мидтауна...» – снова ожило шипящее радио.

Кар планомерно снижал скорость, хотя Ленни усердно вдавливал педаль в пол.

«Похоже, деньги налогоплательщиков смыло волной» – так прокомментировал этот инцидент конгрессмен Ричард Фиш».

Блэкаут. Ты проводишь электричество в Предместья или подключаешь очередной недостроенный отель, и в какой-то момент сеть не выдерживает. Удар приходится по самым уязвимым узлам. Мозговитые парни в мэрии решают перераспределить нагрузку, и в результате оставшиеся в строю подстанции начинают сдавать, одна за другой. Каскадный эффект.

Кравитц скосил взгляд. В приторном дыму расплывался залитый огнями Дино. От Дракенсберга до Старых Доков тянулся искривленный провал черноты. Будто шрам на теле города. Провал плыл, провал дрожал. Провал обвивал тонкими щупальцами еще освещенные кварталы, как если бы пытался утащить их в себя. На мгновение Ленни услышал его зов, низкий и гулкий, как эхо в старом колодце.

«Это называется синестезия, – охотно пояснил Умник. – Синестезия, ретроспекция, эхолокация – распространенные доброкачественные пост-эффекты от *перехода*».

А?

– «Визуализация звука. Ты мог видеть то, что ты слышал».

Грязные окна высотки по Спиллейн-роуд. Белоснежный Хопс разделяется с отрядом Демпса в двадцати ярдах и трех этажах от него.

– «Или смотреть сквозь стены».

Бетонный пол драконовой башни. Громоздкий силуэт Дракса в переплетении линий и теней отчитывает приспешников где-то далеко под ним.

А если я слышу мертвых?

«Полагаю, чувство вины», – вежливо улыбнулся Шилдс.

Наконец желтый фиат вздрогнул, закашлялся и медленно сошел с полотна. Он протянул еще футов триста, пока безнадежно не уткнулся в кусты. Из-под панели повалил дым, и это были явно не сигареты. В нос ударило жженым пластиком и запахом раскаленного металла. Кравитц криво ухмыльнулся и чиркнул когтем ремень безопасности. Лупоглазый маленький кар медленно разгорался, брошенный на обочине дороги. Как цыпленок, который не знает, что такое сигнал воздушной тревоги. В отблесках огня можно было рассмотреть пулевые отверстия в лимонной поверхности капота.

Много же ты повидал, приятель.

«Тем и живу, – невесело подытожил Шилдс. – На кончиках пальцев». То-то пальцы у тебя такие длинные. Протяжный саксофон взметнулся вверх и трагически поник где-то на дождливых камнях черно-белого перекрестка. – «Поверь, Счастливчик, лучше тебе не лезть в это дело». Поверить за'ару, который сдал меня Фирме ни за что? Интересно, нет ли у тебя молока?

Кристалльный диск, огромный и чистый, поднялся над высокими пиками, высветив ровную полосу хайвэя. Почти как

тогда, в Предместьях. Перед тем, как Джимми заехал ему по носу. Черт его знает, из-за чего.

«Я просто пытаюсь выжить», – сказал Донатас. Как крыса в мусорном баке. Интересно, а Дифайнс знает? Ее карточки определенно не было в офисе. Ничьей карточки.

«Если я не смогу быть хитрее, пусть дьявол заберет меня», – часто повторял *его* Донни. Кажется, парень, в *этом* мире ты перехитрил себя.

Кравитц устало шел по залитой голубым светом дороге Дьявола навстречу ледяной луне.

Зверь над городом

Звезды качнулись, горизонт завалился в сторону, хрустальная луна надвигалась, словно угрожала упасть. Садист Накатоми как-то пошутил, что если долго всматриваться в луну, можно разглядеть Usagi-kun'a¹⁷⁸, который развозит лизергин. Свободно парящий в ночи Кравитц, увы, не увидел, как в горном рельефе¹⁷⁹ проступает силуэт детского велосипеда с корзинкой, как в спицах колес переливается серебром пыль, как блестит на холодном свете серая шуба бегунка-кролика, как осторожно лавирует он на белоснежном полотне дороги, чтобы не дай бог не разбить драгоценный товар. Только стеклянные узоры, будто тонкие завихрения

¹⁷⁸ усаги – кролик (яп.)

¹⁷⁹ все-таки лунные пятна – это скорее кратеры, чем горы

льда на подмерзшей корочке воды. И больше ничего. Отчего-то он вспомнил Лори, какой она была еще до... него. А потом гравитация вернулась, и сыщик с огромной скоростью врезался в газон. «Welcome to the Hills»¹⁸⁰, мазефака!

План был прост, как удар по яйцам. Обозначить маршрут и рвануть в другую сторону. Сбить слежку. Спутать карты. И когда негодяи будут уверены, что ты задумал что-то свое, отправиться на свидание с Толстяком. Это называется двойной блеф. Если исключить, что идиотский фиат сдох по дороге, а за сыщиком никто не следил, в целом тактику следовало признать успешной.

«Могли бы и хвоста пустить, – меланхолично размышлял Ленни. – Хоть для проформы». Он шел уже добрых полчаса. «Welcome to the Hills» – гласила парадная табличка. Изысканный шрифт на противном зеленом фоне, будто его выбирали травоеды. «Такая серьезная контора, а всем плевать». Или им плевать только на меня? «Трагедия вашего существования, детектив, в том, что вы не нужны совершенно никому», – злобился мистер Хопс, пока не получил пулю.

Никому не нужный детектив тащился мимо тяжелых особняков, ощетиливавшихся зубчатыми заборами; блестящие туфли Элмора жали сразу во всех местах. Примерно в двух милях впереди с высоты Холмов к Оушен Плейт тянулась линия канатной дороги. Самый простой способ вернуться в город. Кравитц одолел еще квартал. На передней

¹⁸⁰ «Добро пожаловать в Холмы»

лужайке одного из домов, который легко было спутать с замком, кучка веган занималась упражнениями. Слишком поздними или непозволительно ранними, как посмотреть. Приехали: «New Life» добралась и до Холмов.

«Новая культура, – подумал Кравитц. – Что-то, плотно вошедшее в нашу жизнь. И этого уже не отменишь, каким бы убогим оно ни было». С дюжину тщедушных парней, у каждого из которых денег хватит скупить все долги Предместий, отжимается среди ночи в цветастых трико и жрут морковку. Они называют это заботой о теле. Они называют это возвращением к природе. Будто природа – лагерь бойскаутов. Да Вонючка-Вилли был ближе к пращурам, чем эти обалдуи. Он жил инстинктами, жрал подножный корм и смог бы разорвать любого из этих педиков. Интересно, кстати, где сейчас Дракс?

Примерно на этой мысли Ленни ощутил, как отрывается от земли. Спина онемела, небо завалилось набок. Маленький силуэт сыщика плыл навстречу прозрачному лунному диску, как надувная фигура на параде. «Будто я в кейворитовой сфере с антигравитационным движком» – мелькнула странная мысль. А потом Кравитц на всей скорости пропахал газон, набрав полный рот земли. «Welcome to the Hills», вашу мать!

Первое, что увидел Ленни после удара, – это ноги. Мощные ноги с загнутыми когтями, уходящими в траву. Слиш-

ком мощные для за'ара, в любом из миров.

Кравитц вскочил, и тут же инстинктивно попятился. Перед ним в серебряном свете на лужайке в самом центре Холмов стоял Виллентретенмерт Дракс. Злобный, будто выкарабкался из мезозоя. Взмокнувший, как если бы пробежал марафон. Его янтарный глаз пульсировал звериной яростью. А второй... закрывала пиратская повязка!

«Карамба!» – невольно вырвалось у сыщика, но вместо восклицания он выплюнул комки земли.

Дракс оскалился, обнажив клык. Желтый, как бивень монтажа. Пот испарялся в сухом воздухе ночи, поднимаясь от могучего торса за'ара тонкими язычками. Словно он зверь, возвратившийся из бездны. И этот зверь явился по душу детектива с Гулд-стрит.

– Хей, Вилли, приятель! Давно хотел перетереть с тобой на пару фраз.

Кравитц сделал жест, будто трясет невидимую бутылку с «White Lizard» и бесстрашно двинулся к зверю. Зверь удивленно наклонил голову. Фанаты брокколи бросили тренировку и уставились на странную сцену.

– В прошлый раз ты облыжно обвинил меня в убийстве твоего доплера.

«Облыжно» – еще одно из словечек Донни. Кравитц не торопясь сокращал дистанцию.

– Якобы я проник в больницу, облил его виски и поджег. Он напряженно следил за зверем. Любой намек на движе-

ние мог закончиться фатально. Так бывает, когда заходишь в клетку к медведю. Или бросаешь вызов гребаному Франкенштейнеру¹⁸¹.

– Затем я застрелил труп из зарегистрированного на меня оружия, потому что я идиот.

Краем глаза он уловил, как усатый мужичок в халате отделился от общей массы веган и быстро зашагал к замку, словно предчувствовал, чем все кончится. Высокий, слишком нескладный для любого занятия спортом. Сыщик определенно встречал этого типа раньше.

– Затем я бросил оружие в палате. Ну... потому что я считаю окружающих еще большими идиотами.

Зверь повернул голову на другой бок.

– Либо кто-то другой...

До Дракса оставалось несколько ярдов.

– Прикончил...

Есть моменты, когда всё определяется расстоянием между тобой и твоим врагом.

– Твоего дражайшего...

Ленни резко порвал дистанцию. Прыжок – и ноги замком сжались на каменной шее. Сыщик бросил тело к земле. Рывок – и пространство разорвало движением: тело зверя взлетело и с чудовищной скоростью вошло в газон. БУМ! Как мышеловка, с Драксом в роли летящей рамы. Ленни ловко отскочил и огляделся. По траектории полета в воздухе осе-

¹⁸¹ по всей вероятности, имеется в виду чудовище Франкенштейна

дали капельки пота.

– Знаешь, я тут прикинул... – Он примерялся к одноглазому, будто собирался загнать его единственный глаз в лузу. – Может, тем другим парнем был Хопс? Типа, потому что он гребаный маньяк, а?

Дракс застонал в кратере из чернозема.

– Впрочем, ты здесь большой босс, тебе... виднее!

На этих словах Ленни крутанулся и с широкого замаха пнул Большого Босса в башку, как пинают мяч. Блестящая луна мелькнула на лакированной поверхности брони. Мяч, который сделали из гранита. Удивительно, но туфля Элмора выдержала. Чего не скажешь о ноге. Что-то хрустнуло, что-то треснуло, боль пронеслась по телу и застыла где-то в ушах. Цветные конфетти замелькали перед глазами, сложившись в однозначное послание. «ПОРА ВАЛИТЬ» – сообщали конфетти. Им не потребовалось просить дважды.

Основное отличие живого солдата от мертвого – это использование особенностей местности во время боя. По крайней мере, так утверждал Робот Праймс. Ближайшей особенностью *этой* местности была кучка растерянных веган. Ленни отчаянно захромал в их сторону. За его спиной медленно поднимался зверь, будто восставал из могилы. За'ары пучили глаза и глупо вертели головами. Кто-то был в очках. Кто-то – в розовой майке. Кто-то принял боевую стойку. Не обращая внимание на робкие попытки его задержать, Ленни легко просочился сквозь толпу. Зверь позади сплюнул чер-

ную кровь на серебряный газон и начал набирать скорость.

– «Прости, папаша, мне нужнее!» Кравитц догнал усатого на крыльце и протиснулся за спасительные стены замка. Хозяин смерил взглядом непрошенного гостя и пренебрежительно фыркнул. Сыщик узнал его: сосед семейства Ширесов, который все талдычил о самураях. Что ж, в *этом* мире мужик значительно повысил социальный статус.

Холл особняка мог стать иллюстрацией к слову «шотландский», как если бы кто-то утащил интерьер из каталога. Каменная кладка, узкие окна, двустворчатая замковая дверь. Мой дом – моя крепость, и все такое. Ленни примерно представлял, где находится: до канатной дороги оставалось не так и много.

Да, план пошел по говну, но кто ж мог знать? «Вэл залег на дно, вместе разыскать сумеем», – заливал Шилдс. Вот я его и разыскал, даже без тебя. Только как? Откуда вообще Большой Босс взялся на Холмах? Проходил мимо?

Кравитц скользнул по лакированному паркету и осторожно выглянул в окно. Модная веганская тусовка продолжала держать совет. Парень в очках решил, что он вправе орать на окружающих. Определенно, очки – символ власти этого мира. Парень в розовой майке разжился клинком, похожим на палаш Демпса, и теперь размахивал им, как генерал, призывающий к атаке. Еще двое пытались запить стресс смузи. А потом в этот кавардак врезался мистер Дракс. Сторонники возвращения к природе столкнулись с природой первобыт-

ного ящера. В боулинге это называется страйком.

Несчастных травоедов разметало на фоне черной линии горизонта, как кегли. Вооруженный взлетел выше остальных, будто тоже оказался внутри кейворитовой сферы. Несмотря на свое положение, он продолжал отчаянно рубить пространство. Заточенное лезвие оставляло царапины в ночном воздухе. Солдат, идущий в бой без меча...

Могучим толчком мистер Ди взмыл над Холмами. Красивая стойка с выставленным вперед коленом. Луна серебрила рельеф мускулов, ветер свистел под напором мощного торса. Вэл настиг розовомаечного в одну секунду. Перехватил запястья, растянул и без видимых усилий... разорвал вегана пополам! Брызги окрасили ночь багровым, ошметки мяса разлетелись во все стороны. На мгновение над средневековым замком в бурлящем облаке крови завис Виллентретенмерт Дракс, большой босс Динаполиса. А затем мягко опустился на лужайку. Рядом с ним в острую траву воткнулся бесполезный палаш. Оторванная рука все еще сжимала эфес.

Кравитц отвернулся от этого ужаса.

Наблюдая за ураганом из щепок, камней и стекла, разразившемся в шотландском холле, Кравитц пришел к выводу, что в топе его личной ненависти носороги с запасом обошли слонов. А потом что-то сжало тисками горло. Интуиция подсказывала, что этим чем-то мог быть Вилли Дракс.

Когда Ленни отошел от окна, он чуть не уткнулся в уса-

того самурая. Тот нависал над ним с кислой рожей, словно ожидал, что сыщик самостоятельно уберется восвояси. Из-под непозволительно короткого халата торчали волосатые коленки. Прости, чувак, но это совсем не вариант.

– Вам пора, – пробасил хозяин и для надежности указал на дверь.

Ага.

– Слышь, мужик, ты бы лучше вызвал кого... Полицию... нацгвардию... шерифа этого, Алистера, как там его? – Ленни соорил просительное выражение и глуповато улыбнулся.

Самурай не ответил. Бросил презрительный взгляд и скрылся по узкой лестнице с резными балясинами. Ленни показалось, или каждая балясина смотрела на него таким же презрительным взглядом? А ведь доплер этого хмыря из Стоуна страсть как любил поболтать. Так всегда: стоит поселиться на Холмах, и ты сразу становишься надменным убком. Оставалось надеяться, что он пошел звать фараонов, а не за расслабляющим смузи.

По крайней мере, текущее положение вызывало сдержанный оптимизм. За толстенными стенами уж точно не придется беспокоиться о свихнувшемся Большом Боссе. Любопытства ради Ленни снова выглянул в окно.

Через лужайку, в деревянном переплете рамы, на фоне арктического круга луны, перебирая всеми конечностями, будто расщипывавший носорог, мчался Дракс. Его кожу покрывали пузыри крови, комья грязи вырывались из-под лап.

Мир повело. Плоскость земли накренилась, пол дрожал под нарастающим топотом. Не в силах оторваться сыщик наблюдал за несущейся на него смертью. Носорог стремительно разрастался, пока не затмил собой все.

В последний момент Ленни попытался отскочить в сторону, а затем неукротимый зверь врезался в окно.

Стена вспучилась. Рама разлетелась. Стекло заполнило воздух крошкой осколков. Кладка брызнула во все стороны, будто ее взорвали. «Гексоген – лучший выбор», – напутствовал Демпс, передавая брусок. Ленни отнесло по паркету. Он больно врезался в тяжелый твердый предмет и отключился.

Под тянущий гул в ушах Кравитц медленно приходил в себя. На самом дне души теплилась надежда, что кошмар наконец закончился. Что-то случилось, и он перескочил пару сцен этой кровавой истории. Пришли копы и пристрелили жуткого Дракса, а Ленни сейчас в надежной камере, где никто не хочет его убить. Сквозь темноту век уже проступали тени тюремных прутьев, и кто-то бряцал ключами наверху. А потом сыщик все-таки разлепил глаза...

В шотландском холле, в эпицентре бури из щепок, камней и стекла возвышался мистер Ди. «Надежда – привилегия коммуниста» – мелькнула быстрая мысль, и затем глотку прочно сжало тисками. Дракс сделал шаг из урагана и впечатал незадачливого сыщика в стену. Без шансов сбежать.

Видимо, так я и помру: лицом к чудовищу.

– Вы задолжали мне душевную беседу, мистер Кравиз, –

мелодично сообщило чудовище. Отчего-то у Ленни сложилось четкое впечатление, что во всех передрыгах последних дней Большой Босс обвинит именно его.

– А?

– Я обещал вам долгую смерть, но вряд ли мне удастся сдержать слово...

Дракс был спокоен. Как если бы не было бессмысленных убийств и погони. Как если бы не он только что разнес стену в добрый ярд толщиной. Как если бы кто-то другой выглядел, словно выбрался из могилы.

– Так что я либо оторву ваши конечности и брошу вас в гостиной этого чудесного дома... – свободно рассуждал Вэл. За его спиной клубились остатки бури. – Либо просто сверну вам шею.

– А как же яйцо?

– Какое еще яйцо?

– Кажется, правое, – кое-как ослабился сыщик. – Ты обещал, что я узнаю его на вкус.

– Вижу, вы не растеряли своего особого чувства юмора, – окровавленные губы расплылись в улыбке. – Однако. Как любил повторять один мой знакомый. «Боль – неизбежность. Но страдание – это выбор». Боюсь, детектив, сейчас вы сделали свой.

Стальные пальцы медленно сдавили запястье. Сыщик почти увидел, как трубчатые кости покрываются мелкими трещинами. Плечевой сустав взял тонкую ноту, которая угро-

жала перераста в треск. Было не больно, было страшно. В один момент Ленни с ужасом осознал, что гребаный носорог *действительно* оторвет от него все. И оставит его таким... навсегда.

– Я скажу... – Кравитц отчаянно замотал головой. – Не надо, я все скажу...

Оставалось тянуть время и надеяться, что кто-нибудь все-таки придет.

– Вот и славно... – Зверь снова улыбнулся. – И стоило так стараться, чтобы всего лишь отсрочить неотвратимое?

Дракс стоял в разгромленном холле, как ода этой самой неотвратимости. За его плечами в пыли стихающей бури осколки осыпались на паркет.

– Итак. Что вам известно о планах мистера Шильса, детектив?

Вот тебе раз... План? Шилдс? Я?

В полной уверенности, что ответ категорически не устроит интервьюера, Ленни промямлил:

– Ну... эээ... ммм... ничего?

– Я думал, мы договорились.

Стальной воротник крепче стиснул горло.

– Но я и правда не знаю. – Ленни как мог пожал плечами. – Какой резон ему вообще говорить мне о таком?

– Допустим, за'ар, на которого вы работаете, вам не доверяет. Но что-то услышать и понять вы были должны. Вы же не конченный дебил.

Последнюю фразу мистер Ди произнес с заметным колебанием в тоне.

– Я? Работаю? На Донни? – от растерянности сыщик забыл, что обещал называть доплера Донатас.

– А вы оспариваете этот факт?

Пальцы сжались еще сильнее.

– Да, – мелко закивал Кравитц. В этот момент он ненавидел себя за трусость. – Оспариваю.

– Так может, не вы похитили посылку у мистера Бенкса?

Это просто не имело смысла. Посылка? Бэнкс? Что...

Озарение пришло внезапно. Страх отступил, и все стало спокойно, как штиль. Это было постоянно на самом виду. Вот же он, весь в запекшейся крови, злобный, свирепый, карикатурный, будто злодей из комикса, да еще с идиотской повязкой на глазу, прямо перед ним! «Черт возьми, – весело подумал кто-то внутри. – А ведь тебя допрашивает пират!»

– Может, не вы ограбили конвой?

Это же гребаная комедия!

– Может, это не вы участвовали в нападении на мой отель?

О да! Сыщик вспомнил, как встретил Большого Босса. Его дворцовый зал и пиратские замашки. Видит бог, чувак всю жизнь шел к этому успеху... Карамба!

– Или не вы защищали «Райские Поля» от мистера Брутса?

И поглядите на него теперь: настоящий *капитан* Ди!

Кто-то внутри раскатисто расхохотался.

Несмотря на приступ веселья, последнюю мысль Ленни не решился произнести вслух:

– Я просто невинная жертва обстоятельств, – ответил он, скорчив «невинную» рожу, и продемонстрировал фиксу. Типа, моряк моряку, и все такое...

– Хорошо, я сыграю в вашу игру. Вы покинули офис мистера Шильса на желтом «Нова»¹⁸². Я знаю это. Я следил за вами оттуда.

Хвоста не было. Ленни был абсолютно уверен, что хвоста не было. Если только... Взмокший Дракс на лужайке, от которого поднимался пар. Как если бы он завершил марафон... До сыщика начинало доходить. Невозможно. Безумная тварь гналась за ним от самой Гулд-стрит!

– Этот же кар был использован в четверг для атаки на мой конвой.

Вот оно как. Сука Умник снова меня уделал. Весь этот вечер – одна большая дешевая разводка. Надеюсь, ты задохнулся в своем сейфе¹⁸³.

– У вас должны быть объяснения этому факту.

У него было кое-что получше.

– Меня подставили?

Граната в кармане брюк.

¹⁸² по всей видимости, модель «женского чемоданчика» – Fiat Nuova 500

¹⁸³ исходя из того, что воздуха в ростовом «Carbondale» среднестатистическому за'ару хватит примерно на полтора часа, велика вероятность, что на момент описываемых событий пожелание сыщика уже сбылось

– Вы раз за разом бросались на мой бизнес, как цепной пес. – Стальной захват снова зажал запястье, пальцы надавили на гортань. – Дайте мне разумную причину ваших поступков, или я волен считать наше соглашение ничтожным.

Воздух стал заканчиваться, кадык попытался провалиться вглубь пищевода.

– Лори... – прошипел сыщик. Уже в который раз жизнь медленно покидала его и никак не могла покинуть. – Я просто ищу Лори.

– Жену Счастливого? Какой в этом смысл?

Ленни протиснул руку в карман и нащупал чеку. Совсем как тогда, в проулке с древним названием.

– *Мою* Лори... То есть, из моего мира.

– Хотите сказать... – медленно проговорил Дракс. Он выглядел, как за'ар, застрявший в центре мучительного умственного процесса. – Что весь этот бардак. Случился... Из-за девки?

Пират прищурил глаз и подался почти вплотную. От него несло парным мясом, как от варана.

Сыщик непроизвольно всмотрелся в янтарный круг с вертикальным зрачком: а не притаился ли и там волшебный комар?

– ХВАТИТ С МЕНЯ ЭТОГО БРЕДА! – внезапно завопил Вэл, но быстро осекся. Он нервно сжал губы, как если бы вернуть контроль над собой стоило значительных усилий... Что там было про тление душ?

– Пора кончать, – вынес свой вердикт Большой Босс.

– Тогда закончим, – твердо ответил Кравитц и рванул гранату из кармана.

Резкое движение, и на скупой свет шотландских ламп аккурат перед мордой Дракса появилась... связка ключей с головой улыбочивого геккошки. Голова весело покачивалась.

Вот же блять!

– Любопытно, – протянул капитан Ди.

– Тебе кранты, – безапелляционно объявил внутренний некто.

«Это конец, – печально согласился сыщик, чувствуя, как левая рука начинает отделяться от туловища. – Надежды в мире не осталось».

Долю мгновения Кравитц наблюдал, как дрожит древко стрелы, уходящее в могучее предплечье Большого Босса. А затем рядом воткнулась другая, точно такая же.

«Тора! Тора! Тора!» – раздалось откуда-то сбоку¹⁸⁴, словно боевой клич индейцев. От лестницы, забавно семеня и подпрыгивая на скользком полу, мчался усатый самурай в халате. Чересчур высокий, чтобы воспринимать его серьезно. Он успел повязать глупую бандану, разрисованную зако-рючками¹⁸⁵, и теперь хвостики смешно развивались за спи-

¹⁸⁴ японская фраза, означающая удачный исход неожиданной атаки. В чем смысл ее орать, мы не знаем

¹⁸⁵ эта бандана называется «хатимаки», Ленни

ной. «Тора! Тора! Тора!» – руки сжимали лук, кривые колени были угрожающе нацелены в сторону незваных гостей.

«Тора! Тора! Тора!» – самурай выпускал стрелы, одну за одной, прямо на бегу. Вот же фрукт! Не раздумывая, Дракс швырнул в атакующего первое, что попало под руку. Первым был Ленни.

«А мог бы подумать, – размышлял сыщик, медленно вращаясь в пространстве, – и использовать меня в качестве щита». Он летел между каменных стен, как будто снова упал в колодезь. Желтый глаз зверя исполнил роль умирающей луны. Интересно, а кто там развозит лизергин? Он летел, и мимо проносились стрелы, изгибаясь под напором собственной скорости. Стрелы пели, протяжно и мелодично. Они жаждали попасть в цель.

Усатый веган не сбавлял темп, столкновение было неизбежным. Ленни уже мог рассмотреть седые волоски на щуплой груди, открытой разрезом халата. В последний момент самурай ловко увернулся: едва отклонил тело, и Кравитц лишь чиркнул о выбритую макушку. Хвостики банданы в ответ лизнули сыщика по носу.

Он врезался боком и заскользил по ромбовидному узору паркета, тщетно пытаясь подняться хотя бы на четвереньки, будто пес, которого выбросили на лед. Впереди страшно взревел зверь: над бедром из него торчали еще два древка. Сыщик следил за разворачивающейся картиной. С их первой встречи мистер Ди виделся ему монолитным: казалось,

даже пули должны отскакивать от него.

Тем временем, веган уверенно приближался к цели. Приложив видимое усилие, Большой Босс метнул что-то, что могло называться оттоманкой. Противник слегка изменил траекторию, выпустил лук и невероятно быстрым движением разрубил снаряд пополам. Щепки на секунду зависли в воздухе, кривое лезвие едва не задело самого Дракса. Откуда и когда хозяин дома достал меч было решительно непонятно.

Ленни оторвал взгляд и, даже не пытаясь встать, пополз к двустворчатой двери. «Пора валить» – тревожно пульсировало в висках. Происходящее сейчас имело три возможных развязки. Победит Дракс – и разорвет незадачливого детектива. Победит самурай – и порубит незадачливого детектива. Заявится шериф – и пристрелит детектива вместе с Драксом. Ни один из сценариев упомянутого детектива совсем не радовал.

Под грохот ломающегося интерьера полусогнутый Кравитц вывалился на крыльцо. Ночь была такой же, какой он ее оставил: свободной и жаркой. На лужайке, прямо перед ним, в лунном свете бледнели тела веганов, проигравших битву с природой. Их лица исказил ужас. Почти как тогда, на ферме.

Верный магнум прятался в траве у ограды: видимо, вывалился при первой атаке носорога. Чехол для блокнота – чуть дальше, на дорожке из гравия. Ленни бережно подобрал свое имущество и обернулся на замок. Вилли Дракс и тип в халате продолжали ожесточенную схватку внутри. Они двига-

лись параллельно линии окон, как будто переходили по стрипу комикса¹⁸⁶.

Слайд. Неподвижный самурай в стойке, слишком высокий, чтобы она смотрелась красиво. Тусклый свет соскальзывает с кончика меча. Дракс стоит, вызывающе выпятив грудь. Стрелы торчат, будто он оцетинился ими перед боем. Удар – отскок – удар. Это напоминает гребаный танец.

Слайд. Лезвие мелькает в воздухе, Дракс проворно уворачивается, как мангуст от укусов змеи. Мгновение – и острая сталь задерживается у подбородка. Выпад – и Большой Босс отпрыгивает спиной за край панели.

Слайд. Узкая полоса коридора. Самурай летит сквозь него, как поезд метро. Короткие взмахи клинка крошат обшитые дубом стены. Облако из пыли и щепок клубится у него за спиной.

Слайд. Выставленный меч дрожит в воздухе. Старый воин теснит зверя. Он собран, он неизбежен. Еще несколько шагов, и все будет кончено.

Слайд. Вэл пятится под градом ударов, пока его спина не упирается во что-то твердое. Тупик. Стена. Край страницы. Губы самурая приподняты в короткой улыбке. Он уверен, что победил. Дракс обнажает клыки. Выпад – и зверь по касательной отбивает лезвие голым предплечьем. Делает шаг в противника, чтобы одним ударом завершить все.

¹⁸⁶ несколько панелей на странице комикса, выстроенных в ряд, обычно горизонтальный

Старик чуть сдвигается в сторону и, неестественно изогнувшись, длинная рука направляет меч туда, где только что стоял враг.

Последнее, что видит сыщик, это мощное тело Дракса, поднимающееся в высоком прыжке. Слишком высоким для помещения. Раздается тяжелый «БУМ», и наступает темнота.

Ленни бежал. От угрюмого шотландского замка, от свиста холодной стали, от стонов умирающих в ночи. Лунные блики мелькали на пятках туфель, и теперь бесполезные сирены неслись у него за спиной.

Ленни бежал. Мимо одиноких поместий, пустых перекрестков, зубчатых оград, тенями завалившихся на тротуар. Жесткие газоны под ландшафтными лампами блестели гранями острых стеблей.

Ленни бежал. Ноги сводило, легкие горели, пижонская гавайка Элмора промокла от пота, как будто наконец пошел дождь.

Ленни бежал, а потом впереди замаячили огни. Станция канатной дороги ссутулившись замерла над пропастью. Черные кабели уходили в густую тьму, под которой лежал спасительный город¹⁸⁷. Черные кабины плавно покачивались в пустоте.

Ленни бежал, и каждую секунду казалось, что-то должно

¹⁸⁷ формально Холмы входят в состав Динаполиса, но только формально

произойти. Будто проклятый Дракс вот-вот выскочит из бездны, или мертвец Джекки снимет сыщика прицельным выстрелом спрингфилда. Сожженный Бэнкс мог встретить его у входа, а Рэдмонд Берри – прятаться за колонной, сжимая свой отточенный нож. Ленни ждал, что в последний момент полицейские кары отрежут дорогу, и шериф откроет огонь без предупреждения. После безумия прошедших дней сыщик был готов ко всему.

Станция приближалась, но ничего не происходило.

С трудом удерживаясь на ногах, Кравитц ворвался под яркое освещение перрона. Его вагончик уплывал в темноту. Мысль о том, чтобы хоть секунду ждать следующий, вызвала панический ужас. В несколько широких прыжков он преодолел оставшееся расстояние, и что было сил сиганул в пропасть. Подошва броги эффектно оттолкнулась от края платформы. К тому моменту кабинка уже полностью слилась с ночным фоном, и Ленни показалось, что он летит в никуда. Прыжок веры. Мгновение стало вечностью. «Неужели промахнулся», – мелькнула грустная мысль, а потом ноги врезались в горячий металл. Крыша качнулась, и сыщик судорожно ухватился за подвеску¹⁸⁸. Под угрожающий скрежет шестерней проклятые Холмы расплывались за спиной. Все было кончено.

Сталь врезалась в сталь, и где-то позади ударила вспышка искр. Ленни обернулся. Высоко на станции подвесной фо-

¹⁸⁸ здесь: часть крепления кабинки к канату

нарь осыпался битым стеклом. Измотанный Дракс вывалился на освещенную площадку. Устало отбиваясь от нападавшего, он продолжал маниакальное преследование ни в чем не повинного детектива. Неостановимый, как злодей в дешевом хорроре. Так стоило ли стараться, чтобы отсрочить неотвратимое?

Кривое лезвие резало воздух, но уже не так споро, как вначале. Хозяин замка двигался с заметным трудом, но тоже не отступал. Его халат был разодран, бандана неприятно липла к башке. И тем не менее он гнал Дракса, словно шелудивую дворнягу. И все из-за того, что парень испачкал тебе холл? В кои-то веки Вэл нашел упоротого противника под стать себе.

Острая сталь теснила Большого Босса к самому краю. Старик уверенно держал все тело за мечом так, чтобы не дать возможности для контратаки. «Самурай без меча подобен самураю с мечом, – как-то раз сказал Накатоми, – только без меча». Кажется, эта штука называется катана¹⁸⁹. Хотелось надеяться, что парни прикончат друг друга.

Когда до конца платформы было не больше дюйма, Дракс вызывающе ухмыльнулся, как будто это он захлопнул ловушку. Желтые клыки показались из окровавленной пасти. А затем он прыгнул, спиной назад. Легкое движение, словно не было этой изнуряющей ночи. Надежда – привилегия коммунистов. Черный силуэт поднялся в черное небо и опустился

¹⁸⁹ мы полагаем, эта штука называется тати

на ближайшую кабинку. А коммунизм – это синоним неудачи. Металл содрогнулся, Ленни ощутил вибрацию стянутых тросов. Между ним и зверем оставался один вагон.

Не мешкая, упорный веган бросился в бездну. Зря. Дракс невозмутимо отступил к противоположному краю. За мгновение до того, как враг коснулся поверхности, Вэл подпрыгнул, убрав тем самым противовес. Усатый приземлился, кабинка накренилась, как качели. И тут же Большой Босс врезался в свою сторону. Самурай комично взмыл в воздух, как если бы его выпустили из катапульты. Длинные руки распахнулись, как будто чувак пытался обхватить мир.

Затем Виллентретенмерт Дракс показал, что значит быть зверем на самом деле. Без колебаний, он вырвал из бока стрелы, вместе с мясом, намертво зажал в руках и замер в высоком выпаде. Словно бык, который пытается поймать подброшенного тореадора. Наконечники блеснули в остатках лунного света.

Самурай кубарем летел прямо на быка. В последний момент ему почти удалось стабилизировать вращение, а потом он на всей скорости напоролся на собственные стрелы. Туше. Острия вышли со спины. Длинное тело повисло, согнутое пополам. Хвостики банданы нелепо покачались на фоне равнодушной луны. «Как плюшевый кролик, которого накололи на забор», – грустно подумал Кравитц. На черный металл заструилась черная кровь.

Вэл подтянул поверженного почти вплотную. С животной

жадностью он вперился в глаза противника, словно желая насладиться моментом, когда жизнь наконец покинет это упертое существо. Но самурай и не думал умирать. Лишь саркастически улыбнулся и харкнул кровью прямо в лицо зверя.

Большой Босс бешено взревел, крутанулся и швырнул жертву в пропасть. Сделав несколько неуверенных кульбитов, жертва приземлилась на крышу пустого вагона, каким-то чудом удержавшись на ногах. Зверь стремглав бросился за ней.

Металл содрогнулся, но Ленни едва ли почувствовал это. Он напряженно следил за поединком: сейчас Дракс прикончит этого чудика, а потом направится кое за кем еще. Способа избежать встречи с машиной смерти, кроме как сброситься с крыши, сыщик не видел. Да и в том случае не факт, что монстр не последует за ним.

Секунды шли, кабинки мерно опускались в пустоту. Могучий зверь, гордо расправив грудь, возвышался над Динаполисом. Черная кожа, покрытая черной кровью, сливалась с декорацией ночи. Высоко за спиной по отвесному склону клубился мрак, над которым покоились Холмы, и казалось, что Дракс сам почти весь состоит из мрака. Только страшный янтарный глаз пульсировал пещерной яростью, освещая здоровую часть лица тревожным первобытным огнем.

Усатый стоял, тяжело опершись о подвеску. Рука с мечом отведена в сторону, словно приглашает продолжить бой. Несмотря ни на что, он намеревался победить зверя.

– За что ты сражаешься, старик? – спросил зверь.

– Мои друзья. Ты убил их, – ответил самурай.

– Жизнь не для слабаков.

– Согласен.

Он чуть отклонился и нанес красивый быстрый удар. Сталь запела в воздухе и врезалась в зажимной аппарат подвески. Стон металла прошел по канатам и эхом отразился в ночи. Дракс глухо взревел, механизм раскрылся, и кабинка беззвучно сорвалась в бездну.

Самурай все еще был с мечом.

– Sore wa domo, kso yago¹⁹⁰, – с почтением произнес Ленни¹⁹¹, и отвернулся к ночному городу.

Город приближался. Очертания кварталов проступали в размытом свете, словно их прорисовывали грифелем. Кравитц сидел по-турецки на неустойчивой крыше и устало смотрел на залитые огнями улицы. Черный разлом от блэкута тянулся через весь Дино, и Ленни казалось, что его вместе с вагоном затягивает в эту непроглядную тьму.

Он вдруг обнаружил, что до сих пор сжимает ключи от фиата. Симпатичный геккошка улыбался ему с брелока. У Лори был такой же, только песчаный. Когда-то... до того как...

Впереди моргнула и померкла еще одна улица; и разлом

¹⁹⁰ большое спасибо, убан (яп.)

¹⁹¹ мы не уверены, что сыщик верно усвоил смысл фразы

стал чуточку больше. «Он, как черная дыра: ярд за ярдом пожирает пространство города, – отрешенно подумал Ленни. – И меня уносит прямо вовнутрь». Он запомнил: сфера Шварцмана, горизонты событий. Область вокруг дыры, из которой не может выбраться ничто, даже свет.

Протяжно заскрипел металл, и сыщик представил, как несчастный вагон корежит под возросшей гравитацией. Как продавливается тонкая крыша, стены скручиваются, краска сползает, как от жара. Еще немного и от кабинки остается колючий жестяной шарик, словно лист бумаги смяли, чтобы забросить в мусор. И он, Ленни, в самом центре этого листа.

Черная дыра приближалась. Сыщик снова посмотрел на геккошку, весело качавшегося на кольце. Если ему предстояло согнуться в бездне, теперь он точно знал, ради чего.

Мертвый груз

07/31 Ти

Ленни шагал по ночному Динаполису, его призраки шептались в тенях. Словно герой нуара, Арчи Холланд позировал в фонарном свете, мальчик с яйцом улыбался из потухшей витрины за спиной. Прошлое сжигало душу адским пламенем песчаных холмов.

«Неаполь, у моря, – повторяла Лори, как заклинание, и брелок с геккошкой раскачивался на кольце. – Там, где много раз в году идет дождь». Огромный город в северной бухте,

в ста пятидесяти милях от Рима. Они не использовали слово «залив», чтобы избежать ассоциаций. Построенный на склоне вулкана, Неаполь, как амфитеатр, поднимается от берега. Его мрачные улицы вымощены блоками лавы. Ленни отыскал длинную статью в энциклопедии¹⁹².

«Уедем, в Неаполь», – повторила она. Жить на огнедышащей горе. Уехать в Неаполь, все равно что лететь на Марс¹⁹³. Они были смуглые и золотоглазые. И умерли в один день. Глупая мечта наивной девчонки. Неаполь, у моря – почему бы и нет, черт возьми! Ленни остановился. Прошное мертвым грузом тянуло его назад.

Горбатый мост через Рэй-ривер был пуст. Тот самый, на котором он очнулся в этом мире. Порфиновый гранит парапета казался черным, как небо; белые жилки – точно кривые созвездий над головой. Широкая река лежала в ледяном свете Мидтауна. Ленни перегнулся посмотреть на мертвую воду. Прошное всегда позади. Крадется в подворотне, выжидает в тених, чтобы нанести удар.

Ленни представил, как молчаливый силуэт бьет его кольцом по затылку. Короткий замах, глухой звук. Деревянная вставка рукояти мелькает в ореоле фонаря, и сыщик заваливается через перила. Равнодушная река принимает безвольное тело. Прошное всегда возвращается, чтобы утащить на дно. Ленни медленно погружается под воду, оставляя в се-

¹⁹² а еще Ленни перепутал города

¹⁹³ да боже ж ты мой, она звала тебя во Флориду!

ребряных отблесках луны тонкую нить из пузырьков. Все в порядке: можно больше не дышать...

– Да это тот чувак, который меня ухлопал!

Ленни вздрогнул от шлепка по плечу. Перед ним на полуночном мосту стоял Мертвец. Сутулый сморчок в шортах и квадратных очках в пол-лица. На левом запястье снова повязан платок, на этот раз несносно-оранжевый. Откуда ты взялся, парень, на моем дне?

– Какая удача, какой час! Как дела, бро, как жизнь, что как? Никого не хлопнул за это время?

Череда размытых лиц пронеслась перед внутреннем взором сыщика:

– Ну почти.

– Красота! Гардероб обновил! Гавайка! Отлично выглядишь, факт! – Мертвец поднял два больших пальца и растянулся в улыбке.

Пижонский костюм Элмора обдал сыщика волной жара. «Глядя на тебя в его прикиде, я забываю, что ты не он», – сказал Шилдс.

– Слыхал, на Фэрфакс какой-то псих напал на табачника? Наши только об этом и гудят...

То-то загудят, когда узнают, что устроил на Холмах капитан Ди.

– Нет, я согласен, курение убивает. No smoking, be happy, и все такое. Но это же не наш путь.

Он поджал губы, задумавшись, что бы еще сказать. Ленни

ждал. Неизвестно чего, непонятно зачем.

«А что бы сделал ты, окажись в одной комнате с покойником?» – спросил Шилдс. Так вот и что же?

– А давай ко мне? Пожарим брокколи¹⁹⁴, послушаем «Конкордию Вселенной»? У меня на пластинках есть – великая вещь. Сам Бронс и читает, зацени!

Точно не это.

Склизкая рука бесцеремонно легла сыщику на плечи, словно змея решила заползти за ворот. Иисус на кресте! Он, что, пытается меня склеить?! Ленни передернуло, как будто его заставили запить брокколи брюквенным соком. Он осторожно поднял тонкую конечность двумя пальцами и сбросил с себя, так Лиз могла бы выбросить дохлую крысу.

– Классная бляха!

Бронзовый дракон, усевшийся на горло бутылки, будто на банановую башню Дракса. Одно крыло надломлено: не иначе постарался Бродяга Хьюи.

«Тед Купер: из глотки зверя». Ее подарок. Последнее, что осталось у него из собственных шмоток – этот ремень. Единственное, что осталось у него от Лори, – эта пряжка. Все, что осталось у него от себя, – это... что?

– Так что? – Мертвец провел пальцем по ремню. По *его* ремню.

Красный свет, черный ангар, изломанное тело. И что бы сделал ты, окажись один на один с покойником?

¹⁹⁴ есть мнение, что это эвфемизм

А что бы сделал Элмор?

– Знаешь, Терри, я часто думаю о тебе, – мстительно улыбнулся сыщик.

– Я тоже, бро! – расплылся в улыбке сморчок. – Это судьба, факт!

Страдание – это выбор, сказал Дракс.

– Представляю, как мы опять в том ангаре, ты и я.

И каждый день кто-то делает свой.

– Лампы горят красным. Тяжелый цвет, будто объявили тревогу, только без сирен. И ты лежишь, а по полу растекается кровь, медленно, как кисель. Твоя нога еще дергается. Знаешь, так бывает у насекомого. Но не волнуйся, тебе совсем не больно: ты уже сдох.

Тогда все и пошло под откос. Дросс вышвырнули из Бюро, Арчи Холланд подружился с бутылкой водки.

Кравитц чиркнул спичкой. Огонь бросил дрожащие тени на парня в нелепых очках, дым растворился в темноте. Терри со странным выражением смотрел на сыщика, будто действительно начал вспоминать.

– Отличный выстрел, ярдов с восьмидесяти¹⁹⁵, – продолжал Ленни, затягиваясь приторным дымом. – Честно, даже не знаю, почему тогда нажал на крючок. Банальное дело, мелкий жулик. Я хочу сказать, ты никого не изнасиловал, не похитил ребенка, или типа того. Может, ты мне просто не понравился? Наверное, я не очень хороший за'ар.

¹⁹⁵ только с шестидесяти, Ленни, не перевирай

Это было 14 января. Впервые за зиму в Динаполисе прошел дождь, и мокрая пыль плотной коркой лежала по обочинам дороги. Арчи походя сказал, что старая подружка Ленни выскочила за Ширеса.

– Вот поделился с тобой, и, знаешь, прям отлегло. Будто груз с души, – как ни в чем не бывало рассуждал сыщик. – Может, к мозгоправу сходить? – Он самодовольно затянулся. – Ну что, активити? Заскочим к тебе, пожуюем шпинат, а?

Мертвец не ответил. Его взгляд остекленел, руки опали, как у повешенной на гвоздь куклы. Он так и остался на мосту, неподвижный и бледный, будто бы действительно умер.

Гады. Первое слово, которое пришло на ум, когда они выступили из темноты. Мелкие гаденыши, шастающие по подворотням в поисках, кому б поднасрать. Те, кто не раздумывая ограбит старушку и пнет беременную. Взгляд исподлобья, волосы липнут к башке: будто нацисты, которые проиграли¹⁹⁶. Безымянный переулок между Юнион и бульваром Стаута: с этого начался твой забег. Так кого вы поджидаете, парни? Ох, вряд ли вы ищете *этой* встречи.

Гады мерзко ослабились, Ленни приготовился к драке.

Решающий пункт плана. Несколько шагов. Быстрая развязка, без тупых изломов сюжета. Грубая сила и ничего, кроме правды. Бей до тех пор, пока тебе не ответят как следу-

¹⁹⁶ не все наци в мире Ленни проиграли. Например, нацистская Британия во главе с Освальдом Мосли вышла из войны с минимальными потерями

ет. Последняя идея для финала: завалиться в закусочную и взъебать всех, кто вздумает играть в молчанку. Будь то Рэд Берри с блендером или отряд волшебных эльфов. На хер всё! Залить напалмом эту поганую дыру и поджечь. Нассать в запасы «продукта» и напердеть в чан с минестроне. Иисус свидетель, никто и не заметит разницы!

Ленни подошел к проему между Юнион и бульваром Стата, тому самому, где он много лет назад придушил Вонючку¹⁹⁷. Темный коридор тревожно замер в ночной тишине, словно тоннель в ожидании поезда. Только между глухих стен никто не промчится. Грязная щель, ведущая в психоделический трип без возможности спрыгнуть в процессе: с этого все и началось, не правда ли? Куда бы ты ни шел, твоя траектория – круг. Но готов ли ты к новому витку, салага?

Кравитц протискивался между контейнерами, гнилыми ящиками и прочей дрянью, но маленький Ленни больше не блуждал по лабиринту в поисках крыс. Он утонул под Горбатым мостом через Рэй-ривер минутой раньше. Вместе с тем мудаком, который целый год пялился в стену. Эксплуатационная недееспособность – на хер и ее! Время жить так, как хочется. Время хотеть жить.

Он подошел к груде тряпья, которая служила приютом Южному Джентльмену. Одинокий, в чужом мире, почти безумный, но все еще в строю. А почему бы и нет?

– Хей, приятель, прошвырнуться со мной не хочешь? –

¹⁹⁷ просто придушил, ага

мягко позвал Кравитц, так будят ребенка. Ни шороха, ни звука в ответ. А потом двое выступили из темноты.

Ночная шпана. Мрабóта. Будет не то чтобы весело, зато больно. Сыщик собрался как следует надрать пару задниц.

– Счастливчик Ленни, – протянул первый, южный акцент и повадки делали его похожим на ковбоя.

– Ты ж вроде сдох, – просвистел второй. В дырявом плаще цвета кровавого поноса, в узком галстуке, больше похожем на поводок, он напоминал героя давно снятой с эфира детективной пьесы. От него несло специфическим коктейлем из спирта и пейота. А еще – детским шампунем. Кажется, ромашкой.

– Чем обязан?

Динаполис – город, в котором за каждым углом поджидают знакомые лица. И никого из них ты не знаешь.

– Я Холланд. Это Брютс.

– У нас вопросы.

Ленни осмотрелся в поисках оружия. В то, что новых друзей остановит незаряженный магнум, он не верил.

– С такими рожами только вопросы задавать.

– Что-то не так? – набычился Брютс.

– Ну знаешь, вас как будто осудили за разбой.

Не было ничего подходящего, сыщик вовремя вспомнил о гранате.

– Кто ж нас осудит? – не понял ковбой.

– Мы же федеральные агенты.

Только тут Ленни их узнал. Терри Брютс, из «Райских полей», с дырой в башке и ксивой Бюро в кармане. Удивительно, но каждого второго мертвеца в этом мире зовут Терри.

Другим был Арчи, мать его, Холланд. Демонстрационная модель того, что будет, если пить на госслужбе не просыхая. Подсказка – ничего путного.

– Пошли с нами, Ленни. Тебе понравится.

– Так, парни, если это насчет налогов...

– Не выпендривайся, – просвистел Холланд.

– Леонард Элмор Кравитц, вы арестованы по обвинению... – начал ковбой. – Что там на него, Арч?

– Тебе не пофиг? Сдается мне, Счастливчик сопротивляется аресту.

Счастливчик не шелохнулся. Он стоял в сотне ярдов от закуской, но добраться до нее не мог. Неужели, Рэд его переиграл? Или это ребята Башни? А может, федералы решили предъявить Элмору старые счета? Долго же вы ждали, придурки.

– Не усложняй Ленни. Руки за голову, и... в общем, сам знаешь.

– Мы можем по-хорошему, а можем... – Холланд достал обрез. В мешанине теней он был похож на короля крыс, изгнанного из королевства.

Они стояли, три тени в самом центре темноты, двое против одного. И тут Ленни стало смешно. Это же Арчи, гребанный, Холланд! Главный клоун Бюро. О его злоключениях до

сих пор травят анекдоты в курилках.

– И что ты сделаешь, Арч? Промахнешься? – одинокая фигура открыто потянулась за гранатой.

Залп раздался неожиданно и громко. Силуэт сыщика сложился пополам и упал на камни, превратившись в черную кляксу. Больно. Как будто тебя со всей дури двинули в живот ежом. Холланд недоуменно посмотрел на ствол, как если бы не верил, что тот выстрелил.

– Ну, мы знаем, что метод вполне рабочий.

Клякса застонала. Всего сотня ярдов до конца.

– В жопу твой метод. Теперь тащить эту погань, – сварливо ответил Брютс.

– Может, само дойдет?

– Эй, Элмор, Элмор, подъем! – ковбой потыкал в него носком, но Ленни был занят тем, что пытался не выблевать внутренности. – А что за имя такое «Элмор»?

– Это из Толкиена, – охотно отозвался напарник. – Что? Я читаю!

«Кажется, что хуже просто не может быть, а потом тебя вяжет Арчи Холланд», – печально подумал сыщик и отключился.

08/01 We

– Ну как-то так, – закончил Кравитц. Лампы в керамических плафонах нервно мигнули, все разом. И наступила тишина.

Дитлинде Дросс перебирала документы. Она больше не казалась ни дружелюбной секретаршей, ни уверенным агентом, ни конченной стервой. Как только Ленни начал рассказ, женщина перестала ломать комедию, и сразу стала никакой. Ей бы с Шилдсом в одной труппе выступать. Или служить в Гестапо. Если история про двойников из параллельного мира и зацепила Линду, она забыла отреагировать.

А действительно, чего тут скажешь? Я гребанный псих. Не хватает только ермолки и полотенца. И теперь меня посадят, на электрический стул или четыреста лет. А может – закроют в «Милосердии», где я буду коротать дни, рассуждая о стадиях высыхания краски в компании василькового жиртреста. Не кажется ли вам, Берни, что спустя шесть часов цвет приобретает пыльные нотки? Разумеется, мистер Кравитц, сэр. Не хотите написать об этом эссе?

– Вы хотите подать жалобу? – спросила Дросс, не отрываясь от бумаг.

– Жалобу?

– При задержании агент Холланд выстрелил в вас солью из неслужебного оружия, хотя, по вашим словам, вы не проявили явных признаков агрессии...

А-то! Я всего лишь потянулся за гранатой.

– Я могу предоставить вам бланк и карандаш, если вы обещаете не пытаться проткнуть мне горло, – это было произнесено абсолютно бесцветным тоном.

Тони Хопс мог бы оценить иронию.

– Э-э-э, ну... Меня поймал Арчи Холланд...

Кто угодно мог бы оценить иронию.

– Если при задержании были нарушены ваши конституционные...

Арчи, блять, Холланд... Спасибо, что напомнила, стерва.

– ... попадет к вышестоящему агенту.

Мы знаем, куда попадают такие жалобы. Прямым в шредер.

Ленни представил агента Шредера. Этаким мужик в спецовке, покрытый лезвиями и шипами, которыми он режет очередное заявление. И обязательно в маске. На тот случай, если кто-то плюнет ему в лицо. Несмотря на то, что он спускает дела на тормозах, личный состав его ненавидит. Он живет в проссанной коморке над пиццерией. У него четыре черепашки и ручная крыса, которых он завел для релаксации по совету психотерапевта. Агент Шредер не видит смысла в своей деятельности, но никогда не опаздывает на работу. Ленни мысленно сделал набросок.

– Ну так? – Линда наконец оторвалась от бумаг.

– Мы говорим о парне, который во время облавы на приют обкурился в хламину, после чего патрульные приняли его за нарка, а коронер констатировал смерть? А потом доблестный герой очухался на полпути в морг в мешке для трупа...

Он знал много таких историй, все знали. Арчи взламывал окно и вспорол вены на руке. Только бог в курсе, которые

из них правдивы. На месте Холланда сыщик и вправду бы покончил с собой. Все лучше, чем быть таким посмешищем.

– И ты предлагаешь, чтобы я собственноручно расписался в том, что этот долбоеб меня взял?

Линда ослабила шейный платок и снова уткнулась в стол.

– И это все? – не останавливался Кравитц. Он хотел жрать, пить, спать, курить и трахаться, словно все потребности организма взбунтовались против условий последних дней. Когда допрос кончится, будь уверен, он реализует хотя бы несколько пунктов. – Я только что рассказал...

– Про кроличью нору¹⁹⁸, которая ведет в Зазеркалье, – легко откликнулась Дросс.

– И ты не считаешь, что я рехнулся или выдумал все на ходу?

– Нет, – коротко ответила она.

«И эта тоже сумасшедшая, – догадался сыщик. – То есть я-то не псих, со мной всё произошло на самом деле. А ее, видать, в детстве уронили на голову. И сильно».

– И почему?

На голову. Несколько раз.

– Отличный блокнот, мистер Кравитц. Тяжелый, таким и убить можно...

Она закашлялась и огляделась в поисках воды. Сыщик невзначай пододвинул оставленную Брютсом чашку.

– Все началось с этой зары.

¹⁹⁸ a rabbit hole

Двинутая тыкнула ноготком в блокнот и снова зарылась в сумочке. На свет вылезла еще куча ненужной дряни. Лени не мог оторвать взгляд от страницы. Она добыла две бутылки «Доктора Пеппера» и легко обнаружила под завалами открывалку. На шершавой бумаге замерла женщина. Автор изобразил ее в пояс, чуть с поворотом, будто поймал в движении. Лори.

– Вы встречались? – прохрипел сыщик.

– Я видела ее, – ответила Линда, быстро расправившись с первой бутылкой. По комнате расплзся мерзопакостный вишневый вкус. – В милой веганской забегаловке под названием «Дыра в стене».

Ни женщин, ни детей, бля.

– В начале месяца? – подался вперед Кравитц, кандалы шлепнули о стол.

– Четыре года назад, – ровно ответила агент.

«Не все из действующих лиц оставались с тобой честны», – улыбнулся из сейфа Умник.

– Я сидела за столиком у окна с видом на Юнион. Она вышла из кафе, но на улице не появилась. Это было похоже на фокус, только для кого? Я могла отвлечься. Она могла быстро свернуть. Обман зрения, слепая зона, мало ли что. Она вернулась в зал из уборной, на которой висела табличка «Не работает», вечером следующего дня. В той же одежде, помятая и, кажется, пьяная. Только, богом клянусь, она туда не заходила.

Лори была тут четыре года назад. Ничего не понимаю.

– С тех пор я потихоньку копаю под «Дыру». В Динаполисе появляются за'ары. За'ары, которых здесь быть не должно. Вот мистер Смит. – Она перелистнула страницы. – Его труп пятнадцать часов находился в городском морге. Пока не пропал. Я часто встречаю его в кафе.

– Да у тебя целое расследование, а?

– Все верно, мистер Кравитц. Расследование. Без свидетелей и прямых улик, зато с высоким риском угодить в дурку. Несколько лет это не дает мне покоя. У меня дома бумага на три стены, и ни одной идеи, что все это могло бы значить. Ваш рассказ – единственное, что дает хоть какую-то картинку.

Я полмесяца пахал как проклятый и в результате раскрыл дело для Лиззи Дросс. Выдать мне значок почетного идиота.

– Но теперь у тебя есть отель Дракса, Томми Волк и парень без лица. Целый комплект.

– Не совсем. – Линда опрокинула в себя вторую бутылку. Багряная жидкость пузырилась в толстом стекле. Ленни наконец осознал иронию¹⁹⁹. – После того, как вы представились журналистом, агент Брютс нашел оригинал и отправил его на отдых в «Милосердие». Теперь этот парень – задокументированный псих, его показания не стоят чернил, которыми их запишут.

Бедняга Джентльмен. Что ж, не судьба.

¹⁹⁹ ничего, Ленни, мы тоже не сразу догнали: «Пеппер» – по-английски «перец»

– Брютс и здесь работает на Синдикат?

– Не знаю. Но если обычному за'ару показать мистера Волка, он тоже сочтет, что тот с приветом.

– Еще мягко сказано.

– Наш второй свидетель ничего не говорит. В смысле, не может. И вряд ли сможет в ближайшем будущем. Там... в общем, все плохо.

Рексфорд Джонс, заклинатель крыс с детской улыбкой и высоким гребнем. Он выставлял свои клетки под покрывалами, будто давал концерт, и постоянно извинялся. Его гребень раскачивался туда-сюда. Простой паренек, который заигрался в крутого профи. Pley ze geum, pley ze rule, а? Ленни вспомнил, как подрагивало хрупкое тельце на полу, когда он выходил из ящика.

– Рэнд мы теперь называем не иначе, как «Magic Deigh²⁰⁰», – продолжала исповедь Дросс.

Лимонный банан Дракса – догадался сыщик.

– Почему Рэнд?

– Сокращенно от Витватерсрэнда, – без запинки произнесла Дитлинде.

Краун. Крысы. Колодец. А ведь почти!

– Так назывался форт, из которого вырос Дракенсберг. Теперь на его месте стоит отель. По крайней мере то, что от него осталось, – холодно продолжила она. – Гораздо интереснее, почему «Magic».

²⁰⁰ Волшебный Ди

Ну кому как...

– Сколько за'аров, по вашей оценке, участвовало в инциденте?

Инциденте? Скорее в кровавой бойне. Ленни вспомнил, как работяги потоком неслись к лестницам, точно лемминги к обрыву. И это только на верхних этажах.

– Не знаю, но вряд ли многие ушли оттуда живыми...

– Следовательно, ушли мертвыми. Когда мы прибыли, там было все: гильзы, пули, отверстия от выстрелов, кровь, пот, жир, экскременты, частицы кожи и костей, слюна, мозговая жидкость, следы подошв и так далее. Но не было ни тел, ни отпечатков пальцев. Совсем. Великая загадка криминалистики.

Или хитрый фокус. Сыщик знал парня, который смог бы проверить нечто подобное.

– А еще у меня черный кейс мистера Хопса, который невозможно открыть.

Черный, как уголь, черный, как ночь, пожирающая свет. Никто не подобрал бы настолько насыщенный оттенок для картины.

– То есть как?

– А никак. Перепробовали все, от отмычек до газовой горелки. Разве что не взрывали. – Она потрясла пустым «Пеппером» в надежде обнаружить хотя бы каплю, и убрала обе бутылки обратно в сумочку. – Так что, боюсь, единственное, что мне удалось найти за эти четыре года, – ваши слова и

дохлого гангстера из другого измерения.

Только это? Брось, подруга, не настолько же ты тупа. Бешеная зара выдала ему ворох информации не просто так. Но зачем? Как бы то ни было, этой стерве явно что-то нужно от изможденного детектива с Гулд-стрит. Ленни отчетливо понял, что именно так звучит шанс.

– И что же нам с этим делать? – спросил сыщик и улыбнулся пиратской фиксой.

Горизонт событий

08/01 We

Мистер Смит смотрел на дверь тяжелым печальным взглядом, будто поставил все и проиграл. Это называется апсет. Фаворит побеждает до тех пор, пока ты не делаешь ставку. Раньше здесь был букмекер, «Счастливым номер», славные деньки. А потом пришел Шилдс и прикрыл лавочку. Ведь нет ничего менее подозрительного, чем веганская забегаловка, не так ли? Ископаемый хмырь хотя бы отгрыз от пирога: ему досталась половина наследства доплера. Что ни говори, на старость хватит. Так какого ты тут трешься, приятель?

Ленни курил и никак не мог накуриться. «Lucky Shrike» пеплом осыпались на лаковые туфли Элмора. Длинная витрина кафе в холодных полутонах утра расходилась вдоль Юнион-авеню, словно полотно в кинотеатре. Распятая ба-

бочка в букве «О» больше не отбрасывала тень, солнце не распекало камни на мостовой. Тоскливый мир: как если бы кто-то вставил синий светофильтр и щелкнул фото.

Ленни ждал, затерявшись в линии домов, как хищник в бетонных зарослях. Сигарета тревожно мерцала. Новый день оказался скуп на клиентов. Та самая парочка студентов в углу, закутанная клуша напротив двери и очередной бугай перед стойкой на барном стуле. И вечный Смит, куда без него. Слишком мало для бизнеса, слишком много для того, чтобы обставить дело. Но ведь твой бизнес совсем не в этом, не правда ли, мистер Берри?

Двое работяг не торопясь устанавливали джук-бокс. Те самые, что пару дней назад рвали штендер. Инопланетный агрегат по доставке слащавых звуков, под который они танцевали с Лиз в тот вечер. Это называется временной сдвиг. Алое платье, горячие бедра. Не самый лучший его танец, увы. Интересно, что она решила, когда он не вернулся из сортира? С другой стороны, он же предупредил, что его будут похищать: пусть теперь чувствует себя виноватой.

– И еще одна вещь, – окликнула Линда Дросс, когда он уже взялся за ручку двери.

Ленни вновь показалось, что она рассмеется ему в лицо. Она скажет: я пошутила. Она скажет: добро пожаловать обратно на электрический стул, дружок. Я здесь, чтобы пытать тебя вечно.

– Будьте милы, мистер Кравитц, пригласите вашу подру-

гу на нормальный ужин, когда вернетесь, – вместо этого попросила агент.

– А?

– Элизабет.

– Лиз? Что? Зачем?

– Затем... – больная сука сложила ладошки домиком и задумчиво посмотрела вдаль. Он испугался, что она снова перевоплотится в какой-нибудь ужас. – ... что я вас об этом попросила.

Ее голос звучал, как детская песенка в кино. В кино, в котором все долго мучились, а к концу подошли.

– Эмм...

– Мистер Кравитц, вы хотите выйти отсюда? – мило улыбнулся крокодилчик.

Мистер Кравитц хотел. Мистер Кравитц был готов пообещать все.

Окей. Ужин – так ужин. Он с наслаждением выпустил горькую струйку дыма в холодную палитру улицы. Рэдмонд Берри за стойкой флегматично читал газету. Его фигуру почти целиком скрыл печатный лист, но Ленни знал, что за ним владелец заведения. Наконец, работяги закончили с ящиком, и теперь топали на выход. Минус два. И никто не задержался прикупить еды на дорожку. Ну как же так?

Мистер Смит сполз со стула и шаркая тоже направился к двери. На сегодня его дозор был окончен. Ленни жадно впился в покрытое морщинами лицо, словно собирался пи-

сать портрет. «Блюз старого мира» – так говорили пройдохи из Дельты. Сыщик почти уловил несколько скорбных аккордов из саундтрека к жизни торговца скобами. Эхостезия²⁰¹? Если они и встретились глазами, ни один не дал другому это понять.

Терпение. По большому счету, частный сыск – это терпение. Опрос свидетелей – читай как монотонный обход очевидцев, которые в лучшем случае расскажут, что ничего не видели. Слежка – это когда ты сутками наблюдаешь за тем, как ни хрена не происходит. Все лучшее в мире достается тому, кто умеет ждать, – наставляла мамаша Марш. И посмотри на меня сейчас, карга. Просто посмотри на меня! Кравитц выбросил опаленный фильтр и принялся за новую сигарету.

Закутанная клуша закончила жевать желто-зеленую ботву и тоже собралась на выход. Еще не время. Тетка забыла сумочку на столе, но ни один добропорядочный веган не подумал ее окликнуть.

А потом кое-кому не хватило терпения. Студентик из угла резво вскочил и принялся размахивать пушкой, будто его окружили невидимки. «Курносый Дик» – не лучший выбор для того, кто хочет пережить перестрелку. «Это ограбление!» – проорал парень. О, да! Его подружка с перекошенным лицом запрыгнула на стол и тоже принялась что-то выкрикивать. Два дегенерата надумали бомбануть веганскую столовку, да еще утром. И этим клоунам ты предоставлял

²⁰¹ синестезия, ретроспекция, эхолокация – вроде бы нетрудно запомнить

скидку, мистер Толстяк?

Парочка продвигалась между рядов. Парень отчаянно тыкал стволom в пустые кресла, будто те пытались удрать. Девчонка держала пакет под бумажники и часы. Пустые кресла не имели ни того, ни другого. Сыщик вспомнил эту дуру: рожа была страшная еще до того, как ее перекосило.

Ленни зажег последнюю спичку. Тонкое пламя дрожало в холодном свете проспекта.

Бугай за стойкой, по всей видимости, страдал от похмелья. Весь ссутуленный, он напоминал пульсирующий ком земли. Он сидел, уткнувшись в остывший кофе, мистер Берри все так же читал газету. Их совершенно не занимало происходящее.

Несколько ребят пытались ограбить заведение, типа нашего. И больше их никто никогда не видел...

Студентик проорал что-то особенно громкое. Брызги слюны упали на бежевую, под мрамор столешницу, дуло уткнулось громиле едва не в ухо. Зря. Пульсирующий ком отмахнулся, как отмахиваются от пчелы. Парень взмыл в воздух. Никакого «Дика» в его руках больше не было, лицо превратилось в ярко-алый овал. Грабитель пролетел два-три фута и приземлился на свою пассиву. «Надеюсь, вам понравился сервис», – мог бы сказать мистер Берри из-за газеты. Он мог бы сказать: «Порекомендуйте нас вашим друзьям».

Только теперь Ленни разглядел громилу. Поролоновый нос на перекошенном гримасой боли лице. Чересчур крас-

ный для такого промозглого утра. Мистер Блэк, который выжил. Он был в котелке и с неизменной бутоньеркой, словно грустный клоун с ярмарочного представления. Мертвый Дракс сдержал свое слово.

Пора! Ленни бросил окурок на мостовую и оторвался от стены. Посмотрим, куда ведет эта кроличья нора.

– И кто теперь клоун? – бросил мистер Блэк и отвернулся, так бросают фартинг калеке. Незадачливый грабитель валялся между столиков, широко разбросав руки, будто пытался поймать шар-бабу²⁰². Кровь на лице действительно напоминала грим. Его подружка неестественным клубком забила под стул. Никто из них не подавал признаков жизни.

– Буду сидеть здесь хоть весь день, пока ты меня не пропустишь, – пробубнил Билли в газету. Газета не шелохнулась.

Это вряд ли.

Кравитц влетел в закусочную и двинул Блэка по спине. Хрясть! Ровно в то место, куда вогнал палаш в башне. Противник вскочил, но тут же получил под колено. Удар на замахе, как бил в голову Дракса на Холмах. Бугай рухнул, врезавшись подбородком в стойку. Челюсть клацнула, зубы вперемишку с кусками дерева брызнули по сторонам. Ленни провел несколько приемов, быстрых и жестких. А потом сделал захват и что было сил швырнул Черноватого через себя. Связки взвыли, истерзанное тело ответило болью в каж-

²⁰² шар для сноса зданий

дой косточке, но оно того стоило. Безвольная туша, нелепо перевернувшись в воздухе, врезалась в паркет в нескольких ярдах позади. Стены вздрогнули, черно-белые панели вспучило, жизнерадостный за'ар с плаката весело потряс гигантской репой.

– А, Ленни, наконец-то! – мистер Берри опустил газету и дружелюбно улыбнулся своей мерзопакостной улыбкой. – Я уже начал беспокоиться, что мистер Шилдс тебя прикончит.

– Он пытался, – осклабился Кравитц и вытащил на разбитую стойку магнум. Дуло недвусмысленно смотрело на Рэдмонда. Холодный свет лежал на бледном металле, как обещание.

– Как вообще твои парни вышли на меня? – неловко забросил удочку Ленни. Дросс смотрела на него страшнее любого ствола.

– По наводке. – Она порылась в бумагах и нашла нужную. – Это любопытный случай в криминалистике.

Агент прочистила горло и зачитала с листа:

– Известный гангстер Леонард Элмор Кравитц, он же «Счастливчик Ленни», федеральный розыск которого был прекращен в связи с гибелью на войне в Заливе – упокой Господи его душу – сегодня в три часа до полудня будет находиться в переулке между Юнион-авеню и бульваром Статуа, неподалеку от кафе «Дыра в Стене». Мистер Кравитц вооружен и опасен.

«Отличная идея запереть сына иллюзиониста в его же сей-

фе», – улыбнулся внутренний Шилдс. Умные глаза смотрели в упор на сыщика.

Да пошел ты!

– Он похож на портье, которому не дали чаевых, – голос мистера Берри вырвал сыщика из раздумий. – Или просто – не дали.

– А?

– Наш герой, – пухлый палец указал на грабителя. – Есть в нем нечто от оскорбленного ничтожества. Когда за’ар готов довольствоваться малым, но не получается и этого. Такой отпечаток на обличье, – сам с собой рассуждал Рэд. – Куда бы его пристроить?

«Рэдмонду часто приходилось выносить мусор», – сказал Умник.

– Может быть, смузи?

– Я лучше свою блевотину выпью, ты прости.

Ленни уселся на барный стул и строго взглянул на Толстяка:

– Ну, как это будет? Ты потянешься за дробовиком, я всажу тебе пулю в живот? И буду пинать до тех пор, пока ты не скажешь мне все, что я спрошу? Или предпочитаешь похорошему?

Если бить достаточно долго, рано или поздно тебе ответят.

– Сильно сомневаюсь, что тебе удастся выстрелить из незаряженного револьвера, – вежливо ответил Рэдмонд. Его

вежливость звучала насмешкой.

– К тому же у меня нет дробовика. А если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это в первую нашу встречу. Никогда не видел проблемы в том, чтобы кого-нибудь хлопнуть, – весело закончил он.

Что-то нехорошее родилось у Ленни в груди и медленно опустилось в область паха.

– Хочешь сказать, с самого начала ты знал?

– Нет, я ж дурак. Запускаю пропильтон для каждого болвана, который сунет мне метку! – всплеснул руками мистер Берри. Вышло фальшиво, как репетиция школьного театра. – Разумеется, это была моя идея отправить тебя через коридор.

– Зачем? – опешил болван.

– Сам как считаешь?

– Я превращался в угрозу... – задумчиво проговорил сыщик. – Мое расследование стало привлекать лишнее вни...

– Твое расследование – дырка от бублика. Кем ты себя вообразил? Детективом?

– А?

– Ты боевая машина, Ленни Кравитц. Ужасная боевая машина, герой войны, десница хаоса. Так еще говорят, «десница»? Раньше говорили... Я все-таки сделаю тебе смузи, можешь не пить.

Мистер Берри принялся за работу, будто имел физическую потребность что-нибудь сготовить.

– Ты должен согласиться, индукция – это не твое. Но интеллект вообще переоценен, не находишь? Умников вокруг пруд пруди, и никто не хочет замарать руки. А когда доходит до дела... План провалился, непредвиденные обстоятельства, мы не могли предположить, что... Но ты-то прекрасно знаешь, что план – это скорее декларация о намерениях, чем четкая последовательность действий.

Он добыл из-под стойки невыносимо-зеленое яблоко и мгновенным движением разделил его на дольки. Откуда Толстяк вытащил нож, было решительно не понятно. Наточенное лезвие за завязками цветного фартука, не иначе. Стоит только отвести взгляд, и...

– Твое выступление в Рэнде было грандиозным.

Гигантский, мать его, нож. Почти тесак.

– Грандиозным?

– Ты, как шальная пуля, Ленни. Носился рикошетом и постоянно попадал во всех подряд.

Ничего так определение грандиозного...

– Я там чуть не сдох, вообще-то.

– Глупости. Фирменная удача вкупе с коктейлем из пост-эффектов вряд ли позволили бы тебе сильно пострадать.

Мир в огне. Бродяга Хьюи крошит небоскреб, и обдолбавшийся берсерк поливает этаж свинцом из пулемета. И вправду, какие глупости!

– Кроме того, после первого перехода *путешественников* практически невозможно убить. Что-то не дает, такой вот

феномен. Господь хранит пришельца²⁰³, как метко выразился мистер Хопс.

«Практически» – какое милое слово.

– Хопс, кстати, помер. Подавился свинцом в Кадисе.

– Что ж, он теперь в лучшем из миров.

«Как всякий христианин, вы отправитесь в единственно возможное место. В преисподнюю». Так что вряд ли.

– Но это лишь подтверждает сказанное.

Мистер Берри прикончил еще одно яблоко. Смертоносное лезвие с безумной скоростью мелькало в воздухе. Один поворот кисти, и сыщик повалится на стойку с перерезанным горлом. Алая кровь зальет мир холодных полутонов.

– Окей, ты все продумал. Но вышло не так чтобы хорошо, а?

Ленни испортил жизнь всем участникам банкета – это уж точно.

– Ты уверен? – лукаво спросил хозяин.

– Давай посмотрим. – Он достал сигарету, и Рэдмонд мгновенно ее поджег. Сыщик даже не понял, каким образом.

Он может прикончить меня в любой момент. И кто бы заподозрил в жиробасе такую реакцию?

– Синдикат в руинах. Банда Дракса распалась. Алхимик мертв. Силовое крыло Башни уничтожено. Плантации дряни, которую вы тут жрете, сожжены. За какую сторону ты бы ни выступал, все в жопе.

²⁰³ псалом 145:9

Сыщик затянулся.

– И за какую сторону я выступаю? – подзадорил мистер Берри.

Ленни надолго задержал взгляд на Толстяке. Тот неприступно шинковал зеленую гадость прямо на столешнице. Где-то там запросто могли валяться осколки зубов мистера Блэка. «Рэдмонд реконструировал основную формулу продукта», – сказал Донни. «Консьерж, Башня и Вилли Дракс объединились в Синдикат, – сказал он. – Фракционная борьба».

– За свою! – воскликнул Ленни.

– Ты начинаешь понимать. Точно не хочешь смузи? – отточенное лезвие смахнуло зеленую гадость под стойку.

– Твои партнеры уничтожают друг друга, а я ношусь между ними, как...

– Как таракан без головы, – тесак резко ударил по столешнице, отрубив у продолговатой хреновины что-то вроде корневища. Будто голову у таракана.

– Значит, ты победил?

– Победить можно только вчера. Я предпочитаю формулировку «получил значительное преимущество».

– И что теперь?

– Теперь нам предстоит подумать, как реорганизовать бизнес с учетом новых переменных.

– Нам?

– Да, Ленни. Я предлагаю тебе войти в дело.

Новая жизнь – новый ты.

Сигарета едва не вывалилась изо рта сыщика.

– Не думаю, что мистер Дракс мстительная личность...

А то! Вилли славный, как объятия китайского мишки.

– Он все-таки гувернер, пусть и в прошлом. Надо иметь большое терпение, чтобы заниматься с детьми.

«Orphan Children», кармелитки, Мамаша Марш верхом на ракете судного дня. Вот кого не хватало в поместье Уэллрок: психопата, разрывающего за'аров на куски.

– Он должен принимать взвешенные решения, основанные на...

– Он умер, – снова перебил Кравитц. Это скоро станет традицией.

– Вот видишь, ты и тут оправдал мое доверие.

– А это не я, – небрежно затыкнулся сыщик. – Вилли отбросил хвост в драке с самураем на канатке. Ну, та, которая с Холмов.

– Интересная у тебя жизнь.

– Только последние дней шесть.

– В общем, я предлагаю тебе полноценное партнерство. Ты, я и то, что останется от Башни, когда закончим.

Значит, в Башне рулит не только Волшебник? Есть и другие фигуры в этой загадочной партии?

– Можем подключить мистера Шилдса, если захочешь. Он ведь еще живой? – с неясной надеждой уточнил Рэдмонд.

Надеждой, что жив, или на то, что помер?

«Fellas sun return spaces», – на прощание сказал Донатас. А еще он сказал: «Элмор Кравитц, вооружен и опасен».

– Пока что.

– Согласен, со стороны организация выглядит зловеще. И то, что Синдикат позволял себе до сих пор не совсем вписывается в твои нравственные рамки. Но все вопросы...

«Мои моральные принципы давно размыты», – сообщил он в тот вечер Моттсу. «Возможно, я не очень хороший за'ар», – совсем недавно, на мосту. Допустим, ну а кто из нас святой²⁰⁴, а? Ленни прекрасно относился к насилию. Он понимал, когда бил сам и когда били его. Такова жизнь, и это обычно больно. Так в чем проблема?

Сыщик выпустил дымную струйку. Мистер Берри запоем развивал мысль. Что-то про честный бизнес. Немного о том, что в прошлом Элмор всегда гарантировал результат. И о том, что парень был немного неуправляем. И еще, что Ленни развил лучшие черты, свои и доплера. И бла-бла-бла-бла-бла.

– Вместе мы сможем забрать себе этот город, – Рэд распался, будто хотел втюхать пылесос.

Проблема в дрожащей девушке, которую он оставил в душевой синеве табака тысячу лет назад. Проблема в женщине, которую он взялся отыскать совсем недавно. И теперь он

²⁰⁴ здесь мы могли бы заметить, что мистер Хопс имеет прозвище «Святой Предместий», но не станем

сидит в какой-то всратой тошниловке, и толстый говнарЬ заливает ему в уши про власть над миром. Да какого?!

– Так по рукам? – мистер Берри рьяно протянул ладонь, будто фермер на рынке. Даром что не плюнул.

«Будь героем своей собственной жизни!» – побуждал веган с плаката в багетной рамке. Краснолицый студент одобрительно застонал из забытья.

Ленни устало выдохнул дым и ввинтил сигарету в стойку.

– На хер тебя.

– Не расслышал, прости, – толстый говнарЬ угрожающе наклонился.

Заточенное лезвие, вжик-вжик.

– Ты вообще представляешь, зачем я здесь?

– А ты просвети.

– Я ищу Лори.

– Ищешь, чтобы что?

«А ведь действительно, – внезапно выплыл внутренний Некто. – Ты собираешься найти женщину, которая тебя знать не хочет. А дальше? Только не думай, что при встрече она радостно раздвинет ноги. Прошлое – прошло, растворилось как дым твоего поганого «Лаки Шрайка». И ты вернешься в свой мир таким же одиноким, каким был. В мир, где у тебя ни дела, ни друзей, ни семьи. Где никто не обрадуется твоему стуку. Где каждый вечер ты напивался в конторе, жалея об упущенных шансах. И ты будешь еще тридцать лет тарашиться в стену, отгоняя единственно верную мысль, что

этих шансов никогда не было. Но ведь ты знаешь правду, не так ли? Лучшая жизнь всегда скрывалась от тебя за поворотом. Все остальное – химера, тени будущего, скитавшиеся по твоей памяти. Будущего, которое даже не могло наступить. Призраки несвершившегося Рождества».

Это еще что за мудозвон?

«Ну а потом? Еще один забулдыжный детектив ждет в безответной темноте аллеи, когда нервы окончательно сдадут и мозг отправит команду спустить курок? Под подбородок, чтобы наверняка, а?»

Херововыхерновый мудацкий мудозвон, как сказал бы Томми Волк.

– Так каков план? – мистер Берри ждал с недовольным видом, как будто сыщик только что отверг его новенький Kirby²⁰⁵. Америка доверяет Гуверу²⁰⁶ – отвали.

– План... хмм, найти Лори? – он глуповато улыбнулся.

«Можно хоть с продавцом пылесосов», – заверила развязная дама из Стоуна и икнула.

– Знаешь, все эти за'ары... Ну, которых мы якобы похитили, – заново завел шарманку Толстяк. – Выбор кандидата – самая ответственная часть предприятия. Сложность даже не в том, чтобы на нашей стороне совпали определенные параметры...

Богатый или влиятельный труп без наследников – вот ва-

²⁰⁵ модель пылесоса, популярная у коммивояжеров. Жуткая дрянь

²⁰⁶ слоган фирмы по производству хороших пылесосов

ши параметры. И думаешь, я поверю, что никто никогда не помог помереть доплеру из вашего списка? Тот же Блэк за пять центов и мать задушит.

– Важно, чтобы кандидат сам захотел совершить этот *переход*. И чтобы это случилось, мы предлагаем ему мечту.

Ничто не сосет так, как «Кирби»!

– Так что, я скажу тебе то же, что и всем. Этот город – твой лучший шанс. Шанс, которого у тебя никогда не было, и уверяю – больше не будет. Динаполис, – Рэдмонд разверз руки, желая охватить сущее, – единственное место, где ты можешь быть счастливым. Разумеется, *наш* Динаполис.

Толстяк картинно наклонил голову, словно закончил представление на сцене.

«Новая жизнь – новый ты», только больше букв.

– И все, что ли?

– Ну, обычно мы добавляем, что твоя дерьмовая жизнь – это не твоя вина, и так далее...

«Фига ли, не твоя! – встрял мистер Мудозвон. – Ты! Именно ты все проебал, вот не надо!»

– Слушай, Ленни, подумай сам. Здесь женщина, которой ты нужен. Работа, которая тебя достойна. Возможности, которые выпадают один раз, да и то не всем. А там что?

Там женщина, которая нужна мне.

– Просто скажи мне, Ленни, где я неправ.

Мистер Смит тоскливо посмотрел на дверь, и Томми Волк выглянул из светотени. Счастливые за'ары.

– Ты никогда не думал, почему они возвращаются?

– Кто? куда?

– Ваши *путешественники*. Они всегда возвращаются в «Дыру».

– Надеюсь, из-за блюда дня.

Кравитц усмехнулся и ровным тоном продолжил:

– Рекси Джонс. Парень, что батрачил на Дракса, с гребнем. Он был здесь в прошлый раз, если помнишь. А старик Смит небось жопу просидел, ерзяя на твоём кожзаме. Каждый день он просит тебя о чём-то, а ты все качаешь головой. Чего же он хочет, а, Рэдмонд? Дай угадаю. Просится обратно, ведь так? Без дома, без кэша, в безнадежный темный город. Я прав?

Мистер Берри только поморщился.

– Их тянет в «Дыру», их тянет назад, – заключил сыщик, голос горчил, как дым его дешёвых сигарет. – Томми Волк даже отойти от твоей тошниловки не может. Живёт здесь как привязанный, в переулке, за углом. И выглядит, будто бухал последние восемь лет.

– Он журналист. Обычно они спиваются во младенчестве, – раздраженно бросил хозяин. – Что ты пытаешься сказать?

А что ты скажешь, когда одежда пропахла чужим потом? Когда с улицы тянет воню чужого дерьма? Знакомые за'ары притворяются своими, но их души вывернуты наизнанку. И самый светлый день тут темнее темнейшей ночи. Этот город

– будто извращенное отражение с обратной стороны разбитого зеркала. И оно медленно извращает тебя самого. Здесь нельзя жить, здесь нечем дышать и некуда пойти.

Внутренний голос постепенно становился тише. Печальный, как шелест склонившейся ивы над рекой. Кажется, то была Дифайнс.

– Говно твой мир. И сам ты говно, – вместо этого ответил детектив.

– С каких это пор, ребята, вам говно не угодило? – весело рассмеялся хозяин. – Вы же в нем ползаете буквально от рождения.

– Может, мы предпочитаем ползать в своем?

Чужой костюм, в нем неуютно, ведь правда? Пусть даже и по размеру.

– Тут я бессилён, – развел руками мистер Берри. – Потому что другого мира для вас у меня нет.

Наша история могла бы закончиться на этом. Ленни пошел бы немного, надвинул шляпу и поковылял прочь, в холодное бледное утро. Был бы он счастлив? Навряд ли. Страдал бы он? Возможно, но не больше обычного. Лаковые туфли Элмора стерли бы в кровь еще не зажившие ноги, и Лорелея подарила бы ему чужой тоскующий взгляд. Он мог бы пойти на Уэстлейк или на Гулд-стрит, набить морду Брютсу или встретить знакомого и не узнать. Работать на мистера Берри или отобрать контору у Шилдса. Мог бы уехать

в Неаполь, штат Флорида, или в Великую Республику Техас. Но Ленни оставался сидеть.

Время едва плелось, на улице мелькали редкие кары, холодное утро мучительно превращалось в пасмурный день. На вспученном паркете глубоко дышал старина Билли, и студентик подскуливал из забывтья, точно дворняга во сне. Инопланетный джук-бокс казался чужим и мертвым в полярном свете, лишенным электрической жизни. Мистер Берри все еще шинковал травы и смахивал их под стойку, будто готовил смузи для травоядного великана. Интересно, есть ли такие?

– Так ты понимаешь, зачем я здесь? – спросил Ленни. Он говорил ровно, глядя перед собой.

Лори, его Лори. С этого все и началось. Почти три недели назад в его рифленое стекло постучали. Ширес с конвертом и призраком старой любви. Почти семь лет назад в его квартиру ворвалась дрожащая девушка и предложила ему уехать. Кто сказал, что прошлое невозможно вернуть? Изрезав руки в кровь, собрать из осколков растресканное отражение, где дощатый домик, и берег, и трава, тяжелая от росы, и где иногда идет дождь. Нужно только отыскать основной фрагмент. Он. Должен. Найти. Свою. Лори.

– А ты просвети.

Кажется, они вели этот разговор вечность назад.

Ленни достал сигарету, но хозяин больше не предложил подкурить.

– Меня наняли найти одну конкретную персону. – Он вынул из чехла серебряный листок с портретом в пол-оборота. Все, что позволила оставить бездушная Дросс. – Нигде не видел?

– Увы.

– А у меня другие сведения.

– Уверяю тебя, Ленни, Лорелея Ширес никогда не переступала порог этого мира, – натянутым тоном ответил мистер Берри.

– Риз, – глухо сказал Кравитц. – Ее фамилия Риз.

– Кроме того, пока ты бродил в бесплодных скитаниях, данная особа вполне самостоятельно нашлась.

Мерзкий холодок прошел от шеи до копчика, словно кто-то провел лезвием по каждому позвонку.

– И где же она?

– Так вот же, на третьей полосе!

Рэдмонд пододвинул все это время лежавшую на стойке газету и развернул сыщику. Маленькие буквы дрожали на мятой бумаге, и поначалу Ленни никак не мог уловить смысл. А потом уловил.

ГОРИЗОНТЫ СОБЫТИЙ

(ежедневная колонка полицейских новостей)

Пропавшая без вести Лорелея Ширес обнаружена мертвой в подвале собственного дома по адресу... Иногда прошлое нельзя исправить... Заявление об исчезновении женщины поступило в полицию в понедельник, 9 июля... До-

щатый домик в зазеркалье разбивается в дрожащих руках... «Нет сомнений, это – убийство!» – утверждает капитан 11-го участка Элизабет Дросс... Серебристые осколки вскрывают обнаженные вены... Страховой следователь Джеремайя Оливер Ширес III был задержан на вокзале Марлоу при попытке бегства в Канаду... Алая кровь сочится сквозь пальцы на мокрый песок, и равнодушный прибор уносит ее за горизонт.

«Я признаюсь. Я убил, – говорит со страницы Джимми, его угрюмое фото смотрит на сыщика из-под статьи. – Да, я убил, – повторяет бойскаут, и ни к чему добавляет: – Я не сумасшедший». Ленни представил, как твердо он произносит эти слова.

– Как я мог заметить раньше, – продольно нарезая стебли, сказал мистер Берри, – у меня нет для тебя другого мира, кроме этого.

Ленни узнал цвет растения: «коринфская медь». Совсем как он.

– Тогда и для тебя не будет, – мрачно ответил сыщик и положил обе руки на стойку.

Джимми Ширес убил Лори. Его Лори. Они поссорились. Он закопал ее в подвале. Куда ты сунешься с телом в гробном Стоуне? Ленни мог бы назвать с десятков мест. Но никто не покинет Каирн. Даже после смерти. А потом Джимми скормил полиции сказку. Быть может, прочел в газете о «кафе с говорящим названием», быть может, услышал сплетню

на работе. И вот он обратился к одинокому детективу с Гулд-стрит. Зачем ты это сделал, мерзавец? «Ты проведешь меня долиною смертной тени», – в тот вечер сказал Ширес. И Ленни пришел туда, куда обещал не возвращаться. В прошлое. Еще один круг в аду, но кто считает?

«Так я ее и убил, – признался ему Джимми в тот вечер. – А к тебе пришел, потому что совесть замучила». Он сказал: «Хочу, чтобы ты воздал мне за грехи». Тогда это показалось сыщику шуткой.

– Тогда и для тебя не будет, – мрачно сказал Ленни и выложил руки на стойку.

Пальцы левой держали серебряный доллар. Он едва не расплатился им утром, когда покупал сигареты в лавке табачника. Правая ладонь крепко сжимала гранату, уже без чеки. Стоит отпустить рычаг, и...

Проверим, насколько ты быстрый, здоровяк?

– Крайне опрометчивое заявление.

– Твой выбор, Рэдмонд. Ты можешь открыть мне коридор и быть счастливым, – Ленни впечатал коллекционный доллар Шилдса в столешницу и кивнул на другую руку, – либо твой мир станет таким же неприятным, как и мой.

Мистер Берри рассматривал монету, как если бы взорваться могла именно она.

– Какой нетривиальный ход, – медленно протянул он. – Боюсь, мы оба разочаруемся в развязке.

Разочарования ожидают каждого из нас.

– Не волнуйся. Я как-нибудь справлюсь, – ответил Ленни. Посмотрим, как справишься ты...

– Это интересное предложение, – наконец ответила Дросс. Она постоянно поправляла платок, будто тот пытался ее задушить.

Как я тебя понимаю, бро. Как я тебя понимаю.

– У нас будет все: аудио, видео, как на ладони. Одна камера напротив двери внутри. Камера напротив двери снаружи. Микрофон на мне. Микрофон в зале. Все под запись. Полный набор улики. Признание. И если я исчезну прямо на пленке...

Он говорил «у нас», потому что тоже кое-что смыслил в продажах.

– То избежите наказания за... раз... два... три... скольких вы убили на этой неделе?

– Четыре года, Линда, – продолжал давить Ленни.

Он не верил в брехню о том, что она ни черта не нарыла за это время. Бог с ней. Он готов играть по ее правилам.

– Самое крупное дело в твоей жизни. В любой жизни. Мафия. Параллельные миры. И вертолет в гребаном Дракенсберге, ну!

Линда колебалась, как девственница на школьном балу. Глаза сыщика горели предвкушением: в тот момент ему было наплевать, играет она или нет.

Наконец агент Дросс решилась. Ее взгляд впился в сы-

щика, как острое ножа. Линда ударила по столу ключом от браслетов, так бьют костяшками домино на Спиллейн-роуд, и медленно пододвинула его к задержанному. На ее лице отразилась странная смесь похоти, презрения и азарта. Ленни показалось, что он увидел, как на клетчатом узоре платья проступили очертания сосков.

– Если ваша затея не выгорит, мистер Кравитц, вам лучше умереть в том кафе.

– Все будет, Лиз, – улыбнулся Ленни. – Мне сказали, что у меня там место силы.

– А знаешь, у меня тут и правда место силы, – сказал Ленни, когда блендер закончил трудиться.

– Прости, что?

– Обиталище муз. Я словно вижу, как они парят между нами.

Вместо ответа мистер Берри разлил болотную жижу по бокалам, на этот раз без болтающихся кусков. Ленни покосился на забытую на столике сумочку, из которой выглядывал глаз объектива. Камера напротив двери снаружи, камера напротив двери внутри. Он едва узнал Линду в образе закутанной клуши.

– Я же говорил, что не буду пить твою мочу.

– А придется.

Рэдмонд достал бутылочку фирменного соуса и мстительно вылил содержимое в коктейль. Коричневая струйка из-

вивалась внутри мутно-зеленого напитка, будто червяк на крючке.

– Бон аппетита. И бон вояж!

Он демонстративно помешал жижу соломиной.

– А ты ловкач, а?

– Ты помнишь, что в твоём мире тебя разыскивают за убийство?

Страдание – это выбор. Ну и похер!

– Наплевать.

Найду Ширеса. Убью Ширеса. Воздам за грехи, а там посмотрим. «Бойся своих желаний», – сказал судья. Сыщик забрал пойло и нехотя слез со стула. Когти оставили на хрупком стекле различимые следы. Он отсидел ноги, его шатало, словно пьяного. За время их разговора солнце вылезло на краешек неба и теперь расстелило тонкую дорожку к выходу.

– Настало время узнать, глубока ли кроличья нора, а?

– Намного глубже, чем ты можешь себе представить, – мрачно протянул хозяин. – И не забудь возвратить монету.

Кравитц вышел в проход. Он обещал ей ключ от города. Он обещал ей медаль. Вот тебе доказательства, стерва. Сыщик встал так, чтобы обе камеры его поймали. Гвоздь в крышку гроба этой конторы и горсть земли на их могилу заодно. Золотое сияние поднималось от пола, подсвечивая парящие пылинки, из которых, казалось, и состоял весь воздух в кафе.

Я пью за твой успех, стерва, я возвращаюсь домой!

Он поднял бокал и опрокинул жидкость в себя.

– Ты же в курсе, что тебе крупно повезло просто выжить в этой истории? – бросил мистер Берри, протирая разбитую стойку.

– Можешь называть меня Счастливи́чик, – сверкнул фиксой Ленни и растворился в солнечной взвеси.

ЭПИЛОГ

ТАМ, ГДЕ ИДЕТ ДОЖДЬ

Тучи нависли над ночным городом. Испарения поднимались от асфальта, словно зловонное дыхание улиц. Лужи, затянутые мутной пленкой, брызги от протекторов подошв. Увитое черной сталью лестниц здание возвышалось на пути. Темная фигура замерла в перекрестии теней, устремив взгляд на одинокое окно, напоминающее залитый кровью глаз. Стэн повертел в руках рисунок и вернул в папку, оставив на браунстоуне²⁰⁷ смазанный отпечаток большого пальца.

– Как по мне, Стив, у тебя довольно мрачный взгляд на вещи.

Он пришел уже за полночь. Мужик в дешевом костюме, с галстуком, больше похожим на поводок. Стукнула дверь, и звук приглушенно отозвался в темноте. Днем с кабинета

²⁰⁷ песчаный камень, используемый для облицовки зданий; облицовка такого типа

можно было рисовать мансарду художника, если не боитесь погрязнуть в мелких деталях.

– Ну... – протянул поздний гость, усаживаясь на жесткий стул. – Они бы и так все испортили.

– Стэн? – хозяин ждал где-то в тених, за столом, большим и могучим, словно кусок скалы, вросший в пол.

– Правки... изменения... адаптации... коммерциализация... монетизация... введение лишних побочных линий, ты же знаешь. – Он говорил мягко, подбирая слова, словно нащупывал их в кармане. – Они переписывают историю до тех пор, пока ты сам не перестаешь узнавать своих героев.

– А в итоге?

– Я хочу сказать, это скорее авторская работа... – Стэн отодвинул набор с резаками и выложил пухлую папку, из которой в разные стороны торчали уголки эскизов. – Я имею в виду, это сильно. И чертовски стильно, но... Они говорят, что таком виде это не совсем наш формат...

Длинная лампа на струбцине опускала одинокую полосу света, разгоняя песчинки мрака, из которых, казалось, и состояло все вокруг. Свет отражался от полуглянца бумаги, блестел на кончиках перьев, прятался в ворсе кисточек.

– А что скажешь ты?

Стэн повертел в руках здание с красным глазом.

– Ну... я считаю, у тебя слишком мрачный взгляд на вещи.

С обратной стороны к плафону приторочили узкую табличку, чтобы свет сосредотачивался на поверхности стола,

оставляя художника почти в полной темноте. Бог знает, как он работал.

«Она мне не мешает», – как-то ответил Стив.

– Мне мешает отсутствие честности. В нашем деле это путь в никуда.

– Честности?

– Ты мог сразу предупредить, что не поддерживаешь мою концепцию.

– Я не думаю, что дело в этом. И я уверен, у тебя получилась отличная история. – Он постучал по растрепанной папке. – Но бизнес есть бизнес. Боюсь, я не знаю, как нам ее продать.

– Как и все, что мы делаем, – подался вперед хозяин. Из теней проступил абрис лица с квадратными стеклами очков.

– Мы продаем то, что аудитория готова купить, – развел руками Стэн. Дескать, ты ж понимаешь. В отражении линз он видел лысоватого препода, уводящего взгляд на каждой реплике.

– А как же революция в жанре?

Он мог бы быть профессором этики, которого никто не любит.

– Она... в процессе.

Одним из тех, кто давно понял, как устроен мир...

– Реалистичный комикс?

... но продолжает втюхивать свой предмет, потому что это удобно.

– Насколько возможно.

Одним из тех, кто трахает учениц в прачечной кампуса.

– Великий американский роман?

И называет это сексуальными отношениями воспитательного характера.

– Ну... а... – гость снова развел руками, но в этот раз как-то неряшливо.

Он мог бы основать секту.

– Супергероика с человеческим лицом. Персонажи с повседневными проблемами, сближающими их с обывателем. Читатель должен чувствовать, что это история про него. – Стив ронял цитаты из темноты, словно могильные плиты. Это были цитаты Стэна.

– Завидую твоему энтузиазму, Стив, но если ты забыл, мы говорим о нуар-вселенной антропоморфных динозавров, – с легкой иронией ответил Стэн. – Когда я предлагал изменить жанр, уверяю, я имел в виду совсем не это.

Он подождал и, убедившись, что собеседник не станет возражать, менторским тоном продолжил:

– Ты же понимаешь, что наша аудитория – дети? Так что ответь, пожалуйста, мне на простой вопрос: чем твоя история заинтересует подрастающее поколение? «Динозавр может откусить башку Бобби Стерну, а без башки Бобби не сможет отобрать мои деньги на завтрак», – вот как станет рассуждать ребенок. – Он ухмыльнулся собственной бойкой фразе. – Ящерица в качестве антагониста или даже второсте-

пенного антигероя – на мой взгляд, это вполне, вполне. Но ящерицы, которые ноют об утраченной любви. Тоска и страдания, как будто ты на похоронах в сиротском приюте...

Стэн сбился, когда говорил про похороны: пассаж прозвучал непреднамеренно зловеще. Только тут он осознал, насколько тихо в кабинете. Как на кладбище. Звуки его голоса уходили в темноту, где затухали в мягкой бумаге.

– Антропоморфные динозавры, – неуверенно продолжил профессор. Ему показалось, что окружающий мрак потихоньку начал наступать. Клубящиеся песчинки тянулись к блестящим инструментам художника, как к волшебному сокровищу. – Аудитория по определению не сможет отождествлять себя с ними, понимаешь? – намного тише закончил он.

– Понимаю, Стэн.

– Парень двенадцати лет вряд ли увидит себя в твари, которая избивает нищих в подворотнях.

Он помолчал и добавил:

– Нам бы помолиться, чтоб не увидел... К тому же, динозавров никто не любит.

– Вот как? – едва различимые линии губ сложились в то, что могло быть жесткой усмешкой, как если бы Стив сам был динозавром.

– Разумеется, – с готовностью подтвердил Стэн. – Они были мерзкие и тупые. И постоянно думали, как бы кого сожрать. А затем их перемололо эволюцией.

– Тебе бы редактором работать... – саркастически ответил художник.

Если и так, то это определенно не лучшая часть работы. По крайней мере, не сегодня. Люди вообще плохо переносят отказы.

– Послушай... – смягчился ментор.

Он разогнул стойку лампы так, что она ушла вверх, и сдвинул к стене. Свет тускло рассеялся по комнате, ломаясь о линии интерьера. Сотни рисунков задрожали в неверных отблесках. Портреты, герои, раскадровки, искаженные перспективы и замысловатые ракурсы. Лица взирали на происходящее с упреком. Стэну стало не по себе.

– Послушай, Стив... – мягко начал он.

«ДУМАЙ!» – было выведено на узкой табличке, притороченной к плафону, и гость снова сбился, когда заметил эту надпись.

– В общем... Знаешь, я не сомневаюсь в твоём таланте. И что ты можешь рассказать эту историю так, чтобы читатель захотел прожить жизнь с твоими персонажами. Я верю, это у тебя в крови. Я был бы счастливчиком, если бы умел так, честно...

Он вытащил из папки рисунок. Серый кабинет со скошенным кровлей потолком и приглушенными цветами. Тяжелый силуэт за разлинованным фонарным светом столом, тень окна напоминает паутину на канализационном люке. Заточённый за стеклом в деревянном переплете ночной го-

род панорамой замер на заднике. Белая молния целит точно в шпиль Капитолия с нависших полотном небес. Тяжелый силуэт ждет. Тонкий дым поднимается из черной, под мрамор пепельницы.

– Но я кое-что смыслю в другом. Если *мы* действительно хотим что-то продать...

Профессор произнес это «мы» так, будто Стив был одной из его учениц...

– *Мы* должны дать публике то, что она хочет, понимаешь? ... и сейчас он собирается ее поймать.

– Ты имеешь в виду Человека-жвачку? – холодно уточнил Стив. Когда гость сдвинул лампу, он отстранился от света, и теперь сидел, покрытый мешаниной теней, видимый, но не различимый.

– Не стоит так радикально, – по-доброму улыбнулся Стэн. – Но ты должен согласиться, что нам следует сбавить накал жестокости. Эстетика «кишки наружу» все-таки не наш путь. – Он задержался и, снова не встретив возражений, твердо продолжил, проговаривая слова так, будто пытался вдавить их в собеседника. – Добавим экшна. Выстроим четкую детективную интригу. Введем крупную женскую партию. Секретаршу, пусть тоже рыщет. Хрупкую девчонку с большими достоинствами.

Он продемонстрировал, насколько большими должны быть достоинства: любая хрупкая девушка надломилась бы от их веса.

– Америка обожает такие вещи.

В прачечной кампуса.

– Что-нибудь еще?

– Финал... – он принялся перебирать эскизы, пока не вытащил несколько работ из папки. – Надо будет переписать финал.

Темный лист, разбитый на крупные панели.

– Понимаешь, концовка – это то, что остается с читателем на всю жизнь. Людям нужен хэппи-энд. И всем плевать, нуар это или сентиментальная проза.

Люди выходят с вечернего сеанса. Силуэты с зонтами стоят под тусклой кляксой фонаря, точно массовка из нуара.

– А что получает протагонист, кроме одиночества и залитого дождем мира?

Одинокая фигура на залитой площади, заштрихованная дождем, приближается к ним со спины.

– Девушка мертва, и лучший друг снова обвел вокруг пальца.

Гипертрофированная ладонь хочет коснуться затянутого плащом плеча. Вздувшаяся кокетка замерла под порывом ветра.

– Как по мне, слишком круто даже для такого мерзавца.

Люди оборачиваются. На их лицах медленно проступает ужас.

– В общем, ты это... *думай*. – он указал на приклеенную к лампе надпись. – А мне пора. Джоани, конечно, святая, но

не настолько.

«Конрс куртс?» – произносит «пузырь²⁰⁸» скрытого за краем силуэта, словно просит закурить.

Стэн поднялся и положил под рассеянный свет финальную страницу романа.

С лоснящегося листа, залитого тонами ночи, запертый в светотени, под тонкими линиями дождя на мир людей смотрел антропоморфный динозавр в прилипшей гавайке и белой фетровой шляпе. Удивленный, растерянный, сбитый с толку, как ребенок, которого обманули взрослые. Опавшая сигарета в зубах намокла. На его лице блестели капли дождя.

THE END

But we will return in a moment...

Secret Ending

В темном зале за столиком одинокий посетитель читал газету. Квадрат листа закрывал его целиком. За окном бил дождь, словно небеса грозили миру потопом. Жесткие капли хлестали отраженную в стекле ночь. За широкой полосой бульвара, через площадь, залитую водой, тлело желтое пятно фонаря. Размытые фигуры застыли под шляпками зонтов в погибающем свете. Их тени теребил ветер.

Раздался электрический треск, и пронзительно-голубые отблески, вырвавшись из-под двери, замелькали по шахматному паркету, едва ли различимому во мраке. Газета выгну-

²⁰⁸ поле в комиксе, отведенное под текст

лась под порывом, туалетная комната распахнулась. Мягкий тип в рваной гавайке и фетровой шляпе шагал по залу, будто собирался на войну. Он не глядя швырнул на стойку монету в серебряный доллар, слишком крупную для настоящей, и вышел на улицу.

– Экая решимость! Он, как Навин, устремившийся на Иерихон, – улыбнулся мистер Хопс, опуская на клетчатую скатерть завтрашний «Shrike». – Парень вообще в курсе, что немного промахнулся конечным пунктом?

Святоша был в привычном костюме-тройке, белый, будто только что вернулся с проповеди. Его лицо светилось восторгом висельника, снова получившего свободу.

– Чует мое сердце, малыша Ленни ждет масса интересных открытий. И ни одно из них ему не понравится.

Быстрые жесты подчеркивали необычную живость, в которой пребывал пансионарий.

– Больше всего в этих переходах туда-сюда меня восхищает нарушение принципа пространственно-временного детерминизма. Казалось бы, каждая версия континуума послойно накладывается на следующую, как если бы мультиверс был пирожным. Как следствие точки входа-выхода должны всегда совпадать. Однако опыт опровергает умозрительное. С чем это связано, не в курсе? Разница в наклоне оси планет, скорости вращения галактик, а может, просто Ему кажется, что так смешней?

Фигурка Ленни пересекла бульвар и теперь удалялась

вдоль площади. Ее контуры смазало линией дождя.

– Что ж, вот и подходит к концу его история.

На стол легли белый прибор с экранчиком, пластиковая карточка, связка ключей, картонная папка и прозрачный футляр, который пульсировал янтарем. Под толстым стеклом покоилась заспиртованная рука человека.

– Эх, пристрелить бы этого пижона. – Хопс картинно покачал головой и добавил рюгер с глушителем и коробку патронов. – Или тебя. – Он тонко улыбнулся собеседнику. – За то, что такая задница.

В темноте зала по пояс за стойкой неподвижно стоял мистер Берри, розовокожий, как ощипанный кур. Неподвижность доставляла владельцу кафе видимый дискомфорт. Его тело было полупрозрачным, похожим на проекцию.

– Тарабарщина какая! – Пожаловался Тони. Слова сплетались в клубки, словно змеи, и стремились уползти подальше от смысла. – Хоть бы помог, что ли. Ну что ты жмешься, как блудница в исповедальне?

– Ты слишком близко подобрался к солнцу, – печальным эхом отозвался Рэд. – Не боишься ядерной вспышки?

Его контуры светились, он сам был похож на призрак погибшего в атомном взрыве.

– Ни одна птица не парит слишком высоко, Рэдмонд. Если парит на собственных крыльях. Так сказал поэт.

– Ты не птица, Тони. Ты мертвец.

Изображение призрака подрагивало, искажая фон позади.

– К смерти привыкаешь. Однажды я действительно был мертв. Неповторимые двенадцать минут, далеко на севере, где твоего солнца нет и в помине.

Фигурка сыщика за окном приблизилась к силуэтам с зонтиками. Несколько секунд, и парни бросились наутек, как если бы спасались от черта. Их тени скользили по поверхности воды, комично раскинув руки. Одинокий Ленни остался в пятне фонаря, как позабытая во дворе игрушка.

– Много бы отдал, чтобы увидеть его рожу – расхохотался Хопс.

Он воткнул карточку в прибор и принялся тыкать по экрану, поминутно сверяясь с записями.

– Если вернешь то, что взял у Башни, обещаю, умрешь быстро, – на тон громче сказал мистер Берри. Его тело постепенно уплотнялось. – В обратном случае я разберу тебя на атомы.

– Дурные помыслы оставляют тяжелый отпечаток в душе христианина.

– Ты понятия не имеешь, с чем связался.

– На моей улице играл музыкант, – пансионарий говорил, не отрываясь от дела. – Каждый четверг этот гад мучил скрипку, как римляне мучили Христа. Я терпелив, как Бог, ты же знаешь. Целый год я слушал его потуги, но в конце уж было решил, а не пристрелить ли поганца. А потом парня прорвало! Его вкус еще оставлял желать лучшего, но, боже, как он играл! – Святоша закончил ввод данных, и стал

рассовывать предметы по карманам. – Дай динозавру время, и с Божьей помощью он способен на что угодно. – Хопс вытащил из-под стола угольно-черный кейс. – Башня дала мне слишком много времени. На ее беду, я ни разу не скрипач.

Прибор издал протяжный гудок, и в темноте зала полыхнул бело-голубой овал. Мистер Берри дернулся, но невидимые силы удерживали его на месте.

– Не ты один умеешь давить на кнопки, Рэд.

Ценой невероятных усилий владелец кафе сделал несколько шагов. Его ноги подогнулись, он тяжело оперся о стойку.

– Я так и вижу мультиверс в форме пирожного, – мечтательно облизнулся пансионарий, будто планировал его съесть.

Рэдмонд проехал по стойке и рухнул на пол.

– Я бы протянул тебе руку помощи, но...

Мистер Хопс помахал янтарным футляром и вышел в портал.

С Божьей помощью и дьявольским упорством, Санкт-Петербург – Мурманшир, 2018 – 2021 гг.